ПЕТЕРБУРГСКОЕ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

КЛАССИКА
СТАРОЙ КИТАЙСКОЙ ПРОЗЫ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)

И. А. АЛИМОВ

ДЕВУШКА С ОЗЕРА СИХУ

ХУН МАЙ И ЕГО СБОРНИК «ЗАПИСИ И-ЦЗЯНЯ»

«Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
2018

ББК Ш5(5Кит)42-4 Хун Май
УДК 895.1—3

Печатается по решению Ученого совета МАЭ РАН
Рецензенты:
доктор исторических наук Е. А. Резван
доктор исторических наук В. М. Рыбаков

Издание осуществлено при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012—2018 годы)»

А 50 **Алимов И. А. Девушка с озера Сиху:** Хун Май и его сборник «Записи И-цзяня». — СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2018. — 336 с. (Классика старой китайской прозы).

Настоящая книга представляет российскому читателю знаменитого китайского книжника Хун Мая (1123—1202) и его величайшее достижение — «Записи И-цзяня», коллекцию рассказов об удивительном. Книга состоит из двух частей: рассказа об авторе и его собрании, но большей частью из избранных переводов самых лучших рассказов из «Записей И-цзяня».

Издание предназначено для историков литературы, специалистов в области исторической этнографии, а также для самой широкой аудитории, интересующейся старым Китаем.

ISBN 978-5-85803-514-5

© Петербургское Востоковедение, 2018
© И. А. Алимов, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

И. А. Алимов. Об авторе и сборнике *8*

Хун Май. Записи И-цзяня *97*

Ли Сяо-и *99*
Сунь Цзю-дин *101*
Молодой юаньвай У *104*
Странная женщина из столицы *109*
Игла Пан Ань-чана *113*
Древний кувшин из Ияна *115*
Певичка из Юнкана *116*
Ван Цюань стреляет в сороку *118*
Отважная женщина *119*
Областной преподаватель Цзян *124*
Заместитель начальника Цай *129*
Дочь начальника уезда Би *131*
Приговор за сожжение костей для столичных дворцов *137*
Даос из Шанъю *142*
Столичная винная лавка *144*
Цинь-ну — цветок-оборотень *146*
Ян Прозрец *147*

Узилище в Ланьси *155*
Делопроизводитель из загробного управления *158*
Безногая девушка *159*
Кумирня Эр-лана *162*
Девушка из сада Цзычжуюань *163*
Лань-цзе *165*
Чжан Бесеныш *167*
Ван Ба-лан *169*
Хуан Черный пройдоха *172*
Сановник Сюй *175*
Помощник правителя области Чжу *178*
Конь Ван Да-лана *181*
Шаманка-колдунья из Цзиннани *183*
Судебный надзиратель Сюй *185*
Книжник Ван из Цзинани *188*
Сунь Пятый брат *191*
Врата в Хуаян *194*
Женщина из Динчжоу, что набирала воду *198*
И-нян из Тайюаня *199*
Тетка Чэнь *204*
Книжник Лю из Шэньси *205*
Жена помощника цензора Вана *208*
Кун Чахотка *211*
Чжань Малец *215*
Удивительная встреча торговца Чжана *217*
Дуань-сян и винная лавка *220*
Добродетельная госпожа Ю *222*
Девушка с озера Сиху *224*

Забойщик скота Мань из Иду *228*
Головной платок князя Гуаня *230*
Гу Дуань-жэнь *233*
Чайный служка Цуй Третий *236*
Буддийская монахиня с озера Сиху *240*
Дух квартала Сяоифан *242*
Шаман-чародей Чжан *244*
Как прославился Дин Ши *246*
Ван Чжи-фу *249*
Лю Юань *251*
Внучка Ханчжоуского Дуна *256*
Девушка с южного рынка в Эчжоу *261*
Сын зажиточного простолюдина из Шуангана *265*
Лу Сы-гун *266*
Как Лю Цзы-сюй бесов рубил *268*
Девушки из сада при храме Дунсянсы *271*
Две кошки из Тунцзяна *273*
Сюй Отгрызенное ухо *274*
Девица Цзе Ци-у *277*
Как Чэнь Юй обуздал шамана *281*
Торговец имбирем из Хучжоу *283*
Башня Фэнлэлоу *286*
Канцелярист Ли *289*
Третья девица Ян *293*
Жена Сюй Синя *298*
Даос, что покупал вино в Синсяне *300*
Как Го Лунь любовался фонарями *304*
Горная обитель в Шэнсяне *306*

Библиография *311*

ОБ АВТОРЕ И СБОРНИКЕ

Великий сунский книжник и литератор Хун Май (洪邁 1123—1202, второе имя Цзин-лу 景盧, литературные псевдонимы Жун-чжай 容齋 и Е-чу лао-жэнь 野處老人) происходил из старинной служилой семьи. Его дед Хун Янь-сянь (洪彥暹 1058—?) за заслуги перед сунским троном был пожалован почетной должностью *тайши* (наставник императора), а также титулом Циньго-гуна. Отец Хун Мая Хун Хао (洪皓 1088—1155), крупный придворный чиновник, человек обширных познаний, в 1129 г. был отправлен посанником в царство Цзинь (1115—1234), где чжурчжэни насильно удерживали его в плену вплоть до 1142 г., безуспешно пытаясь заставить изменить Южной Сун (1127—1279) и перейти к ним на службу и. По возвращении на родину императорский двор пожаловал послу за стойкость должность тайши, титул Вэйго-гуна, а впоследствии даровал посмертное имя Чжун-сюань («Преданный до самого конца»).

Хун Маю было семь лет, когда его отец отправился к чжурчжэньскому двору, и мальчик начал постигать книжную премудрость под руководством матери — вместе с двумя старшими братьями Хун Ко (洪适 1117—1184) и Хун Цзунем (洪遵 1120—1174) [1]. Юный Хун Май проявил большие способности в учении: как сказано в его биографии в официальной сунской истории (цз. 373), «в день [он] прочитывал по нескольку тысяч слов; раз глянет — и запомнил; постиг все, что содержалось в книгах, даже [сочинения] байгуань или Юй Чу, последователей Шакья и Лао[-цзы], не испытывая затруднений» [2]. В результате в 1145 г., в возрасте двадцати

---

[1] Старшие братья Хун Мая тоже прославились литературными талантами и достигли высот на служебном поприще: венцом карьеры Хун Ко стал пост *цзайсяна* («правительствующий сподвижник», верховный советник императора), а Хун Цзунь дослужился помощника цзайсяна. Всего же у Хун Хао было одиннадцать детей — три дочери и восемь сыновей, и все сыновья стали чиновниками. Среди потомков рода Хун было много известных людей, в том числе лидер тайпинского восстания Хун Сю-цюань (洪秀全 1814—1864), внук Хун Хао в двадцать восьмом колене.

[2] Б а й г у а н ь — в древности: широкий круг чиновных лиц не самого высокого ранга, чьи служебные обязанности так или иначе могли быть связаны с возможностью получения различной информации об умонастроениях простого народа. Китайская традиция связывает байгуань с появлением прозы сяошо как явления словесности, прозы низкой, о высоких материях не повествующей. Ханьский Ю й Ч у (虞初 140?—87 до н. э.) — автор утерян-

трех лет, Хун Май выдержал столичные экзамены, пройдя по списку третьим, и получил первое, довольно неплохое назначение на службу в секретариат провинциального финансового управления Лянчжэлу [1]. Однако из-за непримиримых противоречий между Хун Хао и тогдашним цзайсяном Цинь Гуем (秦檜 1090—1155) пострадали не только отец, но и сын: Хун Хао был отослан от двора на должность начальника области Жаочжоу (располагалась на территории совр. пров. Цзянси) и больше ко двору никогда не вернулся, а Хун Мая сделали областным преподавателем в Фучжоу (Фуцзянь). К месту назначения Хун Май поехал не сразу, сначала отправился к отцу в Жаочжоу и лишь в конце 1148 г. прибыл в Фучжоу.

Позднее чиновничья карьера Хун Мая продолжилась — он служил в Департаменте чинов и Департаменте церемоний, работал в императорском

ных «Юй чу чжоу шо цзю бай сы ши сань пянь» (虞初周說九百四十三篇 «"Речения Юй Чу о Чжоу" в девятистах сорока трех главах»), одного из первых собраний прозы сяошо. Подробнее см.: *Алимов И. А.* Сад удивительного. С. 23—26, 36—38.

[1] Сунская провинция Лянчжэлу занимала территорию совр. пров. Чжэцзян и Шанхая, а также область Маошани и Чантанху совр. пров. Цзянсу. В 1076 г. Лянчжэлу была поделена на две самостоятельные административные единицы, Чжэдун и Чжэси, но на следующий год единство Лянчжэлу восстановили. В начале правления Южной Сун Лянчжэлу вновь была разделена на Чжэдун и Чжэси.

секретариате, а также внештатным помощником начальника канцелярии двора, был сверщиком текстов в императорской библиотеке и составителем хроники царствования в Исторической палате.

В 1161 г. цзиньский Ши-цзун (на троне 1161—1189) направил ко двору Сун посольство, и Хун Май получил должность *цзебаньши* (церемониймейстер для приема иностранных послов), а когда сунский двор пожелал отправить к чжурчжэням ответное посольство, испросил разрешение с таким посольством отправиться. Для придания соответствующего статуса ему было даровано временное звание *сюэши* (ученый муж) придворной академии Ханьлиньюань и поручено поздравить нового цзиньского владыку со вступлением на престол. В цзиньской столице, однако, Хун Май был принят вовсе не столь радушно: от него потребовали соблюдения этикетных норм, которых должны придерживаться вассалы, прибывшие ко двору сюзерена, от чего Хун Май отказался [1]. Цзиньский столичный губернатор, желая

---

[1] У чжурчжэней были основания для подобного поведения. Именно в результате китайско-чжурчжэньской войны 1125—1126 гг. сунская империя лишилась значительных территорий на севере страны, города Кайфэна, правящего императора и почти всех членов императорского рода, которые были пленены чжурчжэнями и увезены в Цзинь. Остатки двора вместе с Чжао Гоу (趙构 1107—1187), единственным уцелевшим отпрыском сунского дома, обосновались в Наньцзине (Хэнань), где Чжао Гоу был провозглашен императором, известным как Гао-цзун (на троне 1127—1162). Впервые в китайской истории сложи-

принудить строптивца подчиниться, держал Хун Мая и его людей взаперти три дня, не давая ни еды, ни воды, и подумывал бросить в узилище, но цзиньский цзайсян Чжан Хао (張浩 ?—1163) отговорил того от подобного шага: Хун Маю даровали аудиенция, после чего посольство было отправлено на родину, ничего не достигнув [1].

Понятно, что столь бесславное возвращение не прошло для Хун Мая даром: при сунском дворе решили, что он не сумел выполнить возложенную на него миссию, а потому его следует отправить в отставку. И лишь в 1163 г. Хун Май снова вернулся на службу, но не при дворе, а в провинции, куда был назначен начальником области Цзичжоу, а затем, в 1166 г., начальником Ганьчжоу (обе располагались

лась ситуация, когда императорский двор ради сохранения государства был вынужден идти на практически любые уступки чжурчжэням, в том числе на признание вассальной зависимости, не говоря о ежегодной огромной дани. Подробнее о взаимоотношениях Сун и Цзинь см.: *Гончаров С. Н.* Китайская средневековая дипломатия. Отец Хун Мая Хун Хао, возглавлявший первое из трех посольств 1129 г., судя по всему, как раз и вез посольскую грамоту, содержавшую предложение унизительных для китайцев уступок.

[1] Среди китайских ученых нет единого мнения о том, подчинился ли в конце концов Хун Май требованиям цзиньского двора; большинство склоняется к тому, что нет. Специалист по старой литературе Чжу Цзе 朱潔 аргументированно доказывает, что, отказавшись поначалу, Хун Май затем все же вынужден был подчиниться. См.: *Чжу Цзе*. Хун Май цюй Цзинь цзи ци юаньинь таньцзю.

на территории совр. пров. Цзянси). В новой должности Хун Май проявил себя чиновником высоких устремлений: активно занимался вопросами местного образования, строил школы и всячески заботился о благе вверенного ему населения.

На следующий год Хун Май возвратился в столицу, где получил пост *цицзюй шэжэня*, а в потом стал *чжуншу шэжэнем* и *шиду* [1]. Последующие годы — вплоть до 1176-го — Хун Май провел на провинциальных должностях: был начальником области Ганьчжоу (располагалась на территории совр. пров. Цзянси) и Учжоу (Чжэцзян), где под его деятельным руководством были построены или полностью отремонтированы более восьмисот речных и озерных дамб.

Позднее император Сяо-цзун (на троне 1163—1189) призвал Хун Мая ко двору, и тот получил возможность высказать свои соображения по поводу сооружения и восстановления укреплений на границе с Цзинь, а также о тактически выгодном расположении войск и пограничных отрядов и повышении уровня обороноспособности в целом, чем заслужил

---

[1] *Цицзюй шэжэнь*. — С 1067 г. в обязанности такого чиновника входило, постоянно находясь при особе императора, записывать высочайшие речения для последующего составления хроники царствования. *Чжуншу шэжэнь* — чиновник Государственной канцелярии, ведавший делопроизводством и составлением черновиков императорских бумаг. *Шиду* — придворный чтец, должность в академии Ханьлиньюань.

одобрение императора — был возвращен в столицу, назначен *шицзяном*, служил в Исторической палате, стал *чжисюэши* палаты Фувэньгэ [1]. Расположение Сяо-цзуна к Хун Маю было столь велико, что вскоре тому были дарованы посты сюэши в академии Ханьлиньюань и *чжичжигао* [2].

В 1187 г. Хун Май был главным экзаменатором на столичных экзаменах, на следующий год его отправили управлять Чжэньцзяном (важный торговый округ, располагавшийся на территории совр. пров. Цзянсу), а в 1190 г. Хун Май был назначен управлять округом Шаосин (Чжэцзян).

Несколько раз он подавал доклады на высочайшее имя с просьбой об отставке по старости, получая в ответ новые (скорее почетные) назначения. Хун Май умер в 1202 г. в возрасте восьмидесяти лет. Императорский двор даровал Хун Маю посмертное имя Вэнь-минь («Просвещенный и мудрый») и по-

---

[1] *Шицзян* — толкователь-служитель, составлявший по запросу сводные описания письменных текстов, занимавшийся также проверкой и выправлением канонических книг. Палата Фувэньгэ была учреждена в 1140 г. для хранения архивов императора Хуэй-цзуна (на троне 1101—1125) — его книг, писем, сочинений, рукописей, картин и карт. *Чжисюэши* — «дежурный ученый муж», функционально то же, что и сюэши, но более низкой служебной квалификации.

[2] *Чжичжигао* — чиновник, ведавший составлением черновиков императорских бумаг, придворная должность, во многом сходная с чжуншу шэжэнем, но выше рангом.

четную должность *гуанлу дафу* («Великий муж блистательного преуспеяния») [1].

Человек обширных знаний и широчайшей эрудиции, Хун Май был крупным литератором, поэтом, историком, поэтому наследие его весьма велико: известно, что он принимал участие в составлении «Сун сы чао го ши» (宋四朝國史 «История сунского государства при четырех правлениях»), «Тай цзу тай цзун бэнь цзи» (太祖太宗本紀 «Основные записи о Тай-цзу и Тай-цзуне») и некоторых других официальных исторических сочинений; Хун Маю принадлежит утраченная хроника правления «Цинь цзун ши лу» (欽宗實錄 «Правдивые записи о Цинь-цзуне»); нам известно о его сборнике «Е чу вэнь цзи» (野處文集 «Собрание прозы Е-чу»), которое включало две цзюани изящной прозы высокого стиля [2]. В со-

---

[1] Такое пожалование обеспечивало семье покойного безбедное существование. Подробнее о Хун Мае см. его официальную биографию в цз. 373 сунской истории, а также: *Ли Цзянь-го.* Сундай чжигуай чуаньци сюйлу. С. 335—337; Sung Biographies. Vol. 1. P. 469—478. Также см. современное, весьма подробное, погодное жизнеописание: *Лин Юй-чжи*. Хун Май няньпу.

[2] *Цзюань* («свиток») — единица книжной номенклатуры, по выражению Л. Н. Меньшикова (1926—2005). Название восходит к тем временам, когда книги в Китае имели хождение в виде шелковых свитков, намотанных на деревянный стержень. С изобретением книгопечатания появились книги в форме кодекса, а цзюань стала основной единицей измерения книжного объема. Ближайший привычный нам аналог — «часть» (см.: *Меньшиков Л. Н.* Рукописная книга в Китае I тысячелетия н. э.).

ставе «Сы ку цюань шу» (四庫全書 «Все книги из четырех хранилищ») сохранилось собрание стихов Хун Мая — «Е чу вэй гао» (野處類藁 «Наброски Е-чу по разделам») [1]. Хун Май составил знаменитую антологию «Вань шоу тан жэнь цзюэ цзюй» (萬首唐人絕句 «Десять тысяч четверостиший танских авторов»), которая первоначально насчитывала сто цзюаней по сто стихотворений в каждой [2]. Однако самую большую известность принесли Хун Маяю такие произведения, как весьма масштабный сборник *бицзи* «Жун чжай суй би» (容齋隨筆 «Заметки

---

[1] Собрание прозы и стихов Хун Мая было утеряно и частично реконструировано в минское время под названием «Хун вэнь мин гун цзи» (洪文敏公集 «Собрание покойного господина Хун Вэнь-миня») в восьми цзюанях; также проза Хун Мая вошла в собрание «Цюань сун вэнь» (全宋文 «Вся сунская проза»), цз. 4911—4920. В антологии «Цюань сун цы» (全宋詞 «Все сунские стихи-*цы*») есть шесть принадлежащих Хун Маю стихотворений, в «Цюань сун ши» (全宋詩 «Все сунские стихи-*ши*») классическим стихам Хун Мая отданы цз. 2121—2123. В 2011 г. в Наньчане вышел двухтомник «Поян сань Хун цзи» (鄱陽三洪集 «Собрание сочинений трех Хунов из Пояна»), куда вошли стихи и проза Хун Мая и его двух старших братьев; издание было подготовлено сучжоуским специалистом по Хун Маю Лин Юй-чжи (凌郁之 р. 1968).

[2] Мы располагаем лишь минской реконструкцией утраченного текста данной антологии — в сорока цзюанях (была переиздана в двух томах в 1983 г. в Пекине). Подробнее об утерянных и сохранившихся произведениях Хун Мая в хронологической последовательности см.: *Лин Юй-чжи*. Хун Май чжуцзо синянь каочжэн.

Жун-чжая»), от которого сохранилось семьдесят четыре цзюани, а также — «И цзянь чжи» (夷堅志 «Записи И-цзяня»), и на последнем сочинении мы остановимся подробнее [1].

***

Первое известие об «И цзянь чжи» мы находим в каталоге домашней библиотеки южносунского поэта Ю Мао (尤袤 1127—1194) «Суй чу тан шу му» (遂初堂書目 «Перечень книг из зала Суй-чу»), где не указаны ни имя автора, ни количество цзюаней [2]. Понятно, что Ю Мао имел в своем распоряжении лишь малую часть «И цзянь чжи», ведь Хун Май завершил свое собрание, когда Ю Мао уже умер.

---

[1] О «Жун чжай суй би» на русском языке см.: *Алимов И. А.* Лес записей. С. 142—144. Варианты перевода названия «И цзянь чжи»: «Рассказы И-цзяня» (*Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В.* Этническая история китайцев. С. 287), «Записки И-цзяня» (*Голыгина К. И.* Новелла средневекового Китая. С. 66), «Record of Listener» (*Haar B. J., ter.* Newly Recovered Anecdotes from Hong Mai's (1123—1202) «Yijian zhi». P. 19; *Inglis A. D.* A Textual History of Hong Mai's «Yijian zhi». P. 288); «Records of Yi Jian» (The Cambridge History of Chinese Literature. P. 566); «Record of Hearsay» (*Davis E. L.* Society and the supernatural in Song China. P. 3).

[2] См.: *Ли Цзянь-го.* Сундай чжигуай чуаньци сюйлу. С. 337. Отсутствие имен авторов, указания на объем текстов и аннотаций к ним свойственно всей библиографии Ю Мао.

Наиболее раннее упоминание полной коллекции Хун Мая содержится в предисловии к ней, написанном поэтом и библиофилом Хэ И (何異 вт. пол. XII—нач. XIII в.) в 1212 г. [1]

Более подробные сведения дает в своей библиографии «Цзюнь чжай ду шу чжи» (郡齋讀書志 «Заметки о чтении книг в кабинете начальника округа») южносунский библиофил Чао Гун-у (晁公武 XII в.):

> «Записи И-цзяня», четыреста восемнадцать цзюаней. Книга, в которой покойный господин Хун Вэньминь записал всё странное и необычайное. Название ее по всей видимости взято из «Ле-цзы», где сказано: «Великий Юй видел их во время своих странствий, Бо-и знал о них и дал им имена, И-цзянь слушал про них и записал слышанное». Это надо понимать так, что в древности И-цзянь обладал глубочайшими познаниями [2].

Полноценное описание всего собрания мы находим в каталоге «Чжи чжай шу лу цзе ти» (直齋書錄解題 «Аннотированная библиография книг из кабинета Чжи-чжая») младшего современника Чао Гун-у Чэнь Чжэнь-суня (陳振孫 1190—1249), где сказано:

> «Записи И-цзяня», от [части] *цзя* 甲 до [части] *гуй* 癸 двести цзюаней; от [раздела] *цзя* [части] *чжи* 支甲 до [раздела] *гуй* [части] *чжи* 支癸 сто цзюаней;

---

[1] См.: *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 4. С. 1817.

[2] *Чао Гун-у*. Цзюнь чжай ду шу чжи цзяочжэн. С. 1233.

от [раздела] *цзя* [части] *сань* 三甲 до [раздела] *гуй* [части] *сань* 三癸 сто цзюаней; в [разделах] *цзя* и *и* [части] *сы* 四甲四乙 двадцать цзюаней, а всего — четыреста двадцать цзюаней. Составил сюэши Ханьлинь[юань] Хун Май из Пояна, второе имя Цзин-лу [1].

Обе записи говорят нам о двух вещах. Во-первых — о названии собрания Хун Мая, которое, как указал Чао Гун-у, восходит к философскому трактату «Ле-цзы» 列子, содержащему следующий пассаж:

...К северу от Крайнего Севера есть океан, зовущийся Небесный Озером. В нем живет рыба, которую зовут Кунь, и в длину она достигает неведомо сколько *ли*. И есть птица, имя ей Пэн, чьи крылья — как тучи, нависшие в небе, а туловище — им соответствующее. Кто в мире знает про эти существа? Великий Юй видел их во время своих странствий, Бо-и знал о них и дал им имена, И-цзянь слушал про них и записал слышанное [2].

То есть, включив в название своего собрания имя И-цзяня, Хун Май, по всей вероятности, хотел,

---

[1] *Чэнь Чжэнь-сунь*. Чжи чжай шу лу цзе ти. С. 336.

[2] Чжуан-цзы. Ле-цзы. С. 338. Перевод В. В. Малявина. Великий Юй 大禹 — легендарный герой китайской древности, тридцать лет подряд трудился над усмирением потопа, а также навел порядок в животном мире. Бо-и 伯夷 усмирял потоп совместно с Юем и был полезен тем, что знал повадки животных и птиц и понимал их язык. *Ли* — традиционная мера длины, около полукилометра.

с одной стороны, подчеркнуть необычный, странный, сверхъестественный характер собранных им историй, а с другой — хотел встать вровень с мифическим И-цзянем, которого мы можем считать едва ли не первым автором *чжигуай сяошо*, то есть прозы об удивительном [1]. Кроме того, нужно иметь в виду, что если сам Ю видел где-то рыбу Кунь и птицу Пэн, то И-цзянь лишь слышал о них и сделал записи с чужих слов, доверившись своему информатору. Последнее обстоятельство роднит И-цзяня и Хун Мая, поскольку тот в «И цзянь чжи» выступил коллекционером, поставившим перед собой задачу собрать как можно больше удивительных историй. Чэнь Чжэнь-сунь свидетельствует:

> ...Люди передают, что Сюй Сюань был любитель поговорить о пугающем. То, о чем его гости не осмеливались рассказать и, теряя разум [от страха], отказывались вспоминать, хитрыми речами выманивал у них и собирал в коллекцию, — ныне [Хун] Май из таких же. На склоне лет [он] стал поспешать в составлении своего труда, безрассудно черпая во множестве древние истории из «Обширных записок [годов Тайпин]». Переиначивал от начала и до конца, давал новые, подходящие [содержанию] названия, и наскоро, едва набиралось сколько-то цзюаней, не трудясь более над обработкой, включал в коллекцию. И хотя ис-

---

[1] Подробнее об истории прозы сяошо с I по X вв. на русском языке см.: *Алимов И. А.* Сад удивительного; *Алимов И. А.* Записи о сокровенных чудесах.

тории попадались вульгарные, а стиль изложения [случался] грубый — отнюдь не печалился [1].

Во-вторых, эти записи свидетельствуют об объеме «И цзянь чжи»: Чао Гун-у говорит о четырехстах восемнадцати цзюанях, а Чэнь Чжэнь-сунь — о четырехстах двадцати (возможно, у Чао Гун-у описка или опечатка). Масштаб собрания Хун Мая поражает — ведь в упомянутой Чэнь Чжэнь-сунем антологии «Тай пин гуан цзи» всего пятьсот цзюаней, а над составлением ее трудился целый коллектив авторов! Конечно, «Тай пин гуан цзи» была создана в гораздо более короткие сроки, нежели «И цзянь чжи», но, даже если мы примем на веру утверждение Чэнь Чжэнь-суня о том, как Хун Май работал с «Тай пин гуан цзи», все равно труд его иначе как колоссальным не назовешь.

Далее мы узнаём, что во времена Чэнь Чжэнь-суня собрание «И цзянь чжи» состояло из некоторого количества частей (обозначенных десятеричными циклическими знаками и порядковыми числительными), которые подразделялись на разделы (обозначенные циклическими знаками). В собрании объе-

---

[1] *Чэнь Чжэнь-сунь*. Чжи чжай шу лу цзе ти. С. 336. Сюй Сюань (徐鉉 916—991) — раннесунский каллиграф и литератор, автор сборника чжигуай сяошо «Цзи шэнь лу» (稽神錄 «Записи об изучении духов»). «Обширные записки годов Тай-пин» — раннесунская (978 г.) антология «Тай пин гуан цзи» 太平廣記, которая в основном содержит разные истории об удивительном и странном.

мом и упорядоченностью выделялись первые три части, включавшие, соответственно, двести и два раза по сто цзюаней. Каждая из этих частей состояла из десяти разделов, тогда как четвертая часть была совсем маленькой — всего в два раздела. В свою очередь, судя по всему, каждый также раздел состоял из десяти цзюаней.

Хун Май публиковал свое собрание по мере готовности, разные части «И цзянь чжи» бытовали в виде отдельных списков, о чем известно из собственных предисловий автора к ним. Так, в предисловии к части *и чжи* (乙志 вторая часть «И цзянь чжи») сказано, что когда первая часть (甲志 *цзя чжи*) была закончена, она «распространилась среди ученых мужей высшего света, и теперь ее печатают с досок в Минь, Шу, У и Линьане — кажется, эта книга есть повсюду... В пятую луну лета восьмого года [правления под девизом Цянь-дао] (1172) ксилография, напечатанная в Гуйцзи, была переиздана в Гань — выброшены пять историй, две переставлены [в другие места], тоже прекрасная редакция. В седьмую луну седьмого года под девизом правления Чунь-си (1180) напечатали [ту часть] еще и в Цзяньани» [1].

---

[1] *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 1. С. 185. Минь — территория совр. пров. Фуцзянь, Шу — нынешняя пров. Сычуань, У — пров. Чжэцзян, Линьань — совр. г. Ханчжоу, столица Южной Сун, Гань — пров. Цзянси. Гуйцзи — древний город, ныне Шаосин, пров. Чжэцзян. Цзяньань — округ, располагавшийся на территории совр. пров. Фуцзянь.

Таким образом, мы видим, что первые части собрания Хун Мая имели большой успех и неоднократно переиздавались ксилографическим способом.

В последующее время в результате разрушений, вызванных монгольским нашествием, собрание Хун Мая понесло значительный урон: уже через век после Чэнь Чжэнь-суня от четырехсот двадцати цзюаней «И цзянь чжи» в обращении осталось всего сто сорок — именно такое число зафиксировано в официальной сунской истории (цз. 209), которая, как известно, была составлена в 1345 г. Юаньский Шэнь Тянь-ю (沈天佑 кон. XIII—XIV в.), решив около 1362 г. напечатать «И цзянь чжи», уже не смог раздобыть ксилографии, что были ранее выпущены в Сычуани и Чжэцзяне, по причине чего воспользовался лишь фуцзяньским изданием, полным ошибок и пропусков. Шэнь Тянь-ю привел рукопись в порядок, дополнил по возможности и в результате выпустил текст под названием «И цзянь чу чжи» (夷堅初志 «Начальные записи И-цзяня») в восьмидесяти цзюанях — части *цзя*, *и*, *бин* и *дин* по двадцать цзюаней в каждой [1].

В минское время собрание Хун Мая стало редкостью, в руки библиофилов и составителей прозаических антологий попадали буквально крохи — от десяти до пятидесяти цзюаней в среднем. Известный филолог Ли Цзянь-го (李劍國 р. 1943) называет несколько книжных собраний того времени, куда

---

[1] См. предисловие Шэнь Тянь-ю к этому изданию: *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 4. С. 1833.

вошло по нескольку цзюаней из «И цзянь чжи», указывая, что оригинал их был *цаньцюэ* (殘缺 «поврежден») или *цюэ* (闕 «неполный») [1]. Так, великий минский книжник, текстолог и собиратель редких книг Ху Ин-линь (胡應麟 1551—1602) с сожалением писал, что располагает далеко не полным текстом «И цзянь чжи», а те списки, которые ему удалось раздобыть, во многом повторяют друг друга [2].

До наших дней дошло значительное количество ксилографических изданий «И цзянь чжи»: это или поздние издания первых частей первоначального собрания (как правило, в пятьдесят или восемьдесят цзюаней), или реконструкции текста, сделанные китайскими библиофилами и текстологами последующих эпох, или же тематические выборки из собрания Хун Мая (подобные сделанному Чэнь Юем или Хэ И). Одним из важных списков «И цзянь чжи» является уже упоминавшееся издание Шэнь Тянь-ю, которое знаменитый цинский ученый и коллекционер Сюй Цянь-сюэ (徐乾學 1631—1694) назвал *сунбэнь юаньинь* (宋本元印 «сунский оригинал, напечатан-

---

[1] См.: *Ли Цзянь-го.* Сундай чжигуай чуаньци сюйлу. С. 338. Более подробный список записей об «И цзянь чжи» в минских и цинских частных библиографиях и каталогах библиотек см.: *Чжан Чжу-пин.* «И цзянь чжи» дэ баньбэнь яньцзю. С. 67—68.

[2] См.: *Хун Май.* И цзянь чжи. Т. 4. С. 1823—1825. Известный специалист по Хун Маю Чжан Чжу-пин (張祝平 р. 1955) полагает, что Ху Ин-линь имел дело с избранным из «И цзянь чжи» (*Чжан Чжу-пин.* «Фэнь лэй и цзянь чжи» яньцзю. С. 83).

ный при Юань»). Над усовершенствованием этого списка работали цинский поэт, библиофил и текстолог Янь Юань-чжао (嚴元照 1773—1817), известный книжник и текстолог Хуан Пи-ле (黃丕烈 1765—1825), политик и каноновед Жуань Юань (阮元 1764—1849), а также один из четырех крупнейших цинских библиофилов и издателей Лу Синь-юань (陸心源 1838—1894) и некоторые другие авторитетные текстологи [1]. Имела хождение отдельная версия второй части «И цзянь чжи» — разделы из части *чжи* и части *сань*, в основном списки в пятьдесят цзюаней. Характерный пример подобного списка — издание минского Е Бан-жуна (葉邦榮 XVI в.), которое он предпринял в 1536 г.

Что до разнообразных реконструкций «И цзянь чжи», то среди дошедших до нас выделяются «Синь дин цзэн бу и цзянь чжи» (新訂增補夷堅志 «Вновь выправленные и дополненные "Записи И-цзяня"»), подготовленные минским литератором Чжун Сином (鍾惺 1581—1624), в пятидесяти цзюанях; а также минские «Синь кэ и цзянь чжи» (新刻夷堅志 «Вновь напечатанные "Записи И-цзяня"») Тан Чэна (唐晟 XVI в.) в десяти цзюанях (из которых сохранилось

---

[1] Лу Синь-юань напечатал список Шэнь Тянь-ю в своей серии «Ши вань цзюань лоу цун шу» (十萬卷樓叢書 «Книжная серия из Башни ста тысяч свитков»), однако сын Лу, крупно прогорев в торговле, в 1906 г. продал всю его коллекцию (в том числе и оригинальный список Шэнь Тянь-ю) в Японию, так что в Китае остались только сделанные с него поздние ксилографии.

семь) — их ксилографии хранятся в Пекинской библиотеке.

Тематические выборки из «И цзянь чжи» стали появляться уже в южносунское время — к примеру, избранное в трех цзюанях, сделанное Чэнь Юем (陳昱 вт. пол. XII—нач. XIII в.): им были отобраны фрагменты, имеющие отношение к поэзии, врачеванию, заклинаниям; подобного же типа избранное Хэ И в десяти цзюанях, куда были включены «неволшебные» (по возможности) фрагменты поучительного характера [1]. Наиболее известно избранное сунского Е Цзу-жуна (葉祖榮 XIII в.) — «Синь бянь фэнь лэй и цзянь чжи» (新編分類夷堅志 «Вновь составленные "Записи И-цзяня", распределенные по разделам») в пятидесяти одной цзюани, сунские ксилографии которого до нас не дошли; мы располагаем дишь минским изданием реконструкции выборки Е Цзу-жуна, сделанным потомком Хун Мая библиофилом и коллекционером Хун Пянем (洪楩 XVI в.) и напечатанным в 1546 г.. Также известен появившийся под явным влиянием Е Цзу-жуна сборник минского Ван Гуан-цзу 王光祖 «Гань ин хуэй чжэн и цзянь чжи цзуань» (感應彙徵夷堅志纂 «Компендиум собранных воедино свидетельств об услышанных молитвах из "Записей И-цзяня"») в четырех цзюанях [2].

---

[1] Подробнее см.: *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 4. С. 1817. Хэ И имел дело с полной версией текста — в 420 цзюаней. Он напечатал свою выборку в качестве приложения.

[2] Следует также упомянуть минское же издание «Фэнь лэй и цзянь чжи цзя цзи» (分類夷堅志甲集 «Распределен-

Понятно, что все перечисленные списки, реконструкции и компиляции во многом друг друга дублируют и дополняют.

Наиболее полный вид коллекция Хун Мая приобрела в 1927 г., когда директор шанхайского издательства «Шанъу иньшугуань», знаменитый библиофил и издатель Чжан Юань-цзи (張元濟 1867—1959) проделал громадную текстологическую работу и подготовил на основании списка Янь Юань-чжао (с учетом правок Хуан Пи-ле и с использованием всех остальных сохранившихся ксилографических изданий) критический текст «И цзянь чжи», после чего издал его под названием «Синь цзяо цзи бу и цзянь чжи» (新校輯補夷堅志 «Вновь сверенные, собранные и дополненные "Записи И-цзяня"»), куда в итоге вошли сто восемьдесят цзюаней основного текста, а также еще двадцать шесть цзюаней фрагментов, восстановленных по иным источникам [1].

ные по разделам "Записи И-цзяня", первая часть»), от которого из двадцати цзюаней до нас дошли пять. Уникальность данного издания состоит в том, что оно напечатано не ксилографическим способом, а с помощью подвижного наборного шрифта.

[1] В данном издании дополнений было два: первое (志補 «Дополнение к "Записям"), в двадцати пяти цзюанях (двести семьдесят семь фрагментов), и второе (再補 «Еще одно дополнение»), в одной цзюани (тридцать четыре фрагмента), куда вошли рассказы, сохранившиеся в десяти других сочинениях — таких, как «Бинь туй лу» (賓退錄 Записи ушедшего на покой») сунского Чжао Юй-чжи (趙與時1175—1231), и др. Издание получило назва-

Наконец, в 1981 г. в Пекине увидело свет четырехтомное издание «И цзянь чжи», подготовленное Хэ Чжо 何卓; оно базируется на критическом тексте 1927 г. [1] На настоящий момент это самое распространенное издание коллекции Хун Мая [2]. В его составе: часть *цзя* (甲 двадцать цзюаней, триста восемнадцать фрагментов), часть *и* (乙 двадцать цзюаней, двести пятьдесят четыре фрагмента), часть *бин* (丙 двадцать цзюаней, двести шестьдесят четыре фрагмента), часть *дин* (丁 двадцать цзюаней, двести шестьдесят семь фрагментов); от части *чжи* 支 сохранились разделы *цзя* (甲 десять цзюаней, сто тридцать семь фрагментов), *и* (乙 десять цзюаней, сто тридцать один фрагмент), *цзин* (景 десять цзюаней, сто сорок шесть фрагментов), *дин* (丁 десять цзюаней, сто тридцать три фрагмента), *у* (戊 десять цзюа-

---

ние *Ханьфэньлоу бэнь* 涵芬樓本, то есть «список из башни Ханьфэньлоу», книгохранилища издательства «Шанъу иньшугуань», сгоревшего в 1932 г. во время военных действий.

[1] Подробнее об истории текста «И цзянь чжи» см.: *Ли Цзянь-го*. Сундай чжигуай чуаньци сюйлу. С. 337—341; *Чжан Чжу-пин*. «И цзянь чжи» дэ баньбэнь яньцзю; *Ху Шао-вэнь*. «И цзянь чжи» баньбэнь яньцзю; *Чжан Вэньфэй*. Хун Май «И цзянь чжи» яньцзю. С. 36—48; *Сунь Ши-цзя*. Лунь «И цзянь чжи» цзай Мин Циндэ вэньбэнь чуаньбо; *Inglis A. D.* A Textual History of Hong Mai's «Yijian zhi», и др.

[2] Данный четырехтомник неоднократно перепечатывался: в 1994 г. в Тайбэе (именно этим изданием я пользуюсь), в 2006 г. в Пекине.

ней, сто девятнадцать фрагментов), *гэн* (庚 десять цзюаней, сто тридцать шесть фрагментов) и *гуй* (癸 десять цзюаней, сто шестнадцать фрагментов); от части *сань* 三 сохранились разделы *цзи* (己 десять цзюаней, сто двадцать пять фрагментов), *синь* (辛 десять цзюаней, сто двадцать восемь фрагментов) и *жэнь* (壬 десять цзюаней, сто девятнадцать фрагментов) [1]. Кроме того, здесь есть 志補 (двадцать пять цзюаней, двести семьдесят семь фрагментов), 再補 (тридцать три фрагмента) и 三補 («Третье дополнение», двадцать шесть фрагментов; в оглавлении ошибочно указано, что их двадцать восемь) [2]. Таким образом, в современном тексте «И цзянь чжи» двести пять (или, как считается традиционно, двести семь) цзюаней и два дополнения (которые формально не названы цзюанями), объединившие две тысячи семьсот пятьдесят один фрагмент, при этом

---

[1] До нас не дошли: части *у* 戊, *цзи* 己, *гэн* 庚, *синь* 辛, *жэнь* 壬, *гуй* 癸 (все по двадцать цзюаней), разделы части *чжи* 支 — *цзи* 己, *синь* 辛 и *жэнь* 壬 (по десять цзюаней), разделы части *сань* 三 — *цзя* 甲, *и* 乙, *цзин* 景, *дин* 丁, *у* 戊, *гэн* 庚 и *гуй* 癸 (по десять цзюаней), а также часть *сы* 四 (разделы *цзя* 甲 и *и* 乙, также по десять цзюаней).

[2] Дополнения были найдены в своде «Юн лэ да дянь» (永樂大典 «Большое собрание годов Юн-лэ», 1408 г.). Ли Цзянь-го полагает, что шесть фрагментов из второго дополнения не принадлежат к «И цзянь чжи», то же касается и семи фрагментов из третьего дополнения (подробнее см.: *Ли Цзянь-го.* Сундай чжигуай чуаньци сюйлу. С. 341—342).

нужно учитывать, что от восемнадцати фрагментов собрания сохранились одни названия в оглавлении — сами же тексты отсутствуют [1]. В любом случае ныне

---

[1] Издание 1981 г. (а равно и последующие перепечатки) обладает двумя явными достоинствами: во-первых, приложения, где собраны все упоминания «И цзянь чжи» в библиографических и иных сочинениях, а также приведены все предисловия и заметки текстологов разных времен; во-вторых, здесь есть указатель имен персонажей (автор — Ван Сю-мэй 王秀梅). Из других отдельных изданий «И цзянь чжи» стоит упомянуть двухтомник «Вэньбай дуйчжао цюаньи "И цзянь чжи"» (文白對照全譯《夷堅志》«"Записи И-цзяня" с параллельным текстом на вэньяне и в полном переводе на современный язык»), вышедший под редакцией Чжан Вань-цзюня 張萬鈞 в 1994 г. в Чжэнчжоу. Выходит в КНР и избранное из Хун Мая, например — «И цзянь чжи сюаньчжу» (夷堅志選注 «Избранные "Записи И-цзяня" с комментариями»), это основательно прокомментированное издание восьмидесяти фрагментов из «И цзянь чжи», которое подготовил известный филолог Сюй И-минь (許逸民 р. 1941). Фрагменты из «И цзянь чжи» часто входят в состав различных антологий и тематических подборок старой прозы. Немногочисленные переводы на русский язык фрагментов из «И цзянь чжи» принадлежат автору этих строк, см.: Проза Тан и Сун. С. 353—375. Что до других языков, то в 2008 г. в Пекине вышло избранное из «И цзянь чжи» с параллельным английским переводом (см.: *Хун Май*. И цзянь чжи сюань — ханьин дуйчжао); переводы для данного издания (сто двенадцать фрагментов) делал Alister D. Inglis, много лет занимающийся Хун Маем. В 2012 г. он же выпустил отдельную книгу избранных ста произведений из собрания Хун Мая в переводе на английский (Record of the Listener: Selections of Chine-

мы располагаем менее чем половиной от первоначального текста «И цзянь чжи». Однако поиски фрагментов коллекции Хун Мая, которые уцелели, но остались за пределами современного критического текста «И цзянь чжи», продолжаются и в наши дни. Публикация таких фрагментов была начата в 1989 г., не прекращается и текстологическая работа [1].

---

se Supernatural Stories. San Francisco, 2012). Zhang C. E. перевела на английский сто рассказов из «И цзянь чжи» («Record of the Listener: Selected Stories from Hong Mai's Yijian zhi». Indianapolis, 2018). К сожалению, познакомиться с данными изданиями мне не удалось.

[1] См.: *Кан Бао-чэн*. «И цзянь чжи» цзии цзюцэ; *Ли Юй-минь*. «И цзянь чжи» буи саньши цзэ (оценку этих дополнений Ли Цзянь-го см.: *Ли Цзянь-го*. Сундай чжигуай чуаньци сюйлу. С. 342—343; здесь же Ли Цзянь-го называет еще двадцать два фрагмента, отсутствующих в этих и других дополнениях, см. с. 344—346); *У Цзо-синь*. «И шо» чжундэ «И цзянь чжи» ивэнь; *Чжао Чжан-чао*. «И цзянь чжи» ивэнь сяоцзи; *Чжао Чжан-чао*. «И цзянь чжи» ивэнь шибу; *Чжао Чжан-чао*. «И цзянь чжи» ивэнь бучжэн (в последних трех работах представлены более ста двадцати вновь найденных фрагментов); *Haar B. J., ter*. Newly Recovered Anecdotes from Hong Mai's (1123—1202) «Yijian zhi». Ряд публикаций посвящен уточнению и сверке критического текста Хэ Чжо, например: *У Цзянь-юй*. «И цзянь чжи» цзяодянь буи; *Сюй Юн-цян*, *Дэн Лэй*. Сянь-чунь «Линь ань чжи» чжун «И цзянь чжи» ивэнь цзицзяо; *Чжан Чжу-пин*. Чжу Юнь-мин чаобэнь «И цзянь дин чжи» дуй цзиньбэнь «И цзянь и чжи» дэ цзяобу; *У Цзянь-юй*. «И цзянь чжи» цзяодянь буи, и др. В общем и целом на настоящее время обнаружены более двухсот фрагментов из «И цзянь чжи», не вошедших в издание

***

Нам доподлинно неизвестно, когда Хун Май начал составлять «И цзянь чжи». Некоторую помощь в хронологии появления этой коллекции могут оказать сохранившиеся предисловия к разным частям «И цзянь чжи» — всего таких предисловий тринадцать (изначально их было тридцать одно), они датированы 1167, 1171, 1194, 1195, 1196, 1197 и 1198 гг. [1] Современный биограф Хун Мая Лин Юй-чжи обращает внимание на тот факт, что когда последний в 1150 г. был в Фучжоу, Цзян Бао (蔣寶 XII в.), буддийский монах местного монастыря Тайпинсы, рассказал ему четыре удивительные истории, которые затем попали в «И цзянь чжи» [2]. Казалось бы, это самое раннее свидетельство и следует считать временем начала работы Хун Мая над его обширной коллекцией, но сам он в одном из предисловий говорит:

1981 г., которое в свете этого весьма нуждается в доработке, пока еще никем из текстологов не предпринятой.

[1] Ряд предисловий датируется одним и тем же годом; одно спорное: концовка отсутствует (соответственно, нет и датировки); возможно, как отметил Янь Юань-чжао, оно относится к другой, ныне утраченной части *у*; к одному (я цитировал его выше) есть приписка, датированная более поздним годом (1172).

[2] *Лин Юй-чжи*. Хун Май няньпу. С. 81—82; *Хун Май*. И цзянь чжи 1994. Т. 2. С. 474—475. Хун Май сообщает, что у Цзян Бао было сочинение под названием «Мин сы бао ин» (冥司報應 «Воздаяние из загробного управления»), где среди прочих были записаны и эти истории.

«[Записи] И-цзяня» закончены — в них десять частей, двести цзюаней и две тысячи семьсот девять историй. С начала и до завершения это заняло пятьдесят два года: с части *цзя* 甲 по часть *у* 戊 — почти четыре раза по двенадцать лет, а с [части] *цзи* 己 по *гуй* 癸 — всего лишь пять лет, вот как по-разному вышло! Мне говорят, что результаты при столь разных темпах и сравнивать нечего, но, похоже, не все так уж печально. Подозревают, что в [моих] записях чересчур много сходных с древними преданиями, и еще будто бы по благовидными предлогами [я] похищал-одалживал материалы для рассказов у людей сведущих, однако это не так... [1]

Предисловие датировано летом 1194 г., то есть Хун Май должен был начать работу над «И цзянь чжи» примерно в 1142 или 1143 г. [2] Понятно также, что здесь Хун Май говорит о той части «И цзянь чжи», которая была готова к 1194 г., а не обо всем своем собрании:

- в 1161 г. он закончил часть *цзя* 甲;
- в 1166-м — часть *и* 乙;
- в 1171-м — часть *бин* 丙;
- в 1176-м — часть *дин* 丁;
- в 1182-м — часть *у* 戊;
- в 1188-м — часть *цзи* 己;

---

[1] *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 2. С. 711.

[2] Современные исследователи склоняются к тому, что это все же был 1143 г. (см.: *Ли Чжэн-сюэ*. «И цзянь цзя чжи» чэншу шицзянь као. С. 116), но полной уверенности у них нет.

- в 1189-м — часть *гэн* 庚;
- в 1193-м — части *синь* 辛 и *жэнь* 壬;
- в 1194-м — часть *гуй* 癸. В том же 1194 г. Хун Май завершил работу над разделом *цзя* 甲 части *чжи* 支;
- в 1195-м им были закончены разделы *и* 乙 и *бин* 丙 части *чжи*;
- в 1196-м — разделы части *чжи* с *дин* 丁 по *гэн* 庚;
- в 1197-м — разделы *синь* 辛, *жэнь* 壬 и *гуй* 癸 части *чжи*, а также разделы *цзя* 甲, *и* 乙, *бин* 丙 и *дин* 丁 части *сань* 三;
- в 1198-м — разделы с *у* 戊 по *гуй* 癸 части *сань* 三;
- в 1199-м — раздел *цзя* 甲 части *сы* 四;
- в 1202-м — раздел *и* 乙 той же части [1].

Дальнейшей работе помешала смерть.

Исходя из слов Хун Мая и достоверно известных датировок, историю создания «И цзянь чжи» можно условно разделить на два весьма разновеликих этапа: с 1142/43 по 1189 гг. и с 1193 по 1202 гг. Столь существенную разницу в затраченном времени (помимо того, что Хун Май, так сказать, набил руку в процессе составления) следует, видимо, объяс-

---

[1] См.: *Лин Юй-чжи*. Хун Май чжуцзо синянь каочжэн; *Ли Цзянь-го*. Сундай чжигуай чуаньци сюйлу. С. 347—349; *Чжан Вэнь-фэй*. Хун Май «И цзянь чжи» яньцзю. С. 11—18. Поскольку часть *сы* утеряна полностью (к тому же Хун Май не успел ее закончить), последние датировки могут вызывать определенные сомнения.

нять бóльшим количеством досуга, которым Хун Май располагал в последнее десятилетие своей жизни, а также объемом нового материала: за прошедшие десятилетия текст «И цзянь чжи» приобрел известность, так что вполне естественным кажется предположить, что друзья, знакомые, просто гости, зная склонности Хун Мая, несли-сообщали ему удивительные истории буквально наперебой, и с годами поток лишь усиливался. Теперь не было необходимости ждать, когда материала наберется на очередной раздел. Активное участие в предоставлении Хун Маю материалов принимали также все его домашние, включая внуков [1].

A. Inglis полагает, что одни из первых историй из коллекции Хун Мая были рассказаны ему вернувшимся от чжурчжэней отцом [2]. Действительно, в сборнике Хун Хао «Сун мо цзи вэнь» (松漠紀聞 «То, что слышал о Сунмо»), который был напечатан его сыном Хун Ко в 1155 г., содержатся пять фрагментов, воспроизведенных в начале «И цзянь чжи» дословно или очень близко к тексту [3]. Из девятнад-

---

[1] Подробнее см.: *Чжан Вэнь-фэй*. Хун Май «И цзянь чжи» яньцзю. С. 29—34.

[2] *Inglis A. D*. A Textual History of Hong Mai's «Yijian zhi». P. 292—293.

[3] Это «Бин гуй» (冰龜 «Ледяные черепашки»), «А бао цзи шэ лун» (阿保機射龍 «Абаоцзи стреляет в дракона»), «Лэн шань лун» (冷山龍 «Драконы с Лэншани»), «Си чжоу лун» (熙州龍 «Дракон в Сичжоу») и «Цюань и» (犬異 «Собачьи странности»). См.: *Хун Май*. И цзянь

цати фрагментов первой цзюани «И цзянь чжи» семнадцать посвящены событиям конца Северной Сун или же Цзинь. Скорее всего, эти фрагменты появились в собрании также благодаря рассказам Хун Хао или его близких знакомых — например, чиновника и поэта Сунь Цзю-дина (孫九鼎 1080—1165), давнего знакомого Хун Хао, проведшего в Цзинь более десяти лет и неоднократно там с ним встречавшегося [1]. Сунь Цзю-дином (а он выступает героем первого фрагмента «И цзянь чжи») были рассказаны три истории, о чем есть пометки в тексте; более того, там сказано, что Сунь Цзю-дин написал книгу, полную множества подобных удивительных историй. О судьбе этой книги и даже о ее названии нам ничего не известно, разве что следующее: будучи в Цзинь, Хун Хао завел обширную библиотеку, которую по возвращении вывез на родину; Ли Цзянь-го считает, что среди привезенных книг могло быть и сочинение Сунь Цзю-дина [2]. Можно считать, что рассказы отца и безымянная книга удивительных историй Сунь Цзю-дина и стали теми самыми катализаторами, которые усилили интерес Хун Мая к удивитель-

---

чжи. Т. 1. С. 6—7; Сун Юань бицзи сяошо дагуань. Т. 3. С. 2800—2801. Хун Ко не только издал «Сун мо цзи вэнь», но и придал разрозненным записям отца законченный вид, дабы можно было их опубликовать; не исключено, что при этом он воспользовался записями тех его рассказов, что ранее сделал Хун Май, оттого различия в них минимальны.

[1] См.: *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 1. С. 1—3.

[2] *Ли Цзянь-го*. «И цзянь чжи» чэншу као. С. 57.

ному и подвигли его к собиранию собственной коллекции необычайных историй, интерес к которым он сохранил на всю жизнь. В предисловии 1167 г. Хун Май писал:

> Люди [знают], что я люблю удивительное, превозношу странное.

А в 1195 г. добавил:

> Стар я! Уж нет былого интереса к чтению, лишь одна любовь к странному крепка по-прежнему. Небо благосклонно одарило меня [своей] милостью, и слух [мой] пока не ослаб, — как и встарь, различаю рассказы гостей; ум [мой] пока не зачах, — храню в памяти услышанное без потерь; сила кисти [моей] пока не ослабела — главную суть историй, попавших [ко мне], в состоянии изложить [1].

Видно, что за тридцать лет, разделяющие эти строки, Хун Май не утратил своей главной страсти — к собиранию повествований об удивительном и странном. Правда, в предисловии от следующего года Хун Май признается в конце, что «любовь к удивительному вышла, ибо всему выходит срок» [2]. Однако не все так просто: Чжао Юй-ши в «Бинь туй лу» цитирует несохранившееся предисловие 1197 г. к утраченному разделу *чжи жэнь*, где сказано:

---

[1] См.: *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 1. С. 185; Т. 2. С. 795.

[2] Там же. Т. 3. С. 967.

Дети говорили: «Вы, батюшка, сочиняете без конца, собираете и записываете удивительное и странное, не давая себе и малого отдыха, а счастье старого человека — вовсе не в укреплении духа и в воспитании стойкости. Оставьте вы это!» Я последовал их словам и не стал более проводить дни за чтением, но еда и питье после этого утратили вкус, прогулки стали тяготить, сердце потеряло покой, а дух мой смешался... [1]

Коллекционирование историй об удивительном стало неотъемлемой частью жизни Хун Мая, без этого его существование потеряло бы смысл. Известность, которую приобрели выпуски из его коллекции, а также все возрастающий читательский интерес послужил дополнительным стимулом — и Хун Май был неустанен в своей страсти. А работал он обычно так:

Каждый раз, услышав рассказ гостя, безотлагательно его записывал, даже посреди пирушки не теряя времени зря, а лишь займется рассвет — спешно проверял [услышанное], торопясь еще раз показать рассказчику, чтобы ни в чем не было расхождения [с его историей], и только после этого успокаивался. Так услышанное не забывалось, не пропадало, но становилось годным для распространения [2].

---

[1] *Чжао Юй-чжи.* Бинь туй лу. С. 99. Чжао Юй-чжи сделал обширную выборку из разных предисловий Хун Мая, в том числе из не сохранившихся в составе «И цзянь чжи».

[2] Предисловие 1196 г. См.: *Хун Май.* И цзянь чжи. Т. 3. С. 1135.

Как видим, Хун Май предпочитал не полагаться на память — как можно скорее переносил услышанное на бумагу, а потом перепроверял записи у информатора, все ли верно записано с его слов, не закрались ли ошибки, обеспечивая таким образом достоверность каждого нового материала. Принцип непременного соблюдения достоверности, обусловленный достоинством ученого, имевшего большой опыт работы по исторической части, то есть не что иное, как своеобразное творческое кредо Хун Мая был заявлен еще в предисловии 1167 г.:

> В книгах *цзя* и *и* всего вмест шестьсот историй, всё поразительно-необычайное, что есть в Поднебесной, собрано тут. Взять записи об удивительном Ци Се или праздные рассуждения Чжуан Чжоу — это непостижимые химеры небытия, дознаться до них невозможно. Что же до «Поисков духов» Гань Бао, «Сокровенных чудес» Цичжан-гуна, «Всех странностей» Гушэнь-цзы, записок «К востоку от Реки», записей «Из высочайших покоев», то и там нет-нет да и встречаются всякие басни. Моя же книга ни на йоту не такова: здесь все, что сам видел или слышал, и каждая [история] имеет надежный источник. А кто не верит мне, тот пусть идет к господину У-ю и расспрашивает его [1].

---

[1] *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 1. С. 185. Ц и С е 齊諧 — в данном случае имеется в виду некий человек, в глубокой древности написавший книгу об удивительном и в этом качестве упоминаемый Чжуан-цзы (庄子 Чжуан Чжоу 莊周 369—286 до н. э.). Далее Хун Май перечисляет известные собрания прозы об удивительном: «Поиски духов» — «Соу шэнь цзи» (搜神記 «Записки о поисках

Судя по всему, Хун Май рассматривал прозу сяошо в разряде исторических сочинений, имеющих действительную ценность лишь в том случае, если материал достоверен, и делал все для достижения максимальной достоверности, насколько это было возможно. Однако, будучи профессиональным историком, он осознавал, что на самом деле эти записи в подавляющем большинстве случаев невозможно подтвердить какими-либо иными дополнительными свидетельствами, поэтому он с некоторой

духов») Гань Бао (干寶 280?—336); «Сокровенные чудеса» — «Сюань гуай лу» (玄怪錄 «Записи о сокровенных чудесах»), автором которого был не Ню Хун (牛弘 545—610), носивший титул Цичжан-гуна, а его правнук Ню Сэн-жу (牛僧孺 780—848); «Все странности» — «Бо и чжи» (博異志 «Записи обо всех странностях») Чжэн Хуань-гу (鄭還古 IX в.), литературный псевдоним которого был Гушэнь-цзы 谷神子; «К востоку от Реки» — «Хэ дун цзи» (河東記 «Записки, [сделанные] к востоку от Реки») Сюэ Юй-сы (薛漁思 IX в.); «Из высочайших покоев» — «Сюань ши чжи» (宣室志 «Записи из высочайших покоев») Чжан Ду (張讀 834—886?). Подробнее о Ци Се и сборнике Гань Бао см.: *Алимов И. А.* Сад удивительного. С. 147—148, 169—192; об остальных сборниках см., соответственно: *Алимов И. А* Записи о сокровенных чудесах. С. 299—315; 345—354; 331—335; 373—387. Господин У-ю 烏有先生 — иносказательно о вымышленном персонаже или событии. Кстати отмечу, что именно стремление к достоверности и дает основание некоторым современным китайским ученым относить «И цзянь чжи» не просто к сяошо, но к *бицзи сяошо* 筆記小說, то есть к сюжетным повествованиям, основанным на документальном материале.

самоиронией отправляет сомневающихся к господину У-ю, которого никогда не существовало [1]. Преодолеть противоречие между исторической правдой и правдой художественной Хун Май, склонявшийся в пользу достоверности, не мог, но пытался соблюсти именно достоверность — подобно другому, жившему задолго до него историку и литератору Гань Бао (干寶 280?—336), который, осознавая возможное недоверие читателя, составил «Соу шэнь цзи» (搜神記 «Записки о поисках духов») для того, чтобы доказать: «Путь духов — вовсе не обман» [2]. Тем не менее Хун Май не собирался полностью разделить ответственность с теми, кто рассказал ему ту

---

[1] Нелепость некоторых услышанных рассказов была очевидна, и такие истории в «И цзянь чжи» не попадали. Чжао Юй-чжи сохранил для нас одно свидетельство из утерянного предисловия: «В государственном училище в Минь Е Хуэй-шу (Е Вэнь-бин 葉文炳 1150—1216, второе имя Хуэй-шу 晦叔. — *И. А.*) весьма увлеченно собирал разные удивительные слухи и приходил ко мне помогать с записями. Однажды рассказал: "Недавно какие-то торговцы плыли морем и сами не заметили, как оказались в брюхе огромной рыбы. Там оказалось весьма просторно — прошел день, а они все еще были живы. С ними было несколько плотников, они взялись за топоры и стали рубить рыбье нутро. Рыба взвилась от боли, понеслась прямо в океан, где и люди и сама рыба умерли". Я насмешливо спросил его: "Все, [кто был] на корабле, сгинули, так кто же поведал миру об этом происшествии?" Хуэй-шу громко расхохотался, не найдясь с ответом» (*Чжао Юй-чжи*. Бинь туй лу. С. 97).

[2] *Гань Бао*. Записки о поисках духов. С. 29.

или иную историю: в одном из предисловий он специально указал, что «ведь это тот, кто сообщил, возможно, слышал сомнительное», то есть отвечает за правдивость в первую очередь рассказчик [1]. Имена рассказчиков Хун Май тщательно фиксировал.

***

Главным источником материала для «И цзянь чжи», как уже было сказано, выступали многочисленные информаторы, то есть лица, которые рассказали Хун Маю ту или иную историю. Их было значительное количество — более четырехсот восьмидесяти человек (тех, о ком мы знаем). В тексте «И цзянь чжи» имена рассказчиков обычно упоминаются в конце фрагмента (или же после нескольких фрагментов, если информатор был один и тот же; такие фрагменты обычно идут подряд): 趙伯璘曾見之 «Чжао Бо-линь некогда видел это», 朱新仲說 «Рассказал Чжу Синь-чжун», 四事皆胡翛然說 «Все четыре истории рассказал Ху Шу-жань», 洪端說 «Рассказал Хун Дуань», и т. п. [2] Среди информаторов встречаются родственники Хун Мая: его младший брат Хун Ти (洪逖 XII в.), тесть Чжан Цзунюань (張宗元 XII в.) и другие, а также близкие друзья — Ли Юн (李泳 ?—1185) и Синь Ци-цзи (辛棄疾 1140—1207), или же такие известные люди, как

---

[1] См.: *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 3. С. 967.

[2] Там же. Т. 1. С. 7, 14, 17, 21.

Фань Чэн-да (范成大 1126—1193), но основная масса — лица, иного следа в истории не оставившие [1].

Хун Май постоянно подчеркивает тот факт, что все истории из его собрания рассказаны реальными людьми, однако на деле без заимствований из ряда письменных памятников сунского времени обойтись ему не удалось. И это еще одна причина того, почему в последние годы работа над «И цзянь чжи» шла гораздо быстрее. Откровенное признание в заимствованиях содержится в предисловии к утраченному разделу *гэн чжи*, что сохранилось в «Бинь туй лу»: «Когда я управлял Данту, этими удаленными землями, где было мало дел, Люй И-цин 吕義卿 из Цзинани и У Доу-нань 吳斗南 из Лояна прислали мне однажды достаточно старых историй, чтобы заполнить половину книги, и я, отредактировав их, включил в "Гэн чжи"» [2]. Правда, такие вещи Хун Май делал редко и подходил к делу творчески —

---

[1] Перечень родственников Хун Мая (включая внучатых племянников), выступавших в роли информаторов, см.: *Чжан Вэнь-фэй*. Хун Май «И цзянь чжи» яньцзю. С. 29—34. Полный список информаторов Хун Мая с отсылками к тексту «И цзянь чжи» составлен A. Inglis'ом, см.: *Inglis A. D*. Hong Mai's Informants for the «Yijian zhi». Также см. его же весьма полезную таблицу информаторов части *цзя* с дополнительными сведениями (местом рождения рассказчика, местом и временем действия истории): *Inglis A. D.* A Textual History of Hong Mai's «Yijian zhi». P. 296—305.

[2] *Чжао Юй-чжи.* Бинь туй лу. С. 97. Данту — уезд, располагавшийся на территории совр. пров. Аньхой.

перерабатывал чужие тексты, стремясь к классической простоте; при необходимости добавлял свое, новое; брал только то, что, по его мнению, было достойно включения в «И цзянь чжи», отвергая нарочито вымышленные байки; когда обнаруживал сомнительные места, «не боялся выправлять их, так что его творческий подход был весьма серьезный» [1]. Подобным образом он поступил в части *чжи гэн* с двадцатью рассказами, поступившими от некоего Люй Дэ-цина 吕德卿, а также с историями, некогда записанными отцом одного из местных старожилов: «взял отсюда треть, чего хватило на три цзюани, и оказалось достаточно, чтобы закончить книгу» [2]. Часто в подобных случаях в тексте «И цзянь чжи» можно встретить отсылки, иногда пространные (они также помещены в конце фрагмента), например: 荊山篇亦有一事，小異 «В "Главах о Цзиншани" тоже есть эта история, немного отличается». Или: 有一書名說異自序云羅漢寺僧舍歸虚子述，凡兩卷，才十事，以其不傳於世，擇取其三 «Была книга с названием "Разговоры о странном", в авторском предисловии говорилось, что [составлена] из рассказов проживавшего в храме Лоханьсы буддийского монаха Гуйсюй-цзы, всего две цзюани и только десять историй. Поскольку в мире она не распространена, [я] отобрал из нее три [истории]»). Или: 王山有筆奩錄詳記所遇 «У Ван Шаня в "Записях из футляра для кис-

---

[1] *Чэн И-чжун*. Сун Юань сяошо яньцзю. С. 132.

[2] *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 3. С. 1135.

тей" подробно записано, как [они] встретились» [1]. Ли Цзянь-го проанализировал двадцать девять подобных случаев (сборников и отдельных произведений, все они сунские), отметив, что положительная сторона таких заимствований состоит в первую очередь в том, что многие из сочинений, с которыми имел дело Хун Май, в настоящее время утрачены и отрывки сохранились только в «И цзянь чжи» [2]. Хун

---

[1] *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 2. С. 553; Т. 3. С. 1306, 1309. Сборник «Би лянь лу» (筆匳錄 «Записи из футляра для кистей») Ван Шаня ныне полностью утерян, сохранился единственный фрагмент в составе датированного 1111 г. сборника «Юнь чжай гуан лу» (雲齋廣錄 Обширные записи из облачного кабинета») Ли Сянь-миня (李憲敏 вт. пол. XI—перв. пол. XII в.); и именно он воспроизведен в «И цзянь чжи». Простое сравнение этих текстов показывает, что Хун Май существенно сократил и переработал сочинение Ван Шаня в плане его упрощения, что неизбежно повредило изначальной художественности (см.: *Ли Сянь-минь*. Юнь чжай гуан лу. С. 66—72; *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 3. С. 1306—1309).

[2] См.: *Ли Цзянь-го*. «И цзянь чжи» иньюн Сунжэнь сяошо као. Южносунский Чэнь Чжэнь-сунь без каких-либо обоснований указал в своей библиографии, что на склоне лет Хун Май стал массово включать в свою коллекцию переиначенные им истории из состава «Тай пин гуан цзи». Как со ссылкой на знаменитого литературоведа Цянь Чжун-шу (錢鐘書 1910—1998) замечает хайнаньский филолог Чжан Вэнь-фэй (張文飛 р. 1979), подобные заимствования у Хун Мая могли быть и невольными: не имея, по всей видимости, возможности ознакомиться с полным текстом «Тай пин гуан цзи» (который был не столь распространен в то время), Хун Май вос-

Май и сам, как мы видим, руководствовался тем же желанием: дать жизнь историям, которые, «в мире не распространяются», пусть даже они не им записаны [1].

***

«И цзянь чжи» состоит из разновеликих фрагментов — как коротких, в несколько десятков иероглифов, так и значительных по объему, в тысячу и более; преобладают фрагменты средние, в несколь-

---

принял и записал некоторые истории из этой антологии в пересказе ее читавших, чем и объясняются разночтения (см.: *Чжан Вэнь-фэй*. Хун Май «И цзянь чжи» яньцзю. С. 83).

[1] Нельзя не отметить и то обстоятельство, что Хун Май, человек чрезвычайно начитанный, находился под впечатлением от некоторых танских сборников прозы об удивительном, как то «Ю ян цза цзу» (酉陽雜組 «Разные заметки с южной стороны Ю[шани]») Дуань Чэн-ши (段成式 803?—863), весьма своеобразной (хотя и не сравнимой по объему) танской мини-энциклопедии удивительного, влияние которой можно обнаружить в стремящейся к лаконизму форме изложения в «И цзянь чжи», а равно в способе организации материала в части *чжи*, о чем Хун Май сам пишет в одном из предисловий. У Дуань Чэн-ши во второй части его сборника также присутствуют *чжи* — продолжение тематических разделов основного корпуса текста («Чжи дун» 支動, «Продолжение о животных»; «Чжи чжи» 支植 «Продолжение о растениях» и так далее). Подробнее о «Ю ян цза цзу» см.: *Алимов И. А.* Записи о сокровенных чудесах. С. 387—410.

ко сотен знаков. Короткие фрагменты (их немного) весьма напоминают проз времен Цзинь (265—439) и Шести царств (420—581) [1].

> На пятую луну лета года под циклическими знаками *у-у* в столичном уезде Тайкансянь однажды вечером разразилась страшная гроза и с неба просыпались ледяные черепашки — на площадь в несколько десятков *ли*. Черепашки были разные, большие и маленькие, головы и ноги [черепашек] были покрыты триграммами [2].

Степень художественности фрагментов также разная: от краткой фиксации необычайных происшествий до развернутых сюжетных повествований, богатых описаниями и диалогами, ряд которых современные китайские исследователи склонны относить к новеллам *чуаньци* [3]. Однако среднестатисти-

---

[1] О прозе этого времени подробнее см.: *Алимов И. А.* Сад удивительного.

[2] *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 1. С. 6. Год... *у-у* — 1138. *Ли* — традиционная мера длины, около полукилометра. Знаменитый текстолог Чэн И-чжун (程毅中 р. 1930) отмечает, что стиль подобных фрагментов полностью соответствует даже не дотанской прозе сяошо, а аналогичным записям еще в «Хань шу» (漢書 «История Хань»). См.: *Чэн И-чжун*. Сун Юань сяошо яньцзю. С. 131.

[3] В связи с неопределенностью самого жанра «чуаньци» взгляды исследователей на то, что именно из «И цзянь чжи» следует считать чуаньци, расходятся. Так, в составленный Ли Цзянь-го «Сундай чуаньци цзи» (宋代傳奇集 «Сборник новелл чуаньци эпохи Сун») в указанном качестве попали двести тридцать два текста (с. 584—836);

ческий фрагмент из коллекции Хун Мая тяготеет скорее к лаконичности, документальности, что отметил еще Лу Синь (魯迅 1881—1936), написавший, что авторы сунских сборников сяошо «делали упор на фактическую сторону событий, давая мало детальных описаний» [1]. Общий художественный уровень «И цзянь чжи», обусловленный творческим кредо Хун Мая, к сожалению, не слишком высок; автор отнюдь не балует читателя излишними подробностями и красочными описаниями.

В «И цзянь чжи» присутствует громадное количество действующих лиц (все они перечислены в указателе имен современного издания), среди них люди известные, и все же основную массу составляют персонажи, о которых мы сегодня ничего не знаем. Многие (но далеко не все) фрагменты собрания Хун Мая датированы:宣和間 «В годы под девизом правления Сюань-хэ» (1119—1125), 正和四年 «На четвертый год под девизом правления Чжэн-хэ», (1114);

в то же время в «Тан Сун чуаньци пиньду цыдянь» (唐宋傳奇品讀辭典 «Словарь критического прочтения новелл чуаньци эпох Тан и Сун») под редакцией Ли Цзяньго вошли всего девять фрагментов (т. 2, с. 1425—1477). В «Тан Сун чуаньци цзунцзи: Наньбэй Сун» (唐宋傳奇總集：南北宋 «Полное собрание новелл эпох Тан и Сун: Южная и Северная Сун») из «И цзянь чжи» включены двадцать пять фрагментов (т. 2, с. 606—675), и т. д. Подробно о феномене новелл чуаньци применительно к танскому времени см.: *Алимов И. А.* Записи о сокровенных чудесах. С. 18—256.

[1] *Лу Синь*. Чжунго сяошо шилюэ. С. 94.

некоторые датируются еще более точно: 紹興二十二年正月 «В первую луну двадцать второго года под девизом правления Шао-син» (1152), 紹興丙寅夏秋間 «Летом-осенью года бин-инь под девизом правления Шао-син» (1146) и т. д. Эти датировки, даже если не станут полезными для определения личностей неизвестных персонажей, по крайней мере помогут сориентироваться в том, когда именно происходили те или иные события.

Впечатляет также и тематическое разнообразие собрания Хун Мая. Сами по себе «И цзянь чжи» тематически никак не организованы, фрагменты собрания следуют в том порядке, в котором попадали в поле зрения Хун Мая. Разнообразие тематики как нельзя лучше характеризует к примеру выборка Е Цзу-жуна, где лучшее (по мнению составителя) из «И цзянь чжи» сгруппировано по тридцати шести разделам (*мэнь* 門).

Эти разделы таковы:

«Чжун чэнь» (忠臣 «Преданые подданные»), «Сяо цзы» (孝子 «Почтительные дети»), «Цзе и» (節義 «Целомудренные и исполненные долга»), «Инь дэ» (陰德 «Тайные добродетели»), «Инь цянь» (陰譴 «Тайно ниспосланные наказания»), «Цинь шоу» (禽獸 «Птицы и звери»), «Юань дуй бао ин» (冤對報應 «Воздаяние за непримиримую вражду»), «Ю мин эр юй» (幽冥二獄 «Две загробные темницы»), «Цянь чжай ду цзи» (欠債妒忌 «Должники и ревнивцы»), «Тань моу» (貪謀 «Алчные замыслы»), «Чжа моу пянь цзюй» (詐謀騙局 «Коварные замыслы и мошенничество»), «Цзянь инь» (姦淫 «Развратное

распутство»), «Цза фу» (雜附 «Разные дополнения»), «Яо гуай» (妖怪 «Чудеса оборотней»), «Цянь дин» (前定 «Предопределенность»), «Мин хунь сы си» (冥婚嗣息 «Сыновья от посмертного брака»), «Фу ци» (夫妻 «Мужья и жены»), «Шэнь сянь» (神仙 «Божественные бессмертные»), «Ши цзяо» (釋教 «Учение Шакья»), «Инь сы» (淫祀 «Непристойные жертвоприношения»), «Шэнь дао» (神道 «Пути духов»), «Гуй гуай» (鬼怪 «Чудеса душ умерших»), «И шу» (醫術 «Знахарское искусство»), «Бо сян» (卜相 «Гадания и физиогномика»), «Цза и» (雜藝 «Разные умения»), «Яо у» (妖巫 «Шаманы-оборотни»), «Мэн хуань» (夢幻 «Грезы сновидений), «Ци и» (奇異 «Удивительное и странное»), «Цзин бу» (精怖 «Боязнь оборотней»), «Фэнь му» (墳墓 «Погребения и могилы»), «Шэ цзяо» (設醮 «Устроение молебнов»), «Мин гуань» (冥官 «Загробные чиновники»), «Шань э» (善惡 «Прекрасное и дурное»), «Сэн дао э бао» (僧道惡報 «Возмездие за дурные поступки буддийских и даосских монахов»), «Жу мин» (入冥 «Хождения в царство мертвых») [1].

Даже по выборке Е Цзу-жуна видно, сколь широко содержание «И цзянь чжи», где преобладает тематика сверхъестественного, чудесного и удиви-

---

[1] Разделы в свою очередь состоят из ста тринадцати подразделов (*лэй* 類); так, раздел «Ци и» включает «И юй» (異域 «Странные земли»), «И ши» (異事 «Странные происшествия»), «И у» (異物 «Странные вещи»), «И хуа» (異花 «Странные цветы») и «Цзай шэн» (再生 «Воскрешения»). Подробнее о тексте Е Цзу-жуна см.: *Чжан Чжу-пин*. «Фэнь лэй и цзянь чжи» яньцзю.

тельного, хотя в собрании Хун Мая присутствуют и совершенно неволшебные фрагменты, вроде заметки о стихотворных загадках, в которых были зашифрованы имена сановников, что получили распространение в начале годов под девизом правления Юнью (1086—1093) [1].

Специалистка по древней литературе Ван Цзинь (王瑾 р. 1974) предлагает выделить в «И цзянь чжи» шесть больших устойчивых тематических групп: *гуйлин цзингуай* (鬼靈精怪, фрагменты, посвященные душам умерших и оборотням); *шэньу фодао* (神巫佛道, фрагменты о бессмертных, шаманах, буддизме и даосизме); *хуньлянь лицин* (婚戀麗情, фрагменты, где речь идет о любви, браке и нежных чувствах); *кэцзюй шихуань* (科舉仕宦, фрагменты, рассказывающие о происшествиях на экзаменах и о чиновниках); *шифэн миньцин* (世風民情, фрагменты, где говорится о сунских нравах и народном быте); наконец, *боу цзацзи* (博物雜記, то есть записи о самом разном) [2]. Разделы тематической классификации Е

---

[1] См.: *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 1. С. 18. Надо сказать, что ряд таких неволшебных фрагментов достаточно популярен и известен. Это, к примеру, «Шэнь си лю шэн» (陝西劉生 «Книжник Лю из Шэньси»), «Ван цун ши ци» (王從事妻 «Супруга делопроизводитея Вана»), «Цай чжоу сяо дао жэнь» (蔡州小道人 «Юный даос из Цайчжоу») и некоторые другие.

[2] *Ван Цзинь*. «И цзянь чжи» фэньлэй яньцзюдэ сяньчжуан сыкао. С. 56. Встречаются и более своеобразные классификации. Так, шанхайский литературовед Чжан Бин (張兵 р. 1947) предлагает разделение материала «И цзянь

Цзу-жуна часто пересекаются и перекрывают друг друга, поэтому использование более общего тематического деления выглядит вполне оправданным. В то же время нужно отдавать себе отчет в том, что предлагаемая Ван Цзинь классификация также далека от идеала, поскольку разнообразие коллекции Хун Мая отнюдь не исчерпывается названными группами; кроме того, сюжеты многих фрагментов из «И цзянь чжи» не могут быть отнесены только к одному тематическому разделу.

К подобным фрагментам может быть отнесен рассказ «У сяо юань вай» (吳小員外 «Молодой юань-вай У»), главный герой которого, гуляя с приятелями, набрел на винную лавку, где увидел изумительной красоты девушку, в которую тут же влюбился.

чжи» на следующие тематические группы: 1) фрагменты, реально и конкретно отражающие состояние общества того времени; 2) фрагменты, повествующие о любви между живым человеком и мертвой девой; 3) фрагменты, где фигурируют даосы (буддисты), предостерегающие людей от козней душ умерших и оборотней и борющиеся с ними; 4) фрагменты, внимание в которых сосредоточено на поступках и высказываниях их персонажей. См.: *Чжан Бин*. Сун Ляо Цзинь Юань сяошо ши. С. 111—113. Данная классификация весьма далека от полноты и вызывает вопрос как минимум в отношении состояния общества — Чжан Бин поясняет, что имеет в виду общественное нестроение, порожденное военным противостоянием с Цзинь и его последствиями, однако выделение в отдельную группу (а их всего четыре!) фрагментов, где это нестроение нашло отражение, выглядит надуманным.

К сожалению, приход родителей красавицы расстроил намечавшееся первое свидание. Когда же У явился в лавку на следующий год, оказалось, что девушка умерла. Несмотря на это, У встретил ее по дороге домой — девушка сказала, что теперь живет в городе. У остался у нее на ночь. Их связь длилась три месяца, когда отец У заметил, что сын стал чересчур бледен и порядком изможден. Обратились к некоему наставнику Хуанфу 皇甫, который, осмотрев У, поведал, что в юноше очень силен бесовской дух, и ему следует срочно ехать прочь, далеко на запад — не то смерть! Однако в указанный Хуанфу срок уложиться не удалось. Тогда наставник вручил юноше волшебный меч и велел использовать этой ночью против любого, кто постучит в его дверь. Ночью в дверь действительно постучали, У открыл, рубанул не глядя мечом — оказалось, это его возлюбленная. У и его приятелей схватили, повели следствие: к винной лавке прибыли казенные люди, раскопали могилу девушки — а там один пустой гроб. Всех оправдали, на чем история и заканчивается [1]. Спрашивается: к

---

[1] См.: *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 1. С. 29—30. Цзянскийские филологи Янь Юй-мэй (嚴裕梅 р. 1966) и Цю Чан-юань (邱昌員 р. 1966) полагают, что в этой истории нашли яркое отражение неоконфуцианские взгляды Хун Мая, который предупреждает читателя, что страстные чувства вовсе не должны влиять на самосохранение и саму жизнь, что следует придерживаться законов природы и изничтожать плотские желания (*Янь Юй-мэй*, *Цю Чан-юань*. Цзяньлунь «И цзянь чжи» чжундэ жэньгуй хуньлянь сяошо. С. 40).

какой группе относить эту историю? К *гуйлин цзин-гуай*, поскольку речь идет о душе умершей от неразделенной любви девушки? К *хуньлянь лицин*, поскольку первая половина рассказа — та самая любовная история? К *шэньу фодао* — ведь наставник Хуанфу явно шаман или умелый даос?..

Учитывая предыдущую традицию развития рассказов об удивительном, было бы, видимо, разумно выделить в «И цзянь чжи» тематические группы самого общего характера: фрагменты, повествующие о душах умерших; фрагменты, повествующие об оборотнях; фрагменты буддийского и даосского содержания, в том числе о бессмертных; фрагменты, рассказывающие о разных духах; записи (обычно короткие) необычайных происшествий; а также все прочие, не попадающие ни в одну из перечисленных групп (например, о местных верованиях и духах, об искусных целителях и пр.).

***

Души умерших обоего пола — одни из самых частых персонажей «И цзянь чжи». Традиционные китайские представления о душах умерших (鬼 *гуй*), что по разным причинам (наиболее часто — из-за неулаженных при жизни дел) возвращаются в мир живых и вступают во взаимодействие с людьми, уходят в глубокую древность [1]. В танское и сунское вре-

---

[1] Наиболее значимые мотивы, связанные с возвращением душ умерших, проанализированы мной на материале сяошо

мя души умерших стали едва ли не главными персонажами прозы сяошо, и коллекция Хун Мая здесь не исключение. Уже первый фрагмент сборника рассказывает о том, как главный герой, Сунь Цзю-дин, встретил мужа своей младшей сестры, одетого знатным чиновником, и лишь тогда, когда они стали пить вино по случаю встречи, Сунь сообразил, что родственник-то его давно умер!.. На прощание умерший велел Суню пить определенное снадобье, ибо если живые встречаются с умершими, темное начало последних неодолимо воздействует на первых, что влечет за собой хвори и недомогания [1].

Самые заметные и впечатляющие истории — о любовных отношениях между душой умершей женщины и живым мужчиной (такие истории, по классификации Ван Цзинь, могут быть отнесены как к разряду *гуйлин цзингуай*, так и к *хуньлянь лицин*), их в «И цзянь чжи» более восьмидесяти. Основные сюжетные группы таковы: влюбленные расстаются не по своей воле, душа умершей от тоски девушки приходит к возлюбленному; душа умершей (или оборотень) преследует избранного ею мужчину, стремится соединиться с ним.

Характерным примером первого рода может послужить драматическая история «Си ху нюй цзы»

из антологии «Тай пин гуан цзи» в кн.: *Алимов И. А.* Бесы, лисы, духи в текстах сунского Китая. С. 10—46; английский вариант: *Alimov I. A.* «Tai-ping guang ji»: Motives Related to the Dead Souls.

[1] См.: *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 1. С. 1—2.

(西湖女子 «Девушка с озера Сиху»). Она начинается с того, как некий чиновник, прибыв в столицу за назначением, повстречал случайно девушку необычайной красоты. Молодые люди полюбили друг друга, но родители девушки решительно воспротивились их союзу. В итоге чиновник уезжает ни с чем. Приехав через пять лет в столицу снова, он наведывается по старому адресу, но девушки там нет. В тоске чиновник идет прочь, как вдруг сталкивается с возлюбленной: она уже замужем (муж, правда, сидит в тюрьме), слово за слово, и они оказываются в гостинице, где проводят упоительную ночь. Девушка остается с чиновником — о муже ни он, ни она уж и не вспоминают. В один прекрасный день девушка собирается покинуть возлюбленного. Чиновник возражает: он хотел бы быть со своей избранницей до конца жизни. Тогда девушка говорит:

> — С тех пор, как вы, господин, уехали, я, не будучи в силах совладать с тоской, мучилась столь сильно, что всего через год умерла... Это вот тело — не человеческое! Моя одинокая душа жаждала утолить чувство, что было уготовано судьбой, но теперь, увы, время нашей радости окончилось! Не вкусим мы снова такого счастья, никогда больше нам не быть вместе!

Далее девушка сокрушается, что столь долгий срок их сожительства нанес здоровью чиновника значительный ущерб, говорит, как излечиться, и уходит в тоске и печали [1].

---

[1] *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 2. С. 755. Примечателен сюжет фрагмента «Суй ю цин ци» (睢佑卿妻 «Жена Суй Ю-ци-

Как было замечено, душа умершей в силу своей природы не может не причинять вреда живому мужчине, а оттого срок подобных союзов всегда ограничен, хотя может достигнуть и нескольких лет; от такого союза могут даже родиться дети, которые останутся на попечении отца, когда душа умершей будет изгнана (чаще всего) или же уйдет по собственной инициативе [1].

«Цзин ши и фу жэнь» (京師異婦人 «Странная женщина из столицы») — пример второго рода. Некий столичный ученый, гуляя во время праздника фонарей, повстречал красивую женщину, сказавшуюся безнадежно потерявшейся, — и отвел ее к себе, где стал жить как с женой. Через полгода друг ученого, будучи у него в гостях, заподозрил, что с той женщиной не все ладно, и порекомендовал обратиться за помощью к даосскому наставнику. Даос по внешнему виду ученого тут же установил, что тот

на»): главный герой встречает горячо любимую, но уже умершую жену, проводит с ней какое-то время, а потом, после расставания, не будучи в силах справиться с тоской, умирает сам (см.: *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 3. С. 1320). Такая коллизия весьма редка в старой китайской прозе — обычно все происходит так, как в «Си ху нюй цзы».

[1] Так, к примеру, происходит во фрагменте «Цзянь дэ мао у нюй» (建德茅屋女 «Девушка из тростниковой хижины в Цзяньдэ»), главные герои которой живут вместе более четырех лет, и у них рождается сын, прежде чем умершую не изгоняет даосский святой (см.: *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 3. С. 1373—1374).

одержим злым духом, снабдил его амулетами и объяснил, как надо себя вести. Ничего не вышло: женщина уже заранее знала, что ученый ходил к даосу, и устроила ему скандал. Ученый дождался, когда та уснула, и положил, как и было велено, один амулет ей на голову, а второй — в привязной кошель, которым она дорожила особо. Женщина пропала неведомо куда, а через некоторое время даоса арестовали по обвинению в убийстве: оказывается, в одной семье некая больная уже три года лежала в бреду, но внезапно очнулась с криком «даосский наставник такой-то убил меня!» — и тут же испустила дух. Однако в результате расследования вся эта история выяснилась, и никого не наказали [1].

В немалом числе фрагментов «И цзянь чжи» описываются злобные и вредоносные души умерших — вполне в духе предшествующей дотанской прозаической традиции, когда душа умершего воспринималась в первую очередь как злонесущее начало; встречаются у Хун Мая и души умерших, что причиняют зло лишь в ответ на зло, которое причинили им.

Сказанное касается в том числе и любовных отношений. Главный герой «Чжан кэ ци юй» (張客奇遇 «Удивительная встреча торговца Чжана») встречает изобиженную душу умершей девушки ночью на постоялом дворе, во сне она ложится с ним, а на следующий день приходит уже наяву. Между тем хозяин двора, видя, что с Чжаном неладно, предупре-

---

[1] См.: *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 1. С. 65—66.

ждает того, что недавно здесь повесилась одна девушка, не она ли морочит вас? Чжан не решается откровенничать, но, когда его гостья появляется вновь, спрашивает, не о ней ли шла речь, и девушка подтверждает. Оказывается, она умерла из-за предательства некоего Яна, который под предлогом будущей женитьбы выманил все ее сбережения, а потом так и не женился, сбежал. Зная, что Ян — односельчанин Чжана, девушка просит того о помощи: нужно по всем правилам сделать поминальную табличку с ее именем и привезти в родное село, что Чжан, проникнувшийся ее скорбью, и делает. Однако, когда он наносит Яну визит, оказывается, что тот безо всяких видимых причин только что скоропостижно умер: перемещенная с помощью таблички непокойная душа отомстила за обиду. Больше Чжан с девушкой не встречался [1].

Мстит и героиня фрагмента «Мань шао цин» (滿少卿 «Шаоцин Мань»), отец которой приютил Маня в тяжелые времена. Мань и девушка вступили в тайную связь, и, когда она открылась, Маню не оставалось иного пути, как жениться. Вскоре Мань сдал экзамены, карьера его пошла в гору, он бросил девицу ради выгодного брака с другой — из богатого и знатного рода... Через двадцать лет душа девушки явилась отомстить Маню с такими словами:

> — Вы, господин Мань, воспользовались щедрой милостью моей семьи — и вот сколь неблагодарным оказались! После того, как вы уехали, я умерла от го-

---

[1] *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 2. С. 666—667.

ря, а следом за мной не стало и моего батюшки. Годы шли за годами, и вот наконец я обрела отмщение — жалоба моя милостиво удовлетворена загробным управлением! [1]

Встречаются в «И цзянь чжи» и такие души умерших, что помогают живым совершенно бескорыстно. Иными словами, в изложении Хун Мая мир умерших, по тем или иным причинам вернувшихся к живым, очень напоминает мир земной: и там и сям попадаются люди совершенно разного склада — добрые и не очень, благородные и завистливые, альтруисты и себялюбцы и так далее.

***

В «И цзянь чжи» нежные чувства возникают не только между живым человеком и душой умершей. Бессмертные небожительницы также не прочь завязать отношения с земными мужчинами. Данный мотив известен с глубокой древности и восходит к

---

[1] *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 4. С. 1651. Материал этого фрагмента был использован Лин Мэн-чу (凌濛初 1580—1644) для одной из повестей-*хуабэнь* из второго сборника «Пай ань цзин ци» (拍案驚奇 «Стучу по столу [от изумления]: поразительно!»), на этот сюжет писали пьесы также и минские драматурги. О мести душ умерших см. также: *Гуань Бин*. «И цзянь чжи» чжундэ гуйлин фучоу юй фучоу иши. Подробнее о любовных историях с участием живого человека и души умершей у Хун Мая см.: *Янь Юй-мэй*, *Цю Чан-юань*. Цзяньлунь «И цзянь чжи» чжундэ жэньгуй хуньлянь сяошо.

знаменитой оде Сун Юя (宋玉 301—240 до н. э.) «Гао тан фу» (高唐賦 «Ода о [горах] Гаотан»), где чуский князь во сне встретился с бессмертной с горы Ушань, одарившей его своей любовью, но оставшейся недоступной в обычной жизни; см. также к оду Цао Чжи (曹植 192—232) «Ло шэнь фу» (洛神賦 «Ода о божестве [реки] Ло»), описывающую чудесное видение автора, в котором он встретился с красавицей, владычицей реки Ло, но их внезапно вспыхнувшее взаимное чувство было заранее обречено, ибо божеству и смертному не суждено быть вместе.

Коллекция Хун Мая не исключение: во фрагменте «Цай чжэн нян» (蔡箏娘 «Цай Чжэн-нян») главного героя Чэнь Дао-гуана 陳道光 во сне посещает некий отрок, который обещает ему спустя три года удивительную встречу. Действительно: через три года с помощью этого отрока Чэнь встречается с бессмертной небожительницей неземной красоты — ее зовут Цай Чжэн-нян. Они пируют, Чэнь пишет десять семисложных четверостиший о бессмертных (скрытый смысл которых ему потом во сне растолковывает все тот же отрок), после чего звучит мелодия «Ли фэн» (離鳳 «Расставание с фениксом»), и герои расстаются, не вкусив плотской любви, как и в случае с владычицей реки Ло: «дева и Чэнь пили вино всю ночь напролет, но до разврата так и не дошло, что совсем не похоже на истории о бессмертных, которые записывали при Тан» [1].

---

[1] См.: *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 2. С. 765—766. Следует сказать, что место, где отрок назначил встречу Чэню, назы-

Есть в «И цзянь чжи» ряд историй, связанных с духами. Некий Хуан Инь 黄寅, направляясь в столицу на экзамены, остановился в пути на постоялом дворе. Ночью он громко читал книгу, как вдруг к нему постучалась молодая девица, привлеченная его чтением. Она сказала, что с детства питает склонность к книгам и учености, но родители наставляют лишь в шитье да вышивании. Ныне родители уехали на свадьбу, а девица, предоставленная самой себе, решила прогуляться... Хуан Инь усадил ее, налил вина, они стали читать, а потом и легли вместе. Лишь прокричал петух — девица ушла, но обещала вернуться вечером. Так продолжалось полмесяца. Родственник Хуана, проезжавший мимо того постоялого двора по в столицу, насилу уговорил его отправиться с ним — тем же вечером возлюбленные, ро-

---

валось Ланьцяо 藍橋. Это название восходит к новелле «Пэй хан» (裴航 «Пэй Хан») из сборника «Чуань ци» (傳奇 «Повествования об удивительном») танского Пэй Сина (裴鉶 VIII в.), где главный герой также встречает бессмертную деву. Что до непохожести на «истории, которые записывали при Тан», то несходство танской и сунской прозы сяошо отмечал еще Хун Ин-линь, который писал об изысканной элегантности и обилии вымысла в произведениях танских авторов, противопоставляя этому усиление реализма в ущерб художественной красоте у авторов сунских (см.: *Ху Ин-линь*. Шао ши шань фан би цун. С. 375). Ху Ин-линь полагал, что досунские тексты выходили из-под кисти литераторов и действительно талантливых мужей, тогда как при Сун тон в прозе стали задавать рассказы «провинциальных ученых да деревенских стариков».

няя слезы, распрощались; Хуан оставил в подарок пять лянов серебра. Каково же было его удивление, когда неподалеку от столицы он наткнулся на храм, и в одной изтамошних статуй узнал свою давешнюю возлюбленную: вид у нее был печальный, а в руке — серебро [1].

***

Было бы странно, если бы в столь обширном и разнообразном собрании не нашлось места любовным историям с участием оборотней, в первую очередь — лисицы. Культ лисы расцвел в Китае при Тан, тогда же образ этого животного претерпел существенные изменения в прозе сяошо: из злобного и коварного оборотня, несущего человеку безусловное и немотивированное зло, лиса превратилась в волшебную подругу и преданную любовницу, не жалеющую ради любимого самой жизни [2].

Классическое произведение такого рода — танская новелла «Жэнь ши чжуань» (任氏傳 «История госпожи Жэнь») Шэнь Цзи-цзи (沈既濟 750?—800?) [3]. Ее напоминает история, рассказанная во фрагменте «Юй чжэнь дао жэнь» (玉真道人 «Даоска Юй-

---

[1] *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 3. С. 976.

[2] Подробнее о лисах-оборотнях в прозе этого времени см.: *Алимов И. А.* Бесы, лисы, духи в текстах сунского Китая. С. 47—72.

[3] Подробнее о ней см.: *Алимов И. А.* Записи о сокровенных чудесах. С. 79—87.

чжэнь») «И цзянь чжи». Гао Цзы-мянь 高子勉, богатей из Хунани, однажды за несколько десятков тысяч монет приобрел красавицу-наложницу, поселил ее в отдельном садике в бамбуковом тереме и прозвал «даоской Юй-чжэнь». Гао часто проводил с нею время, устраивал у наложницы пиры для гостей, которых весьма любил принимать, и все было хорошо, пока спустя несколько лет он не собрался отправиться на могилы предков. Решил взять всю семью, но наложница воспротивилась, никак не хотела ехать. Сказала, что всем положена уготованная им судьба, в том числе ей, и если она поедет — с ней случится несчастье. Гао подивился сказанному, но подумал, что наложница попросту опасается встречи с его женой, и заставил девушку ехать. Добрались до места. Мимо проходили охотники, их собаки бросились к паланкину, где ехала наложница, выволокли ее наружу — та вскрикнула и умерла. Как ни старался Гао, спасти ее не удалось. Была она словно живая. Когда же бездыханное тело стали грузить обратно, увидели свисающий хвост... Наложница оказалась лисой-оборотнем. «Эта история ровно такая же, что и про танского книжника Чжэна», — сказано в конце [1]. Истории, что и говорить, похожи, однако танская новелла гораздо выразительнее, подробнее и обладает существенно более развитым сюжетом.

Другой фрагмент — «Ча пу цуй сань» (茶僕崔三 «Чайный служка Цуй Третий») — рассказывает

---

[1] *Хун Май.* И цзянь чжи. Т. 2. С. 675—676. Чжэн — главный герой «Жэнь ши чжуань».

о том, как среди ночи к Цую, оставшемуся ночевать в хозяйской лавке, явилась прелестная девица. Сказала, что она — новобрачная из дома неподалеку, бежала от злой свекрови и умолила оставить ее в лавке до рассвета. Цуй согласился, ночью красавица явилась к нему на ложе... Уходила с рассветом, вечерами возвращалась, всячески заботилась о Цуе, помогая ему и деньгами. Все было хорошо, пока старший брат Цуя, охотник, явившись навестить его, не заподозрил в девушке нечисть. Цуй всячески отговаривался, но брат, вызнав, откуда приходит красавица и куда уходит, поставил силки — лиса в них попалась и издохла. Цуй был в отчаянии, но вскоре его избранница появилась снова: красавица знала, что Цуй не был причастен к охоте на нее, к тому же убили не ее, но служанка. Зла лисица на Цуя не держала — и они стали жить вместе, как и прежде [1]. Данная история интересна финалом: в подобных случаях лиса-оборотень обычно погибает или же никогда больше не приходит, а то порой и мстит; здесь лиса мстить не стала, а просто вернулась к возлюбленному. Случай для прозы сяошо довольно редкий.

Связанные с оборотнями фрагменты не ограничиваются одними только историями любви, встречаются среди них и такие, где герои проявляют себя как люди смелые, что не боятся ни призраков, ни бесов, ни оборотней, и храбро дают им отпор. Таков Цзинь Четвертый 金四 из «Цзинь сы чжи гуй» (金四執鬼 «Цзинь Четвертый хватает беса»). Возвра-

---

[1] *Хун Май.* И цзянь чжи. Т. 2. С. 805—806.

щаясь ночью в город, он разглядел, что идущий ему навстречу путник не слишком-то похож на человека, однако вида не подал, а, сказавшись сильно пьяным, предложил тому нести друг друга по очереди на закорках в целях экономии сил. Когда же пришло время в очередной раз меняться, это случилось как раз у дома Цзиня — тот крепко ухватил спутника и поднял крик. Тут же прибежали с факелами домашние, глядь — а то и не человек вовсе, а старый лунь! Поймали и сожгли [1].

Или: герой рассказа «Шуан ган фу мин цзы» (雙港富民子 «Сын зажиточного простолюдина из Шуангана») пустил среди ночи в дом красотку, попавшую под ливень. Когда прелестная девица попросила разрешения просушить одежду у огня, согласился. Девица стала снимать верхнюю одежду — и тут случайно из-под юбки показался хвост. Не раздумывая, парень стал бить девицу посохом. Она тут же превратилась в лису и удрала, а ее одеждой оказались измазанные в грязи опавшие листья [2]. Несмотря на простоту и традиционность сюжета, данный фрагмент довольно подробен, существенное место занимает в нем диалог главных героев.

---

[1] *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 1. С. 64. Данный сюжет не нов, он восходит к истории о Цзун Дин-бо 宗定伯 из «Ле и чжуань» (列異傳 «Отдельные повествования о странном») Цао Пи (曹丕 187—226), где главный герой сходным образом поступает с душой умершего (подробнее см.: *Алимов И. А.* Сад удивительного. С. 158—159).

[2] *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 3. С. 1127.

Не боится лис-оборотней и буддийский монах Фа-цзин 法淨 из фрагмента «Дун сян сэн юань нюй» (東鄉僧園女 «Девушки из сада при храме Дунсян-сы»). Когда в саду, где он окучивал чайные кусты, вдруг невесть откуда появилась прекрасная девица и стала с ним кокетничать, монах, почуяв неладное, стал громогласно читать сутры, дабы устрашить нечисть. Девица лишь посмеялась над этой попыткой, ведь она была не из числа душ умерших.

> — Да что ты за нечисть такая, что залезла в наши чайные посадки и смущаешь-завлекаешь тут своей прелестью?! — крикнул на нее Фа-цзин. — Я — буддийский монах, ношу подобающее одеяние, дни провожу в чтении сутр, соблюдаю посты, совершенствуюсь и очищаю душу — ни умершие, ни злые оборотни не могут повредить мне! Быстро убирайся прочь!

Стойкость монаха произвела на девицу впечатление: она признала, что Фа-цзин действительно осенен благодатью, извинилась, что вторглась в его владения и попросила указать ей дорогу назад, что монах и сделал. И тут девица и две ее служанки враз обернулись лисами и умчались прочь со страшными завываниями [1].

Лиса среди способных к оборотничеству существ в «И цзянь чжи» лидирует — здесь целых тринадцать «лисьих» историй [2]. Присутствуют в собра-

---

[1] *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 3. С. 1312—1313..

[2] Из них только в двух действуют лисы-мужчины, во всех остальных — лисицы-женщины. Ли Цзянь-го 李建國 отмечает, что лисы-оборотни у Хун Мая обычно выглядят

нии Хун Мая и иные оборотни: девица-обезьяна, лист бананового дерева, что превратился в красавицу, черепаха-оборотень, змея-оборотень, и пр. [1]

***

Очень многие фрагменты «И цзянь чжи» связаны со сновидениями [2]. Традиция записи и толкования снов восходит к глубокой китайской древности — к «Ши цзи» (史記 «Исторические записки») Сыма Цяня (司馬遷 145?—90 до н. э.) и другим классическим памятникам; также сюжеты о снах во множестве зафиксированы в дотанской и танской прозе сяошо. В «И цзянь чжи» сны чаще всего бы-

---

как певички — красиво одетые, очаровательные, соблазнительные; телесное общение с ними наносит вред здоровью; справиться с лисой, как правило, помогает даос; часто случается так, что у лисы, оборотившейся женщиной, лисий хвост остается на месте; лиса в состоянии оборота зачастую сохраняет свои животные привычки, например, страсть к поеданию кур (см.: *Ли Цзянь-го*. Чжунго ху вэньхуа. С. 140—146). Все перечисленные свойства относятся и к лисам, описанным в более ранней прозе.

[1] См., например: *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 2. С. 464—465; Т. 3. С. 1304—1305; Т. 4. С. 1751—1753; С. 1755—1756, соответственно.

[2] Согласно подсчетам шаньдунской исследовательницы Чан Цзинь-лянь (常金蓮 р. 1975), *мэн* (夢 «сон») упомянут в заглавиях ста одного фрагмента из «И цзянь чжи» (*Чан Цзинь-лянь*. «Вэньжэньчжи нэнши, сяошочжи юаньхай». С. 147).

вают либо пророческими (сны-предостережения), когда герои понимают, какое будущее их ждет, когда увиденное сбывается (при этом сну могут предшествовать некие события, которые, собственно, и вызывают отклик во сне); либо учительными, когда герой, прожив во сне какое-то время, получает новый жизненный опыт и, проснувшись, усваивает урок и делает соответствующие выводы; оба мотива вполне традиционны и богато представлены в прозе предшествующего времени.

С пророческими снами (снами-предостережениями) в «И цзянь чжи» связано триста восемьдесят семь фрагментов. Например, «Ли бан чжи мэн» (李邦直夢 «Сон Ли Бан-чжи»), где главный герой, заметив, какое внимание оказывает ему младшая дочь его приятеля Суня, видит однажды сон, в котором пытается догнать девицу Сунь, но успевает лишь наступить ей на ногу и воткнуть цветок в волосы, отчего просыпается в полном смятении. Ли все без утайки рассказывает жене, а та растолковывает сон в том смысле, что ему суждено стать мужем девицы Сунь, а ей самой предстоит скоро умереть. Так и происходит: жена Ли умирает, а он в конце концов женится на Сунь [1].

Сюда же относим удивительные сновидения соискателей на экзаменах или сны чиновников. Речь о фрагментах, в которых во сне даются предсказания результатов экзаменов и перспектив чиновничьей карьеры. Будучи правильно истолкованы, подоб-

---

[1] *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 1. С. 94—95.

ные сны указывают на победу или поражение, а подчас даже на место, которое экзаменующийся займет (таких фрагментов восемьдесят семь); на чиновничий рост или, напротив, грядущую неудачу в карьере (таких фрагментов в сборнике пятьдесят). Вещие сны случаются с соискателями степени накануне экзамена или по благой воле некоего божества, или же в ответ на вопрошания в храме [1].

Нуждающиеся в предсказаниях специально обращаются к божествам не только по вопросам экзаменов или карьеры.

> На второй год под девизом правления Шаосин Лю Янь-сю 劉彥脩 управлял Синъюанем. Отправился поклониться в храм Линсянь-вана, желая получить ответ на вопрос, наступит ли осенью или зимой умиротворение на границе. Ночью во сне он [вновь] вступил в храм, дух повелел ему подняться к нему по ступеням, и Лю спросил его о том, что хотел бы знать. Был ответ: «Задал вопрос Верховному владыке, но пока нет известий». Едва Лю вышел из ворот храма, как к нему была послана женщина с тазом. Показала содержимое и сказала: «Поздравляю с ниспровержением [начальника] Лю!» Янь-сю посмотрел, что [в тазу] — всего лишь свиное легкое и плод граната! Он проснулся и в душе обрадовался: теперь он знал, что Лю [и царство Ци] ждет ниспровержение! А через четыре года [тот] Лю и вправду был уничтожен [2].

---

[1] Подробнее см.: *Сунь Ши-цзя*. «И цзянь чжи» кэцзюй шиту мэнчжао чжути коучуань гуши чутань.

[2] *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 2. С. 509. Второй год... Шао-син — 1132. Синъюань — округ, занимавший

Что касается снов-уроков, то в первую очередь речь идет о путешествии в загробные адские сферы, куда герой попадает (фактически умерев) или по ошибке (загробная бюрократия их тоже совершает!), или для дачи свидетельских показаний по делу, или же для того, чтобы понести наказание за собственные проступки, однако вина оказывается не столь существенной, по причине чего герой в конце воскресает.

Фрагменты такого характера известны еще по дотанскому материалу, они относятся к так называемым «буддийским сяошо» и имеют ярко выраженный религиозный характер [1]. Структура подобных

территорию совр. пров. Шэньси, Сычуаньскую котловину и некоторые окрестные земли. Линсянь-ван — один из титулов Эр-лана 二郎神, божества вод, защищающего от разливов и наводнений, что был дарован ему в 1103 г. (полностью — Чжаохуэй линсянь-ван, Князь, сияющий милостью чудесно-прославленный). Лю был уничтожен. — Речь идет о сдавшемся цзиньцам начальнике области Цзинань (в Шаньдуне) Лю Юе (劉豫 1073—1143/1146), в 1130 г. провозглашенном владыкой марионеточного царства Ци (1130—1138), созданного цзиньцами на границе с Сун. Лю Юй был предательски пленен цзиньцами в начале 1138 г., вслед за чем немедленно было упразднено и царство Ци, территория которого отошла к Цзинь. Сам Лю Юй при этом «уничтожен» не был, его выслали на жительство на территорию совр. Внутренней Монголии.

[1] Подробнее о ранних буддийских сяошо см.: *Ермаков М. Е.* Мир китайского буддизма; *Алимов И. А.* Сад удивитель-

историй в общих чертах одна и та же и почти не меняется: сначала герой или во сне или в бреду (если болен) видит загробных посланцев, прибывших за ним; затем посланцы подхватывают его и с невероятной скоростью тащат в неизвестном направлении; далее герой и сопровождающие оказываются в городе, где размещается присутственное место загробного начальства; до допроса герой может встретить старых (умерших уже) знакомых, которые могут чем-то помочь; происходит допрос, вызываются обвиняемые и свидетели; загробное начальство принимает решение вернуть героя в мир живых, поскольку вина его не доказана или незначительна, а срок жизни еще не вышел; на пути назад герою позволяют взглянуть на два-три (обычно не больше) адских отделения, где мучаются грешники — и особенно те, кто причинял вред живым существам, при этом часто звучат буддийски ориентированные наставления (а иногда и целые проповеди) и разъясняются буддийские ценности; герой оживает (приходит в себя), рассказывает домашним, что видел, и начинает истово веровать в Будду, порой даже принимает монашество.

Понятно, что я наметил только самую общую схему; всегда возможны некоторые вариации. Например, адские посланцы могут применять силу, чтобы доставить нужного человека в судилище. Так, герой фрагмента «Гао цзюнь жу мин» (高俊入冥 «Гао

ного. С. 333—385; о танских сяошо такого типа см.: *Алимов И. А.* Записки о сокровенных чудесах. С. 517—538.

Цзюнь спускается в ад») встречает в горах человека, который показывает ему верительную бирку и говорит, что пришел за ним. В ужасе Гао Цзюнь бежит прочь, адский посланец не отстает, а когда Гао прибегает домой и выставляет угощения, чтобы отделаться от назойливого преследователя, тот впадает в гнев и хватает Гао за горло, так что сознание вон; когда же Гао приходит в себя, его уже тащат в загробное управление [1]. Следует отметить и то обстоятельство, что в «И цзянь чжи» дорога в подземное царство оказывается гораздо короче, нежели в предшествующей прозе — потусторонний мир и мир живых находятся весьма близко друг от друга [2].

Основной посыл подобных сновидений с посещением потустороннего судилища выражен в словах напутствия, которое в «И цзянь чжи» загробный чиновник дает на прощание одному из персонажей:

> — Когда ты вновь вернешься в мир людей, дай людям знать, чтобы творили добрые дела, благоговейно уважали все сущее, почтительно ухаживали за родителями, всем сердцем тяготели к трем сокровищам, не

---

[1] См.: *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 1. С. 105.

[2] Специалисты отмечают еще одно новшество в отношении подземного ада, которое возникает у Хун Мая: в некоторых фрагментах пребывающие в нем говорят о том, что им вовсе не страшно, а наоборот — очень спокойно и даже радостно; ад в подобных случаях выглядит как мир людей, где умершие продолжают вполне безоблачное существование и даже вступают в браки (см.: *Юй Го-хуа*. Лунь «И цзянь чжи» дэ вэньсюэ шицзе. С. 79).

смели покушаться на жизнь живых существ, не смели стяжать себе состояние, не смели домогаться женской красоты, не смели таить в сердце пагубные пристрастия и зависть, не смели клеветать на добродетель, не смели чернить других людей. Совершишь зло при жизни, выйдет срок — падешь в огромный подземный ад и уж никогда не выйдешь отсюда! А окончится срок расплаты за содеянное — лишь голодным духом или скотом и удастся возродиться. Буддийские сутры предостерегают-наставляют и так и этак, и это вовсе не пустые слова! [1]

Разнообразие сюжетов, связанных со сном, в «И цзянь чжи» этим не исчерпывается: имеются фрагменты, в которых во сне к человеку приходит разная нечисть, встреча с которой чревата скорой смертью; фрагменты, в которых к человеку во сне приходит обиженный (несправедливо убитый, в том числе животные) и просит о заступничестве, и пр. [2]

---

[1] *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 2. С. 432. Три сокровища — в буддийском понимании: Будда, его учение и монашеская община. Подробнее о сунских народных представлениях о подземном судилище см.: *Шэнь Цзунсянь*. Сундай миньцзяньдэ юмин шизе гуань. С. 144—175. Применительно к «И цзянь чжи» см.: *Лу Сю-мань*. Хун Май «И цзянь чжи» чжи жумин гуши яньцзю.

[2] Подробнее о снах у Хун Мая см.: *Дун Чунь-линь*. Ю мэн жу мин: «И цзянь чжи» соцзяньдэ тунлин вэньхуа; *Ло Цин-цин*. Шилунь «И цзянь чжи» чжундэ шэмэн гуши; *Чан Цзинь-лянь*. «Вэньжэньчжи нэнши, сяошочжи юаньхай». С. 147—149.

***

Буддийские мотивы присутствуют в коллекции Хун Мая не только применительно к снам с посещением загробного мира. В «И цзянь чжи» тема воздаяния звучит в ста тридцати фрагментах; самым важным ее аспектом является возмездие, которое настигает главного героя за убийство, страшнейшее из «десяти зол» [1]. В коллекции Хун Мая содержатся семьдесят три истории, рассказывающие о возмездии за убийство человека.

Хорошим (хотя и довольно своеобразным) примером может стать фрагмент «Ин чжоу тай шоу» (英州太守 «Начальник области Инчжоу), записанный со слов некоего У Фу-пэна 吳傅朋 и посвященный неожиданному возмездию за намерение убить. Цзайсян Чжан Дунь (章惇 1035—1105), питавший глубокую неприязнь к славившемуся прямотой и неподкупностью сановнику Лю Ань-ши (劉安世 1048—1125), выслал его управлять удаленной областью Инчжоу (располагалась на территории совр. Хайнаня), но этого ему показалось мало — Чжан Дунь подговорил соискателя чиновничьей должности некоего Линя тайно убить Лю Ань-ши. Линь согласился и отправился на юг. Лю Ань-ши в то время гостил у местного даоса в горном храме. Даос прознал о том, что нынче ночью Лю собираются убить, предупре-

[1] Это: убийство, воровство, разврат, ложь, клевета, сквернословие, двуличность, алчность, злобность, ошибочные взгляды.

дил его, всячески прося поберечься, на что Лю отвечал в том духе, что человеческая судьба предопределена, ничго не изменишь, затем поужинал и спокойно лег спать. Даос же провел ночь в беспокойстве, но никто так по душу Лю Ань-ши и не явился. Вдруг среди ночи ударили в колокол, и Лю Ань-ши проснулся. Позднее выяснилось, что Линь, собираясь убить опального сановника, проник в канцелярию начальника области, стал поспешно подниматься по ступеням в главный зал, второпях случайно запнулся о порог, грохнулся оземь и мгновенно умер. Нежданно-негаданно возмездие настигло убийцу еще до совершения преступления. «А тот, кто ударил в колокол, — это был учан!» [1].

Однако подобные случаи встречаются довольно редко. Обычно в сяошо (и в «И цзянь чжи» в частности) возмездие настигает убийцу через сравнительно короткое время. Так было с начальником области Хайчжоу (располагалась в северной части совр. пров. Цзянсу), который не поверил словам своего телохранителя, не раз предупреждавшего, что его ближние подчиненные лелеют планы мятежа. А когда они все же взбунтовались, предпочел обвинить во всем телохранителя и казнить его. Однажды вечером начальник области сидел в своем кабинете, как вдруг кто-то постучал в окно.

---

[1] См.: *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 4. С. 1563—1564. Учан — служитель загробного судилища, в обязанности которого входило забирать души умерших и отводить их в адскую канцелярию для последующего разбирательства.

— Ты еще что за бес? — крикнул начальник. — Как посмел явиться сюда?

— Я ваш бывший телохранитель Чжан Ма-цзе 張馬姐. — Много раз я повторял вам нелицеприятную правду, но вы не слушали. Потом, когда все случилось по сказанному, меня следовало бы щедро наградить, а вы, наоборот, — обезглавили меня! И тогда я подал жалобу в загробное управление.

Через три года тот начальник области умер [1]. Фрагментов сходного содержания в «И цзянь чжи» около шестидесяти; еще в тринадцати фрагментах зафиксированы примеры наказания за убийство, совершенное в предыдущей жизни, — случаи, так сказать, отложенного воздаяния.

В пятидесяти трех фрагментах «И цзянь чжи» содержатся записи историй о воздаянии за причинение вреда живым существам и их убийство — от коров до змей, всего два с половиной десятка различных видов животных. В сорока семи фрагментах речь идет об адекватном возмездии, что называется, око за око, как это было с Ван Цюанем 王權, любившим пострелять из арбалета и однажды выстрелившим в сорочье гнездо. В гнездо он попал, и тут же услышал за спиной голос: а если тебе стрелой в глаз — понравилось бы, а? Обернулся — нет никого. Осмотрел гнездо, а там мертвая сорока со стрелой в глазу. В испуге Ван Цюань изрубил свой лук в щепки, но это не помогло: вскоре в сражении он был

---

[1] *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 3. С. 1328.

ранен стрелой — между носом и глазом, долго маялся, едва выздоровел [1].

Помимо прочих в коллекции Хун Мая встречаются случаи возмездия, что падает на родственников виновного. К примеру, в фрагменте «Тун ци ту» (童七屠 «Мясник Тун Седьмой») говорится о мяснике Туне, род которого издревле зарабатывал забоем свиней — не менее тысячи туш в год, продавал мясо, тем жил и богател. Но однажды домашние Туна увидели во сне покойного деда, который сказал, что из-за мясника, который все никак не бросит свое ремесло, он и прочие покойные родственники уже больше десяти раз перерождаются в боровов, а Тун их все забивает и забивает, так что те свиньи, что нынче живут в мясницком загоне, — сплошь переродившиеся дедушки, бабушки, дяди, тети и иные родичи. Утром домашние пришли в загон, и свиные головы вдруг на какое-то время преобразились в человеческие лица — плачущие, страдающие. Псоле этого Тун Седьмой заказал буддийский молебен и поменял профессию — стал торговать шелком [2].

Возмездие может быть обращено на потомство — дети начинают рождаться с характерным для прегрешений отца изъяном; или же по ошибке могут погибнуть от родительской руки, и так далее [3].

---

[1] См.: *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 1. С 175.

[2] См.: Там же. Т. 2. С. 918—919.

[3] Последний случай описан во фрагменте «Цзя ту цзай чжан» (賈屠宰獐 «Мясник Цзя забивает оленя»), где главный

Есть у Хун Мая и два фрагмента, где возмездие настигает героев за причинение вреда растениям, это очень редкий мотив [1]. Также в «И цзянь чжи» содержится более пятидесяти фрагментов, где речь идет о воздаянии за сыновнюю почтительность или отсутствие оной; о возмездии за неблагодарность; и др. [2]

***

Главные даосские темы в «И цзянь чжи» — даосы, с помощью тайных умений изгоняющие нечисть, и даосы, а также даосские бессмертные, являющие разного рода чудеса и дарующие излечение. Рассказы о них (таких в собрании Хун Мая более сотни) можно воспринимать как материалы к истории сунской медицины [3]. Среди персонажей встреча-

---

герой, державший оленей и каждый вечер забивавший одного из них, однажды, будучи сильно пьян, спутал с оленем собственного сына и убил того (*Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 3. С. 1150—1151.

[1] См.: *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 2. С. 578—579; Т. Подробнее о возмездии за дурные дела в «И цзянь чжи» см.: *Сунь Ши-цзя*. «И цзянь чжи» юаньдуй баоин чжути коучуань гуши чутань.4. С. 1529. Структура фрагментов, связанных с возмездием, описана в ст.: *Дэн Цин-мэн*. Лунь «И цзянь чжи» дэ сюши цзегоу синши. С. 84—85.

[2] Подробнее см.: *Сунь Ши-цзя*. «И цзянь чжи» сяо дао цзе и баоин чжути коучуань гуши чутань.

[3] Разбор наиболее значимых тридцати фрагментов такого типа см.: *Чжуан Хун-и*. Сундай даоцзяо иляо.

ются такие известные лица, как знаменитый даосский мыслитель и основатель школы *Шэньсяо* («Высочайшее небо») Ван Вэнь-цин (王文卿 1093—1153), патриарх школы *Чжэнъи* («Истинное единство») Чжан Цзи-сянь (張繼先 1092—1127) и славившийся искусством изгонять нечисть Лу Ши-чжун (路時中 XII в.). Все они выступают борцами с разного рода оборотнями, призраками, бесами, что насылают на людей морок и медленно убивают их, не взирая на возможное высокое положение. Так, во фрагменте «Цай цзин сунь фу» (蔡京孫婦 «Жена внука Цай Цзина») Чжан Цзи-сянь изгоняет древнего оборотня, околдовавшего жену внука цзайсяна Цай Цзина (蔡京 1047—1126): девушка каждый вечер прихорашивалась, выходила за ворота, будто кого-то ожидала, затем возвращалась в комнаты, там вела задушевные беседы с невидимым собеседником и в итоге исхудала до невозможности. Множество столичных даосов пробовали совладать с нечистью, но получилось это только у Чжана [1].

Умение заклинать силы природы — еще одна способность даосов, отраженная в «И цзянь чжи». Однако, как и везде, здесь важны правила, которые ни в коем случае нельзя нарушить.

> Ван Вэнь-цин из Цзяньчана прославился своим даосским искусством. Его последователь даос Чжэн 鄭道士 перенял у Вана «Заговор пяти громов» — путешествовал по Юньчжоу и Фучжоу, вымаливая для

---

[1] См.: *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 3. С. 1120—1121.

людей дождь и изгоняя [всякую] нечисть. Когда он призывал раскаты грома, отклик всегда был незамедлительным.

В начале годов под девизом правления Шао-син (1131—1162) он прибыл в Линьчуань. К нему с визитом явились несколько человек — с просьбой позволить им лицезреть того, кого зовут богом грома. Чжэн отказывался: нельзя! Однако потом, как всегда в таких случаях, прочитал заговор, написал магическую формулу, взмахнул мечом, выкликнул призыв... Долгое время ничего не происходило, как вдруг засвистел холодный ветер, пала густая мгла, и пред ними предстал дух в высокой, как гора, шапке и с топором.

— Ваш покорный слуга бог грома удостоился вызова наставника, — сказал дух. — Позвольте спросить, чего вы желаете.

— Я позвал вас потому, что эти люди хотели на вас взглянуть, — отвечал Чжэн. — И это все.

Дух пришел в ярость.

— Ваш покорный слуга каждый раз, получив призыв, сначала испрашивает Небо и лишь потом может явиться. Выполнив дело, возвращается и обо всем докладывает. Нынче вы меня вызвали лишь для собственной забавы, как же я доложу Небу о выполнении задания?! Топор мой в дело нельзя пускать всуе, Вам, наставник, должно быть про то ведомо!

Поднял топор и рубанул Чжэна по голове. Все прочие тут онемели и в испуге повалились ничком — лишь спустя долгое время пришли в себя. Чжэн был уже мертвый [1].

---

[1] *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 2. С. 487—488.

В центре внимания других фрагментов находится не столько даосская магия, сколько лекарское искусство, так называемое «пестование жизни» — с целью ее максимального продления, а также предсказание будущего и даосские обряды [1]. Многие даосские рассказы в «И цзянь чжи» вполне традиционны для предшествующей прозы сяошо и представляют собой записи удивительных происшествий, а равно чудес, которые демонстрируют приверженцы даосского учения, — подобно некоему даосу Сюй Вэньчжэню (徐問真 XI в.), который вместо иголок для акупунктуры пользовался пальцами и умел превращать простую землю в лекарственные снадобья, помогавшие от разных недугов. Он, в частности, излечил болезнь ног у великого сунского литератора и историка Оуян Сю (歐陽修 1007—1072), а также составил ему чудодейственное снадобье [2]. Другой даос, Хэ Со-и (何蓑衣 ?—1197), был славен тем, что врачевал недуги, не посещая больных наяву, но приходя к ним во сне и во сне же давая снадобья, от кото-

---

[1] О «пестовании жизни» в «И цзянь чжи» см.: Дан Хуэйсянь. «И цзянь чжи» чжундэ даоцзяо яншэншу;

[2] См.: *Хун Май.* И цзянь чжи. Т. 3. С. 1148. Эпизод с Оуян Сю подтверждается сунской историей (цз. 338); вариант этой истории, весьма близкий к тексту фрагмента из «И цзянь чжи», но более пространный, содержится в «Дун по чжи линь» (東坡志林 «Лес записей Дун-по») Су Ши (蘇軾 1036—1101), см.: *Алимов И. А.* Лес записей. С. 486—487. Возможно, данный фрагмент — редкий случай прямого заимствования Хун Маем материала из чужих сочинений.

рых наступало облегчение. Хэ Со-и также посвящен довольно обширный фрагмент «Со и сянь шэн» (蓑衣先生 «Наставник Со-и») [1]. Искусство его было настолько прославлено, что император Сяо-цзун (на троне 1127—1162) даровал Хэ Со-и титул Туншэнь сяньшэн, то есть Наставник, общающийся с божествами.

Врачеванием в «И цзянь чжи» занимаются и знаменитые даосские бессмертные, например, Люй Дун-бинь 吕洞賓, который фигурирует во многих подобных фрагментах, бескорыстно и своевременно приходя на помощь болящим, оставляя после визита намек на то, кто приходил, — простую иероглифическую шараду или написанные на стене стихотворные строки, еще его узнают по изображению (статуе) в местном храме и т. п. [2]

***

Благодаря тому, что в основу «И цзянь чжи» легли зафиксированные Хун Маем рассказы многочисленных очевидцев странных событий или же тех,

---

[1] *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 4. С. 1657—1660.

[2] Также о врачевании, даосской медицине и народных целителях в «И цзянь чжи» см.: *Яо Хай-ин*. Цун Хун Май «И цзянь чжи» кань Сундайдэ иляо ходун юй миньцзянь синъи цюньти; *Ли Цун*. Цун «И цзянь чжи» кань Сундай Сюйцзян ицзя вэйи чушичжи дао; *Чжан Юань-юань*. Сундай даоцзяо иляо юй жичан шэнхо.

кто о таких событиях слышал и чей рассказ мог быть признан достоверным, эта коллекция сяошо должна рассматриваться прежде всего как собрание разнообразных народных легенд и бытовавших в сунское время удивительных историй — не выдуманных, но записанных, что делает материал собрания Хун Мая поистине бесценным источником для изучения самых разных аспектов духовной и материальной жизни сунского общества, но в первую очередь, конечно же, народных верований и религиозных воззрений [1].

Чрезвычайно важными для религиоведения и исторической этнографии являются такие фрагменты, как «Цзянь дэ яо гуй» (建德妖鬼 «Злобный бес из Цзяньдэ»), что был записан со слов сановника и поэта Ван Цзюя (王秬 ?—1173). Сын некоего Вана 汪氏, проезжая по служебным делам через уезд Цзяньдэсянь, решил остановиться в уездном центре на ночлег, но по пути задержался в старом семейном поместье, где изрядно угостился вином, а потом в одиночестве продолжил путь верхом, но довольно скоро заблудился. Спустилась ночь, и вдруг из темноты выскочили какие-то люди, схватили Вана и ку-

---

[1] Некоторые аспекты простонародного буддизма, отраженные в «И цзянь чжи», анализируются в ст.: *Лю Ли-мин*. Сундай миньцзянь мицзун синьян; *Лю Ли-мин*. «И цзянь чжи» юй Нань Сун цзяннань мицзун синьян. Об особенностях народных верований в Хуэйчжоу (область, располагалась на территории совр. пров. Аньхой) на материале «И цзянь чжи» см.: *Чэн Чэн*. Цун «И цзянь чжи» кань Нань Сун Хуэйчжоу миньцзянь синьян.

да-то поволокли. В итоге Ван оказался в старом горном храме, где его привязали к столбу. Похитители стали возжигать благовония перед статуей божества, а потом ушли, оставив Вана одного, и закрыли двери. Ван понял, что его похитители — из числа тех, что приносит духам кровавые человеческие жертвы, пришел в ужас и принялся про себя твердить молитву о ниспослании божественной помощи. Среди ночи разразилась страшная гроза. Внезапно двери распахнулись, и некое существо проникло в храм: глаза его сияли, словно фонари, освещая все вокруг. Ван пригляделся — а это огромный питон! Питон разинул было пасть, собираясь пожрать Вана, но тот с удвоенной силой стал твердить молитвы, и питон за три метра до него замер, точно в невидимую стену уперся. Пробовал так и этак — не добраться до жертвы. Тогда питон уполз. С рассветом в храм забрел случайный человек, который освободил Вана и вывел его на казенную дорогу [1].

Молитвы спасают от питона и героиню фрагмента «Пу тянь чу цзы» (莆田處子 «Девственница из Путяня»), также назначенную в жертву. В другом фрагменте Хун Май рассказывает о двух подобных вышеописанному случаях, связанных с местными верованиями в духа Лэнчжэн-шэня 稜睜神 в Хубэе; но здесь главные герои все же погибают от рук религиозных фанатиков — у них оказывается изъята

---

[1] См.: *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 1. С. 126. Более подробно об этом фрагменте см.: *Лю Ли-мин*. «И цзянь чжи» Цзяньдэ яогуй гуши яньцзю.

печень [1]. Перед нами — яркие примеры расцветших в сунское время местных народных верований, связанных с человеческими жертвоприношениями, которые официальные власти относили к числу *иньсы* (淫祀 «непристойные жертвоприношения») и которые подлежали искоренению (а подобные храмы — уничтожению) [2].

Не менее интересны фрагменты, где фигурирует божество Утун (五通神 Пять Тунов, то же, что и Усянь 五顯神 Пять знатных, Улан 五郎神 Пять молодцов), вера в которого была широко распространена в сунском Китае (в основном на территориях, занимаемых нынешними пров. Чжэцзян и Цзянси) [3]. Божество это дихотоническое: по наблюдени-

---

[1] См.: *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 4. С. 1479—1480; 1683—1684, соответственно.

[2] Подробнее о политике центральных и местных сунских властей в отношении «непристойных жертвоприношений» см., например: *Ян Цзянь-хун*. Люэлунь Сундай иньсы чжэнцэ; *Пи Цин-шэн*. Сундай миньчжун цышэнь синьян яньцзю. С. 295—313; *Лю Ли-мин*. Сундай миньцзянь ушу яньцзю. С. 280—304.

[3] Первый храм Утуна был сооружен в конце северосунского правления на территории совр. пров. Цзянси, в нем поклонялись пяти духам, которым в 1123 г. двор даровал титул *хоу* — Тункуан-хоу 通貺侯, Тунъю-хоу 通佑侯, Тунцзэ-хоу 通澤侯, Тунхуэй-хоу 通惠侯 и Тунцзи-хоу 通濟侯, вместе называемым Утун. Со временем культ этот стал простонародным, сильно трансформировался, и Утун перестал восприниматься в пяти лицах. Подробнее см.: *Пи Цин-шэн*. Сундай миньчжун цышэнь синьян яньцзю. С. 225—236.

ям сычуаньского филолога Пэн Пэна 彭鵬, в «И цзянь чжи» нашли отражение как отрицательная, так и положительная его ипостаси [1].

> К югу от Великой реки земли гористые, там в обычае верить в бесов, их чудеса в высшей степени удивительны и странны. Им во множестве строят храмы в чащах деревьев у горных обрывов — у каждого поселения есть такой. В двух Чжэ, к востоку от Реки, бесов этих называют «Утун», а к западу от Реки и в Минь называют их «Третий господин под деревьями», тех же, что на одной ноге, называют «Одноногий Утун». И хотя имена их разные, по сути — это один и тот же дух [2].

В первой своей ипостаси Утун предстает злым духом (вроде беса), способным в том числе обращаться в человека или являться людям в виде животного; бывает Утун и одноногим. Такой Утун фигурирует во фрагменте «Куй цзи ду цзяо гуй» (會稽獨腳鬼 «Одноногий бес из Гуйцзи»). Его встречает старая служанка, после того как с кухни при присутственном месте начинают регулярно пропадать еда и питье. Она «столкнулась со странным существом, прыгавшим на одной ноге, подробно рассмотреть, как оно выглядит, не успела и в ужасе выскочила

---

[1] *Пэн Пэн*. Сундайдэ утуншэнь синьян. С. 186.

[2] *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 2. С. 695. Два Чжэ. — В сунское время территория совр. пров. Чжэцзян была разделена на две административные единицы провинциального уровня: Дунчжэ, восточную и Сичжэ, западную. Минь — то есть нынешняя пров. Фуцзянь.

прочь». Потом местный ученый, хорошо разбиравшийся в нечисти объяснил, что это был одноногий Утун, что сродни горным духам *шаньсяо*. Вреда он никакого не причинил, и духа оставили в покое [1]. А вот для некоего У Ши-лана 吳十郎 встреча с Утуном обернулась иначе. У Ши-лан сначала зарабатывал на жизнь плетением сандалий, потом стал торговать маслом, а буквально через несколько лет его достояние выросло столь сильно, что все только диву дались и стали подозревать: У Ши-лан не иначе как разбойник и живет грабежом. Доложили о подозрениях властям, те допросили У. Выяснилось, что однажды к нему во сне пришел одноногий дух и сказал, что раньше здесь стоял его храм; если У Ши-лан будет усердно ему, духу, служить, то у него будет все, что У пожелает. У действительно нашел у своего дома развалины древней кумирни — кумирни Утуна. У привел ее в порядок, отремонтировал, после чего на него посыпались щедрые милости, серебро и золото. Но и служить Утуну пришлось истово: на все праздники, а также в новолуние полагалось устраивать пышную церемонию — приносить в жертву двух баранов, двух свиней, двух собак. Ночью все члены семьи У Ши-лана, от мала до велика и не взирая на различие полов, в полной темноте садились перед кумирней голышом и долгое время так сидели; в такие ночи не запирались двери — чтобы

---

[1] См.: *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 2. С. 890. *Шаньсяо* — к сунскому времени: широкий круг горной нечисти, что любит досаждать людям.

дух мог беспрепятственно войти, а если какая из женщин после того оказывалась непраздна, то рождалось у нее исключительно *гуйтай* (鬼胎 «дьявольское отродье»). Позднее старший сын У, женившись на дочери чиновника, единственный не пожелал более принимать участие в развратной церемонии — и вскоре заболел и умер, вслед за тем истощилось состояние У, но вместе с тем исчезли и все его беды [1]. Мы видим, как Утун за внимание к его кумирне благодарит безмерными богатствами, но одновременно требует кровавых жертв и банального разврата, а в случае отказа свирепо наказывает. В таких рассказах Утун выглядит как дух-тиран и самодур.

Во второй своей ипостаси Утун в основном преподает людям полезные уроки или же излечивает их от опасных болезней. Так было с владельцем винной лавки Шэнем Первым 沈一, который, не успев к вечеру вернуться домой, ночью был вынужден обслуживать пятерых знатных господ, прибывших в окружении красавиц. Шэнь понял, что перед ним Утун в пяти лицах, и, будучи человеком хитрым и скаредным, стал просить божество даровать ему, убогому, толику богатства, на что Утуны согласились и послали за искомым богатством человека, который вскоре принес для Шэня мешок с серебряной утварью. Однако утром, когда Шэнь добрался до дома, жена сообщила, что ночью слышала какие-то странные звуки из сундуков с добром — оказалось, что серебряная утварь, дарованная Утуном, была

---

[1] См.: *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 3. С. 1238—1239.

украдена из этих самых сундуков! Так Утун, зная алчность Шэня, проучил его, подарив тому его же собственное серебро [1].

Нельзя сказать, что в этом случае Утун выглядит вполне положительным, это злой дух по определению. Однако, когда он выступает в роли целителя, дарующего страждущему необходимое ему снадобье, как, к примеру, во фрагменте «Чжоу юань чжоу шэнь яо» (周沅州神藥 «Волшебное снадобье для Юаньчжоуского Чжоу»), он определенно герой не отрицательный [2]. В любом случае представленный в таких фрагментах материал — находка для исследователя простонародных китайских верований сунского и более позднего времени [3]. Равно как и сведения о сунских представлениях о духе-покровителе горда *чэнхуане*, фигурирующем более чем в тридцати фрагментах, а также известия о разных других народных поверьях этого времени [4].

---

[1] См.: *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 4. С. 1613.

[2] Там же. Т. 3. С. 1378—1379.

[3] Подробнее об Утуне в «И цзянь чжи» см.: *Пэн Пэн*. Сундайдэ утуншэнь синьян; *Хуан Дун-ян*. Лии суаньцзисядэ чунфэн; об Утуне у Хун Мая и Утуне у Пу Сун-лина (蒲松齡 1640—1715) см.: *Лян Ин-чжи*, *Юэ Ин-цяо*. Иньцы юй фанькан.

[4] Подробнее о чэнхуане у Хун Мая см.: *Се Лин-юй*. Цун «И цзянь чжи» кань Сундай чэнхуан синьян. Из другого — см., например, о сунских верованиях, связанных со змеями: *Чжан Чунь-фан*. Фу си хо си: цун «И цзянь чжи» кань Сундай шэ синьяндэ шуанчунсин.

В ряде фрагментов мы находим своеобразные разоблачения странных и даже, казалось бы, сверхъестественных происшествий. Например, в «Цай чжоу жан цзай» (蔡州禳災 «Как предотвратили бедствие в Цайчжоу») запечатлен забавный эпизод, когда восемь студентов, возвращаясь ночью в училище, попали под дождь и, чтобы защититься от него, одолжили в трактире старое одеяло, прикрепили к углам палки, растянули над собой и так продолжили путь. Их увидел дозорный — точнее, в темноте дозорный разглядел нечто темное, широкое и плоское, двигавшееся довольно быстро; разумеется, он принял студентов под одеялом за неведомую нечисть и на утро доложил о напасти властям:

> — Вчера после второй стражи, когда как раз хлынул ливень, я шел дозором там-то, как вдруг с севера появилось странное существо: сверху четырехугольное как циновка и плоское, смутно-неразличимое, внизу же — ноги у него, бежит как человек, а ног тех двадцать или тридцать. Приблизилось к стене училища — и пропало!

Власти, дабы отвратить возможное бедствие, тут же заказали во всех окрестных даосских храмах трехдневный молебен против зла [1].

---

[1] *Хун Май*. И цзянь чжи. Т. 2. С. 480—481. Вторая стража — с девяти до одиннадцати часов вечера. Ночное время в старом Китае традиционно разбивалось на пять равных промежутков, которые хотя и колебались в зависимости от времени года, однако в среднем составляли около двух часов каждый. Стражи отбивали в колоко-

***

Помимо разнообразных сверхъестественных существ и удивительных происшествий коллекция Хун Мая в силу специфики своего появления (записи рассказов) донесла до нас множество сведений о самых разных аспектах жизни сунского общества, которые не имеют прямого отношения к волшебному. Конечно, подобные сведения выступают фоном по отношению к главным, т. е. удивительным темам рассказов, но объем «И цзянь чжи» таков, что в общем и целом их достаточно для отдельного исследования сунских народных представлений о стихийных бедствиях (бурях, наводнениях и т. п.), причинах эпидемий и способах борьбы с ними, для изучения наемного труда в сунских деревнях, торговли сельской продукцией и сельских постоялых дворов, молодежных правонарушений, сунской морской торговли, разбойников и противодействии им, случаев мошенничества и т. п. [1] Ряд фрагментов содержит

ла или барабаны; дневное время на стражи не делилось и никак обычно не возвещалось, за исключением полудня, да и то лишь в столичных городах.

[1] Отдельные исследования по обозначенным темам см., соответственно: *Чжан Цзин*, *Чэнь Чун*. «И цзянь чжи» чжундэ цисян цзайи гуань; *Цзя Хун-юань*. Синьян юй кунцзяньдэ худун; *Лю Шу-ю*. Цун «И цзянь чжи» кань Сундай нунцуньдэ гуюн лаодун; *Лю Шу-ю*. Цун «И цзянь чжи» кань Сундай нунминь цзянье гуншанъе ходун; *Чжоу Лин-чжэнь*. Цун «И цзянь чжи» кань Сундайдэ нунцунь люйдянь; *Гай Вэй*. Цун «И цзянь чжи»

ценные исторические сведения, а также нигде больше не зафиксированные подробности из жизни различных известных людей сунского времени.

Некоторые аспекты сяошо, присутствующие в «И цзянь чжи», заслуживают определения «одна из самых ранних фиксаций» — к примеру, это так называемые *гунъань сяошо* 公案小說, то есть судебные дела. Обычно считается, что термин «гунъань» в качестве разновидности сяошо впервые был упомянут в датированном 1235 г. сборнике «Ду чэн цзи шэн» (都城紀勝 «Записи о процветании столицы») автора, скрывшегося под псевдонимом Найдэ-вэн 耐得翁. Однако в «И цзянь чжи» есть два фрагмента, в заглавиях которых присутствует слово «гунъань»: «Хэ цунь гун ань» (何村公案 «Судебное дело в селе Хэцунь»), «Ай да чжун гун ань» (艾大中公案 «Судебное дело Ай Да-чжуна»). Еще как минимум шесть фрагментов, где этот термин в заголовках отсутствует, по своему содержанию относятся к гунъань сяошо: «Би лин нюй» (畢令女 «Дочь начальника уезда Би»), «Синь чжоу ин цзу чжэн чао» (信州營卒鄭超 «Солдат Чжэн Чао из синьчжоуского гарнизона») и др. [1] Наличие таких фрагмен-

кань Сундай шаонянь фаньцзуй; *Ли Мэн-юань*, *Чэнь Сыжуй*. Цун «И цзянь чжи» кань Сундай хай-шан ходун; *Ли Цзянь-го*, *Чжао Ай-хуа*. «И цзянь чжи» юй Сундай «даоцзэй»; *У Чжи-хао*. «И цзянь чжи» соцзяньчжи Сундай пяньшу.

[1] Подробнее см.: *Янь Юй-мэй*, *Цю Чан-юань*. Цзяньлунь Хун Май «И цзянь чжи» чжундэ гунъань сяошо.

тов лишний раз подчеркивает разнообразие собрания Хун Мая.

Тем не менее «И цзянь чжи» в первую очередь остается своеобразной сунской энциклопедией удивительного. Если антологию «Тай пин гуан цзи» можно и нужно рассматривать как официальное подведение итогов в области достижений прозы сяошо к началу правления династии Сун, то коллекция Хун Мая вполне достойна разделить с нею славу: это пусть тематически не организованное, но зато весьма объемное частное подведение аналогичных итогов в области удивительного — с начала Северной Сун по середину правления Сун Южной, оказавшее существенное влияние на литературу последующего времени — и не только китайскую [1]. Поль-

---

[1] О судьбе коллекции Хун Мая в старой Японии см.: *Чжоу И-лян*. «И цзянь чжи» цзай гудай Жибэньдэ чуаньбо юй цзешоу; в Корее: *Мин Квандон*. «И цзянь чжи» дэ Ханьго чуаньжу хэ инсянчжи яньцзю. Что касается литературы китайской, то здесь влияние «И цзянь чжи» чрезвычайно велико — начиная от прямых продолжений вроде «Сюй и цзянь чжи» (續夷堅志 «Продолжение записей И-цзяня») цзиньского Юань Хао-вэня (元好聞 1190—1258) и анонимного юаньского сборника «Ху хай синь вэнь и цзянь сюй чжи» (湖海新聞夷堅續志 «Продолженные записи И-цзяня о новом, что услышал меж озер и морей») и заканчивая многочисленными повестями-хуабэнь, построенными на материалах «И цзянь чжи», юаньскими и минскими драматургическими произведениями, а также классическими романами и, наконец, Пу Сун-лином, который пользовался «И цзянь чжи» как сокровищницей сюжетов. Следует также иметь в виду, что многие авто-

зуясь большим авторитетом, Хун Май сплотил вокруг себя несколько сотен человек, которые весьма интересовались удивительным, людей как из высших слоев общества, так и из простонародья, и с их помощью за долгие годы работы создал настоящую сокровищницу сунской прозы сяошо, интерес к которой не ослабевает и в наши дни, а изучение — весьма далеко от завершения.

Объем данной книги не позволяет мне затронуть здесь множество важных (применительно к «И цзянь чжи») тем, этот памятник сам по себе достоин отдельного обширного исследования, но, кажется, сказанное выше дает отчетливое представление как о масштабности собрания Хун Мая, так и об основном его содержании.

В следующей части книги читатель сможет познакомиться с переводами некоторых рассказов из «Записей И-цзяня», по моему мнению, в достаточной мере характеризующих всю широту содержа-

---

ры последующих времен щедро включали в свои собрания прозы извлеченные из «И цзянь чжи» фрагменты, что попадали в сферу их интересов. Подробнее обо всем этом см.: *Ли Цзянь-го*. Сундай чжигуай чуаньци сюйлу. С. 354—358. О том, какое влияние «И цзянь чжи» оказали на роман «Цзинь пин мэй» (金瓶梅 «Цветы сливы в золотой чаше»), отдельно см.: *Ван Цзинь*. Шилунь «И цзянь чжи» дуй «Сюй цзинь пин мэй» дэ инсян. О влиянии на образ Сунь У-куна 孫悟空 в романе «Си ю цзи» (西遊記 «Путешествие на запад») У Чэн-эня (吳承恩 1500—1582) см.: *Сян Юй-жун*. «И цзянь чжи» юй сяошо «Си ю цзи».

ния данного сборника и снабженных самыми минимальными комментариями для более легкого восприятия этих текстов.

И. А. Алимов
Санкт-Петербург—Пекин
2018 год

宋 鄱陽 洪邁 著

張相公夫人

錢履道字嘉貞京兆咸陽人北朝皇統中遊學商虢過鄠縣貪程不止獨一僕相隨天曛黑不復辨路信馬行到一大宅叩門將託宿遇小妾從內出驚語之曰此地近山多狼虎豈宜夜涉錢曰適不意迷途敢求棲寓一席之地但不知為何大官第宅妾曰是河中府尹張相公之居相公薨後惟夫人在須稟命乃

ЗАПИСИ И-ЦЗЯНЯ

Ли Сяо-и

В области Жаочжоу, на задах даосского скита Тяньцингуань, жил простолюдин по имени Ли Сяо-и. Он мастерил искусственные цветы и тем кормился. В семнадцатый день третьей луны третьего года под девизом правления Цин-юань (1197) Ли заболел и умер. На следующий вечер его похоронили.

На двадцать третий день той же луны знахарь по имени Сюй Цянь гадал на рынке. Потом отправился домой. Свернул в переулок Туцзиньсян, не сделал и десяти шагов, как его кто-то окликнул. Сюй смотрит — а это Ли! Торопливо бежит мимо — босиком, кланяется на ходу. Раньше Ли и Сюй были в прекрасных отношениях, но теперь Сюй, зная, что Ли умер и бродит, как говорится, впотьмах по загробным дорогам, спросил испуганно:

— Старший брат, ведь ты ушел из этого мира! Как же ты здесь оказался? И почему так спешишь?

— Хоть я теперь и не вхожу в число живых, — отвечал Ли, — но здесь у меня осталось одно дело, которое срочно надобно уладить. Вот я и выбежал в чем был, даже туфли не успел надеть.

Сюй спросил, в чем состоит его дело, и Ли торопливо проговорил:

— Беда! Моя вторая дочь серьезно захворала, срочно нужна помощь! Промедление смерти подобно!

Сказал и исчез.

Дня через четыре Сюй специально зашел в дом Ли и спросил его старшую дочь:

— Твой отец умер, однако совсем недавно я столкнулся с ним на улице. Он сказал, что у вас в доме больная. Правда ли это?

— Да, заболела моя младшая сестра, — отвечала девушка. — На двадцать второй день этой луны болезнь достигла пика, как вдруг перед ее кроватью возник отец! «Ты, доченька, не горюй! — стал он успокаивать больную. — Я от лекаря принесу тебе снадобье, примешь его и поправишься». До того сестра долгое время лежала в забытьи, не приходила в сознание, этой ночью очнулась, и сейчас болезнь совсем прошла, только вот на улицу она еще опасается выходить.

Все совпало с тем, что сказал Сюю сам Ли.

В доме Ли стали горько рыдать — хоть у темного и светлого миров разные пути, но сколь сильна бывает привязанность к детям!

Сунь Цзю-дин [1]

Сунь Цзю-дин, второе имя Го-чжэнь, был родом из Синьчжоу. В год под циклическими знаками *гуй-сы* девиза правления Чжэн-хэ (1113) он поступил в столичное училище Тайсюэ.

В день праздника двойной семерки Сунь отправился навестить своего земляка Дуань Цзюнь-и в переулок Чжучжасян. Выйдя на северный берег реки Бяньхэ, Сунь двинулся было вперед, как вдруг появился человек в расшитом золотом пурпурном платье и за ним — пышная свита на роскошных конях. Человек окликнул Суня, соскочил с коня, сказал:

— Го-чжэнь! Давно не виделись! Все ли у тебя в порядке?

Сунь вгляделся — а это Чжан Шэнь, муж его младшей сестры! Указав на винную лавку в конце улицы, Чжан предложил:

— Не пригласите ли меня туда? Посидим немного, никуда не торопясь.

— Вы-то, сударь мой, богатый человек, — возразил Сунь. — Что ж заставляете меня, нищего, выкладывать эдакие деньжищи за выпивку?

— Мои деньги здесь не сгодятся, — ответил Чжан.

---

[1] Сунь Цзю-дин (孫九鼎, второе имя Го-чжэнь 國鎮 1080—1165) — реальный исторический персонаж, чиновник и поэт.

Зашли в лавку, уселись и стали самым непринужденным образом выпивать, как вдруг Суня осенило, что Чжан-то давно умер!

— Вы, сударь мой, уже покинули этот мир, — робко обратился он к Чжану. — Что же тут делаете? И не будет ли мне вреда от встречи с вами?

— Нет, что вы! — заверил его Чжан. — У вас очень счастливая судьба.

Рассказал о том, как Сунь провожал гроб с его телом на родину, — все в точности, как и было.

— В середине прошлой осени, — продолжал Чжан, — я проезжал мимо родного дома, зашел и велел вашей сестре и прочим выпить со мной вина, как в былые времена, но они даже не взглянули на меня, и я в полнейшем негодовании толкнул чайник с вином, так что он вашу сестру ударил, и эта девчонка выбежала вон!

Потом Сунь спросил:

— А где вы сейчас обитаете?

— Назначен делопроизводителем столичного управления по вопросам служебной карьеры [1].

Сунь обрадовался и стал расспрашивать о том, что его ждет.

---

[1] Следует иметь в виду, что в традиционном китайском миросозерцании загробный мир мыслился организованным по образу и подобию мира людей, с присущей последнему чиновничьей иерархией и бюрократической структурой, должности в которой исполняли, конечно же, души умерших чиновников.

— Еще неизвестно, — отвечал Чжан. — Это определяется раз в десять лет, и я не видел пока списков имен. Однако прослужите вы больше тридцати лет, и должности у вас будут далеко не самые маленькие.

Сунь спросил:

— При жизни вы так любили вино и красавиц — месяца не проходило, чтобы вы не изменили супруге. Как вам удавалось завлекать женщин?

— О, это искусство! Нужно просто проникнуть в сердце красавицы, а когда она откроет самые тайные уголки души, никаких преград не останется.

Не успел Чжан договорить, как вошел человек из его свиты и доложил:

— Все готово!

Чжан поднялся, и они с Сунем вышли на улицу. Чжан указал на свою свиту:

— Они все — такие же, как и я. Но люди распознать этого не умеют.

Дошли до ворот Личуньмэнь, и тут Чжан стал прощаться.

— Теперь, сударь, возвращайтесь, — сказал он, — и ни в коем случае не оглядывайтесь. Лишь обернетесь — смерть! Сегодня вы и так подверглись слишком сильному влиянию темного начала, так что завтра вас сразит хворь. Не принимайте никаких лекарств, за исключением укрепляющего желудок снадобья, — этого будет довольно.

Они расстались. Сунь наконец проникся ужасом, однако нашел силы добраться до Чжучжасяна

и повидаться с Дуанем. Дуань, увидев, что на Суне лица нет, стал отпаивать его вином. Лишь к вечеру Сунь вернулся в Тайсюэ.

На следующий день его пробрал страшный понос. Сунь бегал на двор — больше тридцати раз! Полегчало, только когда он выпил укрепляющее желудок снадобье.

Потом Суню долгое время не везло и ничего у него не получалось. Когда же прошло более десяти лет со дня воцарения Цзинь, он наконец выдержал экзамены в числе тройки сильнейших и занял пост помощника начальника дворцовой библиотеки.

Сунь и мой батюшка некогда были однокашниками, Сунь приезжал на север, мы несколько раз виделись, и он сам рассказал мне эту историю.

МОЛОДОЙ ЮАНЬВАЙ У [1]

Чжао Ин-чжи происходил из столичного императорского рода. Вместе со своим младшим братом Мао-чжи он жил в столичном городе, проводя

---

[1] Юаньвай — сокр. от юаньвайлана. В сунское время — первоначально внештатный сотрудник какого-либо ведомства, с жалованьем, но без определенных должностных обязанностей. Часто эта должность давалась молодым отпрыскам богатых родов или просто покупалась для них.

дни напролет в компании с молодым юаньваем из богатой семьи У в праздных прогулках.

Однажды весной они отправились на озеро Цзиньминчи, свернули на узенькую тропку и вышли к винной лавке: там в непроходимых зарослях цветов и бамбука рядами выстроились чаши и посуда, царили прелестная непринужденность и уединенное безмолвие.

За хозяйку была девушка — красоты несравненной. Братья Чжао и юаньвай У сели, спросили вина, и Ин-чжи, указав на девушку, предложил:

— А давайте и ее позовем выпить!

У страшно обрадовался, стал завлекать девушку словами, она с охотой согласилась, подошла и присела рядом. Только подняли чаши, как девушка увидела в окно возвращающихся родителей и поспешно вскочила. Удовольствие было вовсе испорчено, братья Чжао и молодой У оставили вино и пошли прочь. Вскоре весну сменило лето, больше они гулять не ходили, но юаньвай У неотступно думал о той девушке и часто видел ее во сне.

На другой год, решив навестить места былых прогулок, приятели вновь пришли к винной лавке, и там по-прежнему царил уединенный покой, только девушки нигде не было видно. Немного отдохнув и выпив вина, приятели обратились к прислуживавшей им хозяйке с вопросом:

— В прошлом году мы были здесь и встретили девушку, где она теперь?

Старуха-хозяйка отвечала, скорбно нахмурив брови:

— Это была моя дочь. Мы отправились на могилы предков и оставили ее одну. В наше отсутствие явились три молодых бездельника и соблазнили ее выпить вина. Я стала корить дочь: если незамужняя девушка будет позволять себе такие вещи, как потом найдет себе достойную пару? Вот после того дочь и затосковала. Не прошло и нескольких дней, как она умерла. Холмик рядом с моим домом — это ее могила.

Приятели не посмели продолжить расспросы, поспешно допили вино и повернули обратно, горько вздыхая и печалясь.

День клонился к закату. Подъезжая к городским воротам, они встретили женщину. Та шла, опустив голову, нетвердой походкой. Вдруг окликнула приятелей:

— Я та, кого в прошлом году вы повстречали на озере!.. Господин юаньвай, вы ведь приходили к нам домой, чтобы проведать меня, правда? Мои родители, желая, чтобы вы, мой господин, потеряли всякую надежду, наговорили вам, что я, де, умерла, даже пустую могилу показали! Я ведь тоже по весне отправилась искать вас, господин, и какое счастье, что мы встретились!.. Теперь я перебралась в город, живу в одном переулке неподалеку, у меня просторный дом. Не желаете ли зайти?

Приятели обрадовались, спешились и пошли за нею.

Добрались до места, выпили вместе вина, а потом юаньвай У остался у девушки ночевать.

Так продолжалось около трех месяцев. Юаньвай заметно спал с лица. Отец его стал бранить братьев Чжао:

— Куда это вы искушаете ходить моего сына? Он вон как занедужил, подняться даже не может! Придется пожаловаться на вас властям!

Братья Чжао от испуга покрылись холодным потом, начали что-то подозревать...

Прослышали они, что наставник Хуанфу в совершенстве владеет искусством усмирять нечисть, нанесли ему визит и пригласили осмотреть У. Лишь взглянув на болящего, Хуанфу в ужасе вскричал:

— Силен бесовский дух! Очень, очень силен! Скорее нужно везти больного на запад, за триста ли отсюда. Если промедлить, то через двадцать дней он непременно умрет. Спасти будет нельзя!

Братья Чжао и юаньвай У тут же велели запрягать лошадей и поехали в сторону Лояна. И каждый раз, когда наступало время остановиться поесть, дева всенепременно была с ними в комнате, а ночью — на лежанке юаньвая!

Назначенные двадцать дней истекли, когда приятели лишь немного не доехали до Лояна. Решив попрощаться, зашли в винную лавку, стали грустить и скорбеть. Глядь — мимо верхом на ослике едет Хуанфу! Братья Чжао стали кланяться ему, молить о сочувствии, тогда Хуанфу соорудил алтарь, сотворил заклинания, вручил юаньваю меч и сказал:

— Близка ваша смерть! Нынче, как войдете к себе, постарайтесь покрепче запереть двери. Когда спустятся сумерки, придет некто — ни о чем не спрашивайте, сразу рубите мечом! Коли повезет, зарубите злого духа и тогда вам удастся выжить. А если выйдет ошибка и зарубите человека, заплатите жизнью за жизнь. Так и так вас ждет смерть, но есть шанс сладить с делом.

Сделали, как было велено.

Настала ночь, и кто-то действительно постучал в дверь. Юаньвай тут же ударил мечом, и пришелец упал наземь. У велел принести свечу, поглядели — а это дева, и кровь льется, течет потоком! Дали знать уличному смотрителю, и У, обоих Чжао, а также Хуанфу схватили и бросили в узилище.

Следствие оказалось в затруднении.

Тогда из управы послали чиновников провести дознание в доме убитой, и родители ее доложили, что их дочь умерла. Раскопали могилу, чтобы освидетельствовать труп, но там нашлась только одежда — лежала как пустой кокон, а самого тела не было.

Всех оправдали.

Рассказал Цзян Сюй-чжи.

Странная женщина из столицы

В годы правления под девизом Сюань-хэ (1119—1125) один столичный ученый в вечер первого полнолуния года отправился гулять [1]. Дошел до терема Мэймэйлоу, а там — такая толпа гуляющих, шагу не ступишь! Тогда он свернул в сторону и увидел вдруг красивую женщину, стоявшую с растерянным видом — будто у нее что-то пропало. Ученый обратился к ней, и женщина сказала:

— Вместе с подругами я пошла любоваться фонарями, но тут людей толчется столько, что я потеряла своих товарок и не знаю теперь, куда идти...

Ученый стал обольщать ее речами, и женщина обрадовалась:

— Я уже столько здесь стою, скоро точно кто-нибудь уведет меня силой и продаст, так лучше уж я пойду с вами!

Ученый возликовал, схватил ее за руку, повел к себе.

Прошло полгода, он полюбил ее чрезвычайно глубоко. А женщины так никто и не хватился.

Однажды ученый позвал на вино своего лучшего друга и велел женщине прислуживать им за столом. Все прошло прекрасно.

Через несколько дней тот человек пришел к ученому снова.

---

[1] Вечер первого полнолуния года — то есть время праздника фонарей.

— Эта вот женщина, которую я видел, — сказал он, — откуда она у тебя?

— Я ее за золото купил, — солгал ученый.

— Ну нет! Ты должен сказать всю правду!.. Вечером того дня, когда мы пили вино, я заметил, что пламя свечи меняло цвет каждый раз, когда она проходила мимо. Я еще подумал, что это не человек. Надо проверить!

— Да мы вместе уже несколько месяцев! — заупрямился ученый. — Быть такого не может!

Друг не стал больше настаивать, но сказал:

— Наставник Ван Вэн-цин из храма Баочжэньгун известен искусством писать амулеты. Давай навестим его. Если это какая-то нечисть, он непременно скажет, а если нет, то ведь и вреда тоже не будет.

И они отправились.

Наставник Ван, едва увидев ученого, в страхе воскликнул:

— Очень силен нечистый дух! Почти невозможно совладать! То нечисть не из обыкновенных, с простыми злыми духами ее и не сравнить!

И, тыча пальцем в сидевших в зале посетителей, добавил:

— Скоро вы все будете давать свидетельские показания!

Присутствовавшие были очень напуганы. Ученый же, помня, что перед тем сказал ему друг, не посмел больше ничего скрывать и обо всем наставнику рассказал.

— А что эта тварь больше всего ценит? — спросил наставник.

— Привязной кошель, работы весьма искусной. Она все время носит его на поясе и никому не показывает.

Тогда наставник Ван написал красной тушью два амулета, подал ученому и сказал:

— Идите домой, подождите, пока она уснет, и тогда один амулет положите ей на голову, а второй — в кошель.

Только ученый ступил на порог, как женщина начала страшно ругаться:

— Уже сколько времени прошло с тех пор, как я вверила вам себя, а доверия вашего так и не добилась — вы даосам велите амулеты писать! Отчего вы считаете меня нечистью?!

Ученый поначалу отнекивался и изворачивался, но женщина сказала:

— Мой слуга донес, что один амулет вы хотите положить мне на голову, а второй — в кошель. К чему говорить неправду?

Ученый не мог больше спорить.

Он потихоньку сходил к слуге, но тот ничего знать не знал, и ученый лишь укрепился в своих подозрениях.

Настал вечер, он стал ждать, когда женщина уснет, но она при свете лампы шила одежду и до рассвета не сомкнула глаз.

Не зная, что теперь делать, ученый снова пошел к наставнику Вану.

— Она не выдержит более одной ночи, — сказал ему Ван с улыбкой. — Нынче вечером непременно заснет. Делайте, как я велел.

Ночью она действительно заснула, а ученый положил амулеты туда, куда было велено.

Наутро женщина пропала, и ученый счел, что она уж больше не вернется.

Вдруг через два дня из кайфэнского управления прислали тюремного смотрителя — схватить наставника Вана и бросить в узилище.

— В таком-то доме жена хозяина три года лежала больная. И вот, когда болезнь обострилась, она вдруг громко выкрикнула: «Наставник Ван из храма Баочжэньгун убил меня!» И с теми словами умерла. Домашние стали ее обмывать и увидели в волосах и в поясном кошеле по амулету. Составили бумагу в управление, говоря, что вы, наставник, дьявольским образом погубили их дочь! — объяснил чиновник.

Ван подробно изложил, как все было, позвал ученого, а также бывших у него в тот самый день посетителей. Показания их всех в точности совпали, и Вана освободили от наказания.

Наставник Ван был родом из Цзяньчана.

Рассказал Линь Лян-гун.

Линь учился вместе с приятелем ученого.

Игла Пан Ань-чана [1]

Дед Чжу Синь-чжуна жил в Тунчэне и лично наблюдал там некую беременную женщину, которой подошло время рожать, но за семь дней ребенок так и не появился на свет — ни лекарственные снадобья, ни вода с порошком сожженного талисмана не помогали, так что все уже просто стали ждать ее смерти [2].

А в поместье как раз гостил известный лекарь Ли Цзи-дао, и дед Чжу попросил его осмотреть женщину.

— Все ваши лекарства бесполезны, — заключил Ли. — Тут только иглоукалывание поможет, но я этим искусством не владею и не решусь его применить.

С теми словами он отправился восвояси.

---

[1] Пан Ань-чан — известный сунский целитель Пан Ань-ши (龐安時 1042—1099), второе имя которого было Ань-чан 安常.

[2] Чжу Синь-чжун — сунский сановник, поэт и литератор Чжу И (朱翌 1097—1167), второе имя которого было Синь-чжун 新仲. Вода с порошком — традиционный метод даосского лечения, когда написанный против определенной хвори бумажный амулет с заклинанием сжигался, пепел размешивался в воде, и тот, кто недужил, должен был эту воду выпить; предполагалось, что после этого болезнь отступит.

Мимо ворот Чжу как раз проходил Пан Ань-чан, наставник Цзи-дао, и тот привел Пана к Чжу. Дед Чжу рассказал ему, как обстоит дело.

— Ее домашние не смеют беспокоить вас, наставник, но ведь жизнь человеческая всего ценнее, не проявите ли сострадание, не попробуете ли ее спасти?

Ань-чан согласился, и все вместе они пошли к болящей.

Едва глянув на беременную, Пан Ань-чан воскликнул:

— Она не умрет!

Велел домашним омыть горячей водой ее талию и живот, стал руками гладить-массировать... Беременная почувствовала легкую боль в утробе, застонала и родила мальчика. Мать и сын были в полном порядке.

Родные в полном восторге принялись кланяться Ань-чану, благодарить, вознося ему почести словно божеству. Все недоумевали, в чем же было дело.

— Мальчик уже стал выходить из последа, — объяснил Ань-чан. — Но ручка его зацепилась за кишечник матери, так что продвинуться дальше он не мог, потому-то никакие лекарства и не помогали. Мне оставалось лишь на ощупь определить, где ручка младенца, поставить иглу между большим и указательным пальцем, отчего младенец почувствовал боль и убрал ручку, а после этого и родился. Вот, собственно, и все!

Велел взять младенца и осмотреть: на правой ручке между большим и указательным пальцем у того и правда был виден след от иглы.

Вот каково было его мастерство!

Рассказал Синь-чжун.

Древний кувшин из Ияна

Некто Чжан Юй-цин, дальний родственник господина Ци-сяня, посмертное имя которого было Вэнь-дин, жил в городке Сяошуйчжэнь, что в уезде Иянсянь, близ западной столицы [1].

Однажды Чжан выкопал из земли древний кувшин — цвета совершенно черного. Кувшин Чжану весьма глянулся, и он определил находку в свой кабинет, решив использовать как вазу для цветов.

Случилась ужасно холодная зима. Однажды вечером Чжан забыл вылить из кувшина воду и думал, что за ночь вода в нем замерзла. Однако утром, осмотрев все сосуды с водой, обнаружил, что везде вода превратилась в лед, и лишь в кувшине — нет. Удивившись, Чжан на пробу налил в кувшин кипятку — до самого вечера так и не остыл!

Когда Чжану случалось принимать гостя, он ставил кувшин на сундук и приготавливал в нем чай — и чай всегда был такой, словно его только-

---

[1] Господин Ци-сянь — сунский сановник и литератор Чжан Ци-сянь (張齊賢 943—1014), посмертное имя Вэнь-дин 文定.

только заварили. Чжан тогда понял, что есть в кувшине некий секрет.

Однажды Чжан, напившись пьян, уронил кувшин наземь и к великой досаде разбил вдребезги. Осмотрел осколки изнутри — обычная глина. Только вот что: у кувшина оказалось два дна и между ними пустота в пару, наверное, цуней, а еще было изображение беса, что держал полыхавший огонь, вырезанное с необычайной тщательностью [1]. Никто понятия не имел, какого времени эта вещь.

Певичка из Юнкана

В Юнкане одна певичка отправилась в кумирню Линсянь-вана [2]. За воротами кумирни она увидела статую конника, стройного и рослого, обликом чрезвычайно мужественного, в застывших в движении роскошных одеждах — певичка не могла оторвать от него восхищенного взора, так он ей полюбился, что ноги не несли ее дальше. Близился вечер, домашние силой увели ее восвояси... Певичка будто что-то потеряла, в полной печали улетела в мыслях далеко-далеко.

Через день к ним пришел человек, стал проситься на ночлег. Он был очень похож на воина, что

---

[1] Цунь — традиционная мера длины, немногим более 3 см.

[2] Линсянь-ван 靈顯王 — то есть Эр-лан, подробнее см. далее рассказ «Кумирня Эр-лана».

украл сердце певички. Не скрывая радостных чувств, певичка сама предложила гостю скоротать вечер вдвоем. С рассветом он ушел, но лишь спустились желтые сумерки, вернулся. Он провел с певичкой несколько ночей подряд, но однажды вдруг зарыдал и признался:

— На самом деле я не человек, а тот самый воин из храмовой галереи! Ты разбудила мои чувства, и я, нарушив установленные запреты, сблизился с тобой. Я перестал стоять в ночном карауле, совершил проступок, обманывая начальника, и завтра меня накажут батогами и сошлют... Утром поведут мимо твоих ворот. Яви милость, купи побольше бумажных денег и поднеси мне!

Певичка со слезами обещала.

На другой день он с железной кангой на шее — все тело в крови, на лице выколото «сослан туда-то» — в сопровождении двух солдат пришел к певичке проститься. Она сожгла бумажные деньги и, рыдая, попрощалась с ним [1]. Позднее певичка навестила храм — а та статуя лежит на земле!

---

[1] Бумажные деньги. — Одним из важных способов взаимодействия с загробным миром и его обитателями, согласно традиционным китайским представлениям, было обставленное специальными ритуалами сжигание различных предметов быта, изготовленных из бумаги, а также так называемых «загробных денег», а также петиций, обращенных к потусторонним властям. Считалось, что правильным образом сожженные подношения обретают в ином мире полную материальность и служат к пользе тех, кому назначены.

Ван Цюань стреляет в сороку

Когда военный губернатор Цзянькана Ван Цюань был еще никому не известен, он уже хорошо стрелял из арбалета, никогда не промахиваясь.

В начале годов под девизом правления Шаосин он под началом Хань Ши-чжуна отправился в Цзяньчжоу усмирять Фань Жу-вэя [1].

Однажды, захватив арбалет, Цюань ушел в горы. Увидел далеко на дереве сорочье гнездо и выстрелил, но попал или нет — так и не понял. Вдруг услышал человеческий голос за плечом:

— А если бы тебе стрелу в глаз влепили, каково бы было, а?

Обернулся — никого! Осознав, что происходит нечто необычайное, Цюань торопливо поднялся к дальнему дереву, смотрит — сорока со стрелой в глазу, скорчилась в гнезде, лежит мертвая. В ужасе Цюань выхватил меч и искрошил арбалет в щепки.

А вскоре, сойдясь в сражении с бунтовщиками, Цюань получил стрелу ровно под переносицу, близ уголка глаза. Глаза он лишился, не сумели сохранить, и потом долго недужил, пока наконец не пошел на поправку.

---

[1] Хань Ши-чжун (韓世忠 1090—1152) — знаменитый сунский военачальник и поэт. Фань Жу-вэй (范汝為 ?—1132) — предводитель народного восстания, вспыхнувшего в 1130 г. на территории совр. пров. Фуцзянь.

Отважная женщина

Дун Го-цин, второе имя Юань-цин, был родом из уезда Дэсинсянь, что в области Жаочжоу. На шестой год правления под девизом Сюань-хэ (1124) он стал цзиньши и был назначен письмоводителем в уезд Чжэньшуйсянь, что в области Лайчжоу [1].

А на северных границах как раз начались военные действия, и Дун, оставив семью в родных местах, поехал к месту назначения один. Когда срединные равнины пали, Дун уже не имел возможности вернуться домой. Он бросил службу и стал жить в деревне.

Особо тесно Дун сошелся с хозяином местного постоялого двора, и тот, сочувствуя нужде, в которой Дун оказался, купил для него наложницу. Неизвестно, откуда была родом эта девушка, но только обладала она острым, пытливым умом и изящной внешностью. Увидев, сколь беден Дун, наложница взяла на себя все его домашние дела как свои собственные: потратила все средства, что были в доме, купила семь-восемь ослов, обученных крутить мельничные жернова, и несколько десятков ху зерна; каж-

---

[1] Цзиньши — ученая степень в системе государственных экзаменов на право занятия вакантной чиновничьей должности.

дый раз, когда мука была готова, грузила ее на ослов, везла в город и там продавала [1]. Три года она ездила туда раз в несколько дней. В результате получили такую большую прибыль, что завели собственную усадьбу.

Дун давно уже жил в разлуке с матерью и женой, не имея от них никаких вестей. И вот он затворился дома в печали, словно утратил опору в жизни. Наложница стала расспрашивать, в чем дело, и Дун, сильно ее любивший, не стал больше таиться, а сказал так:

— Я приехал сюда служить с юга, а вся моя семья осталась в родных местах. Скитаюсь одиноким бродягой, и нет мне срока для возвращения домой... Каждый раз, когда подумаю я об этом, на сердце такая тоска, что умереть хочется!

— Отчего же вы раньше ни слова не говорили про то? — спросила наложница. — У меня есть старший брат, он охотно помогает людям советами, скоро должен быть здесь. Я попрошу его придумать, как вам быть, господин!

Дней через десять, действительно, у ворот усадьбы появился торговец — высокий, бородатый, он сидел верхом на огромном коне и следом за ним ехали десять телег.

— Вот мой старший брат, — сказала наложница и вышла навстречу с поклоном.

---

[1] Ху — традиционная мера сыпучих или жидких тел, немногим более 50 л.

Представила брата Дуну, поведала об их брачном союзе. Брат задержался за вином до ночи, и наложница начала было рассказывать ему об обстоятельствах Дуна. А в это время захватчики как раз выпустили указ: скрывающимся сунским чиновникам дозволяется повиниться, а те, кто не придет с повинной, будут казнены. Дун, чья тайна стала явной, впал в подозрение, что наложница и ее брат могут предать его, и в страхе начал раскаиваться, что открыл о себе правду, а потому прервал девушку:

— Не надо!

У торговца от возмущения даже усы встопорщились.

— Вы с моей сестрой уже несколько лет живете в тесной близости, вы с ней — как кости и мясо! И когда я, презрев запрет, хочу помочь вам, господин, вернуться на юг, вы позволяете себе какие-то подозрения! — с усмешкой сказал он. — А вдруг вы сами на полпути перемените решение и подведете меня? Вот что, отдайте-ка мне свою чиновничью грамоту в залог, а иначе с рассветом я вас свяжу и доставлю властям!

Дун испугался еще больше.

Решив, что все одно ему погибать, он достал из кошеля бумагу и передал ее торговцу. Всю ночь лил слезы, сожалея, что послушался торговца. А тот ушел и вернулся только утром, ведя в поводу еще одну лошадь.

— Поехали! — велел он.

Дун позвал наложницу отправится с ним.

— Есть причина, по которой мне нужно немного задержаться, — отказалась она, — но в будущем году мы найдем друг друга. Хочу преподнести вам вот этот латанный халат, я сшила его своими руками, берегите его со всем тщанием и без колебаний следуйте за моим братом. Когда вернетесь на родину, мой брат, возможно, достанет несколько сотен тысяч монет и захочет подарить вам, но вы не берите, а коли он станет спорить покажите ему этот халат! Некогда я для брата многое сделала, так что проводить вас, господин, на родину недостаточно, чтобы отблагодарить меня. Брат должен еще и за мной вернуться, а если вы примете его дар, то он сочтет свой долг уплаченным и за мной не поедет. Так что хорошенько берегите этот халат, ни в коем случае не потеряйте!

С удивлением выслушал Дун ее необычный наказ. Опасаясь, как бы соседи не прознали чего, он, утирая слезы, поспешно сел на лошадь.

В мгновение ока доскакали они до берега моря. Как раз собирался отчаливать какой-то корабль, и брат наложницы велел Дуну взойти на борт. Они распрощались.

Корабль поплыл на юг. У Дуна при себе почти не было дорожных припасов, и он в растерянности не знал, как быть, но люди, плывшие вместе с ним, оказались настолько добры, что всю дорогу кормили его, ни о чем не расспрашивая.

Только подошли они к южному берегу — а брат наложницы тут как тут! Пригласил Дуна в вин-

ную лавочку передохнуть с дороги и там достал двадцать лянов серебра [1]. Сказал:

— Это вам на долголетие вашей хозяйки.

Вспомнив, что говорила ему наложница при расставании, Дун решительно отказался.

— Вы вернулись на родину с пустыми руками, что же, хотите вместе с женой и детьми с голоду умереть?!

Торговец насильно всунул Дуну серебро и вышел. Дун побежал следом, догнал и показал халат.

— Знаю, знаю! — рассмеялся торговец. — Я еще не все сделал. Ну да ничего. На следующий год я привезу вам, господин, нашу красавицу!

И не оборачиваясь ушел.

Дун вернулся домой.

Мать его, жена и двое сыновей — все пребывали в добром здравии. Дун достал халат, показал домашним и велел зашить лопнувшие швы, а серебра не показал, спрятал. Служанка внимательно осмотрела халат — а в нем полным-полно тонких золотых пластинок!

Дун направился к императорскому двору, доложил о себе и удостоился назначения в Исин заместителем начальника уезда.

Прошел год и торговец действительно привез свою сестру.

Верховный императорский советник Цинь Гуй, с которым Дун некогда вместе попал к врагу на се-

---

[1] Л я н — традиционная мера веса, около 37 грамм.

вере, в память о том времени сделал его столичным чиновником. Дун стал ревизором войсковых финансов, но всего через несколько месяцев умер [1].

Цинь Гуй научил его мать, госпожу Ван, подать двору слезную жалобу, и двор милостиво пожаловал покойному повышение в чине до шестого ранга. Старшего же сына Дуна, Чжун-шэна, сделали чиновником. Это было в шестую луну десятого года под девизом правления Шао-син (1140).

Рассказал Фань Чжи-нэн [2].

Областной преподаватель Цзян

Житель Юнцзя Цзян на второй год под девизом правления Шао-син (1132) выдержал экзамены на должность и получил назначение на пост письмоводителя в уезд Цзиньюньсянь, что в области Чучжоу. Позднее был переведен на пост преподавателя в область Синьчжоу.

Между этими назначениями Цзян отправился домой — ожидать вакансии. До родных мест оставалось еще сто ли. Дорога проходила в горах. Внезапно до Цзяна сверху донеслись безутешно-скорбные

---

[1] Цинь Гуй (秦檜 1090—1155) — крупный политический деятель, дипломат и сановник.

[2] Фань Чжи-нэн — знаменитый литератор, поэт и чиновник, современник Хун Мая Фань Чэн-да (范成大 1126—1193), второе имя которого было Чжи-нэн 至能.

рыдания. Поднявшись выше, Цзян столкнулся со стариком, которого поддерживала молоденькая девушка с детской еще прической. Оба рыдали в голос. Исполнившись сочувствия, Цзян стал расспрашивать, что с ними случилось.

— Двадцать лет прослужил я в армии, прежде чем уйти на покой, — отвечал старик. — Но — о горе! — разбойники отобрали у меня верительную грамоту. Хотел было ехать хлопотать в Департамент чинов, да без пятисот тысяч монет дело никак не уладить. И вот теперь я вынужден продать эту девушку, хотя люблю ее всем сердцем. Скоро, скоро уже мы расстанемся! Вот отчего мы не можем сдержать рыданий...

— Я отдам вам все, что есть в моем кошеле, только не делайте этого! — попросил Цзян. Вынул все, что у него было, и преподнес им. Однако набралось едва тысяч на сто.

— Я так тронут вашим благородством, мой господин, — вздохнул старик, — но это не поможет.

— Ладно, — сказал тогда Цзян. — Если вы не найдете в том ничего предосудительно, то доверьте девушку моему попечению, а сами возьмите деньги и поезжайте в Линьань. А уж коли дело не сладится, приезжайте ко мне и забирайте девушку. Я же буду присматривать за ней со всем почтением, а уж сделать ее наложницей никак не осмелюсь, не тревожьтесь!

— Хорошо, — с благодарностью согласился старик.

Они договорились встретиться в конце весны будущего года, старик препоручил девушку Цзяну, они расстались в слезах.

Цзян слез с повозки, усадил на нее девушку, а сам, опираясь на посох, пошел следом.

Добрались до дома Цзяна. Оставив девушку во внешнем флигеле, он пошел поприветствовать мать и жену.

Госпожа Чжоу, супруга Цзяна, спросила:

— Я слышала, с вами приехал кто-то. Где этот человек?

Цзян ей все правдиво рассказал.

— Как хорошо вы поступили! Что дурного в том, чтобы ее поддержать? — воскликнула госпожа Чжоу и послала за девушкой.

Мать Цзяна, госпожа Кэ, полюбила девушку как родное дитя и ночью даже спала с ней в одной комнате.

В свободные часы девушка постоянно заглядывала к Цзяну, они шутили и забавлялись. Когда Цзян только увидел ее, девушка показалась ему ничем не примечательной, но теперь, когда краса ее стала расцветать с каждым днем, он не мог не заметить, сколь она обворожительна и прелестна.

Однажды вечером Цзян напился пьян и, не будучи в силах сдержаться, оставил девушку у себя и предался с ней блуду.

Старик между тем все не приезжал. Пришла пора нового назначения. Жена последовать за Цзяном отказалась:

— К чему я вам? Теперь у вас есть красотка!

Госпожа Кэ тоже попеняла сыну:

— Тебе человек поручил свое дитя, а вон как дело обернулось! Кто знает, что дальше будет... Я уже стара и собираюсь встретить смерть на родине. Не смогу с тобой поехать.

Цзян просил настойчиво, но все равно ничего не добился и конце концов поехал в Синьчжоу вдвоем с девушкой.

Они прожили там несколько месяцев

Как-то вечером Цзян позвал девушку расчесать ему волосы. Вдруг та, зажав гребень в кулачке, безутешно расплакалась. Цзян стал спрашивать, в чем дело, но девушка не отвечала.

— Беспокоишься за своего старика? Хочешь уехать отсюда? — допытывался Цзян.

— Не о себе я горюю, но о вас, господин! — отвечала девушка. — Срок жизни человеческой изменить невозможно, и ныне вам совсем немного осталось! Прошу, поскорее напишите письмо вашей супруге, господин!

— Ах ты девка! Да как ты смеешь призывать на меня беду! — в гневе закричал Цзян.

— Поспешите! — продолжала настаивать девушка. — Через четверть часа будет уже поздно! Я не смею вам лгать!

Она кликнула со двора мелкого чиновника и велела принести бумагу и кисть. Взмахивая в спешке гребнем, девушка умоляла, чтобы Цзян быстрее взялся за кисть. И злясь и смеясь, Цзян спросил:

— Ну, и что я должен написать?

— Надо так: «Я тяжко заболел и потому сегодня умираю».

Поневоле Цзян взялся за кисть, но не написал и десяти знаков, как снова спросил:

— Да, но ты-то откуда знаешь?

Девушка вдруг изменилась в лице и громко закричала на него:

— А вы, господин, помните Ин-хуа из Цзиньюньсяня?! Так это я!

Хлопнула в ладоши и пропала. А Цзян тут же рухнул на пол и умер: изо рта, носа, ушей и глаз у него потекла кровь. Чиновник, что принес бумагу и кисть, видел, как через окно из комнаты выскочила лисица — кинулась прочь, помчалась ввысь по коньку крыши. Все говорят, что если бы Цзян остался верен долгу, то избегнул такого конца.

Еще рассказывают: когда он получил свое первое назначение в Цзиньюнь, там обсуждали дело девушки по имени Ин-хуа, и Цзян сказал: «Казнить ее надо!» Через несколько дней после вступления в должность он гулял в саду, что за присутственным местом, и набрел на огромный колодец, закрытый сверху огромным камнем. Ожидая найти в колодце нечто необычайное, Цзян велел открыть колодец и тщательно осмотреть. Нашли громадного белого червя длиною в чжан с лишним, толстого как столб, что поддерживает крышу [1]. Цзян шилом проколол чер-

---

[1] Чжан — традиционная мера длины, немногим более трех метров.

вю голову, и тот исчез. И вот неожиданная смерть в Синьчжоу — не иначе как козни этого существа!

Рассказал Тан Синь-дао.

Заместитель начальника Цай

На седьмой год под девизом правления Сюань-хэ (1125) Цай Цзюй-хоу, заместитель начальника Подворного департамента, ушел со своего поста [1]. Его назначили управлять областью Цинчжоу, но Цай по болезни не смог поехать к месту службы. Он вернулся в Цзиньлин, и тут у него на спине появились нарывы. Цай велел даосам устроить молебен, пригласил своего родственника, некоего Вана, написать молитвенный текст, но буквально через несколько дней все одно умер [2].

А вскоре и Ван скоропостижно скончался, однако через три дня ожил и тут же потребовал:

— Позовите, пожалуйста, супругу господина заместителя начальника!

Когда госпожа пришла, Ван вот что рассказал:

---

[1] Цай Цзюй-хоу (蔡居厚 ?—1125) — сунский чиновник. Умер, не успев вступить в должность начальника Цинчжоу.

[2] Молитвенный текст — бумага с прошением, обращенным к соответствующей потусторонней инстанции, которую с соблюдением определенного ритуала сжигали, чтобы она дошла по назначению.

— Началось все словно во сне: какие-то люди схватили меня, я стал сопротивляться, не хотел идти с ними, тогда они силой стащили меня с ложа... Я оглянулся — а тело мое так и лежит, как будто спит. Я решил, что умер, и пошел тогда с этими людьми. Вокруг клубился мрачный и густой туман, мы, не касаясь ногами земли, промчались, наверное, с десяток ли и очутились у присутственного места. Главный чиновник спросил меня: «Зачем вы вводите Небеса в заблуждение лживыми молитвенными обращениями?» Тут-то я наконец понял, в чем дело. «Это было сделано по распоряжению заместителя начальника Цая! — доложил я. — Мне лишь, как говорится, довелось водить кистью». Гневное лицо чиновника немного прояснилось. Он велел мне отойти и встать в сторонке. Вдруг в западной стене присутствия распахнулась дверь, тюремщики втащили закованного в ручные и ножные колодки арестанта и бросили его посреди двора. Двое других вынесли на плечах бадью с кровью и стали лить тому на голову. Арестант завопил, корчась от ужасных страданий, которые невозможно вытерпеть. Я пригляделся — а это господин заместитель начальника!.. Когда главный чиновник покинул присутствие, а заместителя начальника вновь поволокли к двери, он обернулся и сказал мне: «Ты сейчас вернешься назад, так скажи моей жене, чтобы поскорее сделала что-нибудь для моего спасения. Я наказан из-за того происшествия в Юньчжоу!»

Выслушав Вана, жена Цая зарыдала:

— Да, когда заместитель начальника в прошлом году служил главнокомандующим в Юньчжоу, в плен добровольно сдались пять сотен разбойников из Ляншаньбо, но муж их все равно казнил. Я пыталась отговорить его, но он и слышать ничего не хотел, и вот результат! О, сколь печально!

Она позвала даоса Лу Ши-чжуна, чтобы тот написал на желтой бумаге молитвенное прошение о снисхождении с признанием провинности [1].

Дочь начальника уезда Би

Лу Ши-чжун, второе имя Дан-кэ, славился искусством усмирять нечисть талисманами и амулетами. Люди ученые называли его «Истинный чиновник Лу», о победах его над духами ходили легенды.

В первый год под девизом правления Цзяньянь (1127) Лу покинул столицу и отправился на восток. Доехал до уезда Линбисянь. А начальника уезда Би Цзао как раз заместили в должности — Би уже нанял лодку, но еще не отплыл. Прослышав, что прибыл господин Лу, он явился к нему с визитом.

— Моя вторая дочь одержима злым духом! — сказал Би. — Я приглашал усмирить его и даосских

---

[1] Лу Ши-чжун (錄時中 XII в.) — известный сунский даос, славившийся умением снимать наваждения и изгонять нечистую силу.

и буддийских наставников, но одних дух попросту обругал, а других даже и побил — прогнал всех! А недуг все сильнее. Только вы, господин, и можете помочь! Молю вас, пойдемте к моей лодке, взгляните на больную!

Лу согласился.

Поднявшись на лодку, он спокойно уселся. Больная тут же встала, накинула одежду и вышла к нему с низким поклоном. Она застыла рядом — словно совершенно здоровая! Постепенно на лице девушки появилась улыбка, и она заговорила:

— Не иначе, как Небо даровало мне счастье встретиться с вами, господин! Всю жизнь я таила это в себе, не имела возможности открыться, но сегодня, когда вы здесь, осмелюсь рассказать вам кое-что... Я — дочка прежней жены отца, а моя сестра родилась уже от нынешней. Именно ей досталась вся любовь матери, а меня обижали по всякому поводу. Мы тогда жили в столице, и один человек посватался ко мне. Дело уже почти сладилось, нужна была всего лишь пара золотых шпилек для волос, но младшая сестра ни за что не пожелала отдать их. Так и не вышла я замуж! Сердце мое разрывалось от горя, и я умерла... По смерти, поскольку срок отпущенной мне жизни еще не истек, в загробном управлении отказались вносить мое имя в списки, и душа моя носилась взад и вперед, не находя пристанища... Однажды я встретила вышедшую на прогулку Сокровенную Деву Девятого Неба, она посочувствовала моему горю и решила помочь, используя собст-

венный чудесный способ [1]. И все уже почти было готово, как вновь спутала планы моя младшая сестра! Мне не посчастливилось: и при жизни и после смерти терплю я от нее! А ныне мы обе должны покинуть этот мир, чтобы незаслуженные обиды мои стали явными и чтобы воздать благодарность Сокровенной Деве. Вы, господин, избавляете людей от злого наваждения, но я-то пострадала безвинно и законно требую отмщения. Помешать мне вы не сможете, лучше не тратьте слова зря!

Господин Лу погрузился в глубокие раздумья, спустя долгое время произнес:

— Ее слова совершенно справедливы!

Потом обернулся к уездному начальнику.

— Вы, сударь, должны сами умилостивить ее благостными молитвами. Заклинаниями тут делу не поможешь.

Тут же больная повалилась навзничь. Ее подняли, смотрят — а она в таком же тяжелом состоянии, как и прежде! Ведь вышла и поклонилась младшая сестра, но говорила голосом сестры старшей — умершей несколько лет назад!

На следующий день больная скончалась. Господин Лу пришел к ее отцу со словами сочувствия.

---

[1] Сокровенная Дева Девятого Неба — персонаж китайской мифологии, одно из высших женских божеств, тесно связанное с центральной фигурой даосского пантеона императором Хуан-ди. Подробнее о «чудесном способе» рассказывается в конце этой истории.

— Во вчерашней запутанной истории мне не все ясно, — сказал он. — Чудесный способ Сокровенной Девы, ведь он касается дел умерших — как тут могла навредить ваша младшая, еще живая тогда дочь? В доме вашем наверняка случилось что-то необычайное. Не утаивайте, пожалуйста. Чтобы я смог вам помочь, мне необходимо знать все от начала и до конца.

— Было тут одно удивительное происшествие, — отвечал начальник уезда Би. — Теперь, когда я о нем вспоминаю, становится ясно, что это и было то самое... Когда моя старшая дочь умерла, гроб с ее телом был временно помещен в буддийский храм за городской стеной столицы. В дни праздника холодной пищи и поминовения усопших мы отправились туда всей семьей. В помещении по соседству жил некий ученый. Он вышел, а дверь не запер, и мои домашние, воспользовавшись этим, украдкой пробрались в его комнату — поглядеть-полюбопытствовать. Младшая дочка увидела на столике бронзовое зеркало. «Это же из гроба старшей сестры! — закричала она. — Как оно здесь оказалось?! Не иначе кража!» Я действительно видел у старшей дочери похожее зеркало, но сходных вещей в столице продается великое множество. Однако младшая дочь уперлась: «Были куплены два такие зеркала, одно — мне, другое — сестре, а этот вот кожаный украшенный ремешок я смастерила своими руками, еще использовала вместо бумаги визитную карточку какого-то чиновника!» Я поглядел внимательно: правда! Мы

так громко спорили, что вернулся ученый. «Что смотреть в жилище бедного книжника! — сказал он сердито. — Вошли без спроса, куда это годится!» «Ты вскрыл захоронение и похитил оттуда вещи! — заверещала моя младшая дочь. — Улики налицо! Хватай разбойника!» Стала вязать ученого веревкой. Тогда он сказал: «С полгода назад ночью сидел я за чтением, как вдруг в дверь постучалась какая-то девушка со словами: "Свекровь разгневалась на меня и прогнала обратно к отцу и матери. А они живут в городе, туда сейчас не войти. Нельзя ли скоротать у вас вечер?" Она плакала так жалобно, что я не смог ее прогнать и впустил к себе. Мы пришлись друг другу по сердцу, и с тех пор девушка стала приходить каждый вечер, а иногда и среди бела дня прибегала. Однажды я, глядя на отражение в воде, приводил в порядок волосы, и девушка спросила с улыбкой: "У тебя разве нет зеркала? А у меня как раз есть одно!" — и вскоре подарила мне то самое зеркало... Иногда она еще брала починить мою одежду, но так и не пожелала сказать, из какой она семьи. А вчера пришла и говорит: "Завтра соберутся мои родные и близкие, наверняка кто-то из них увидит меня, так что я не смогу прийти сюда, но следующей ночью буду непременно". С тем и ушла. Оставшись один, я в печали пошел бродить по полю, чтобы как-то скоротать день. И подумать не мог, что, вернувшись, найду вас здесь, господа!» Услышав такие слова, мои домашние принялись лить слезы, и лишь младшая дочь стояла на своем: «Этот человек лжет. Надобно

раскрыть гроб и проверить!» Мы пошли туда, где стоял гроб с телом, и стали осматривать временное захоронение. Сзади в стенке отыскалась щель —можно было руку просунуть! Разобрали кирпич, стал виден гроб. Большие гвозди на его крышке приподнялись больше, чем на вершок! Тогда крышку сняли, глядь — моя старшая дочь сидит, поджав ноги, и будто штопает мужской головной платок! От пояса и ниже ее тело было совсем живым, гибким и теплым, а выше пояса — одни только сухие кости... Почувствовав раскаяние, мы восстановили захоронение, а ученого отпустили. С тех пор и по сей день прошло, должно быть, более трех лет! Сказанное же о Сокровенной Деве — не то ли самое, что даосы называют «вернуть кости, воскресить мертвого», для чего нужно долго быть вместе с живым человеком и через это снова вернуться к жизни? Но тогда мы помешали их связи — продолжать стало невозможно. Похоже, покойная сказала нам правду, и моя младшая дочь действительно повинна в том, что воспрепятствовала осуществлению секретного способа Сокровенной Девы. Неужто так?!

Господин Лу счел это происшествие воистину поразительным. По пути он заехал в Шаньян и там рассказал эту историю Го Тун-шэну, а его сын, То, рассказал мне.

Второе имя Би Цзао было И-дао.

Приговор за сожжение костей для столичных дворцов

На четвертый год правления под девизом Чжэн-хэ (1114) вышел указ отремонтировать дворцовые покои в Лояне. Обязанность следить за ходом работ была возложена на провинциальное финансовое управление. Начальника этого управления, некоего Вана, за значительное превышение установленных расходов по жалобе губернатора Хэнани Цай Ань-чи отправили в отставку, вызвали носившего в то время траур господина Суна, придворного советника из палаты Хуэйюгэ, и назначили его начальником провинциального финансового управления, освободив ото всех прочих повседневных обязанностей, с тем чтобы он занимался только делами по ремонту дворцов.

Сун весь погрузился в порученное дело.

— Если сумеем быстро закончить, можно будет рассчитывать на щедрую награду! — твердил он подчиненным.

Один из них, некто Сунь Куан, не верил в то, что такое большое дело можно исполнить хорошо в короткие сроки.

— А вы, господин, слышали историю о том, как лиса породнилась с тигром? — шутливо спросил он у Суна. — У лисы была дочь, и ее посватал тигр. Вечером, во время свадебной церемонии, гости стали поздравлять молодую: «Желаем вам поско-

рее родить пять сыновей и двух дочерей!» А лиса на это почтительно ответила: «На пять сыновей и двух дочерей и надеяться не смеем! Избавиться поскорее хотя бы от вонючего духа нашей породы — вот было бы счастье!» Так и наше дело — ну прямо вроде этого!

Сун не нашел в рассказе Суня ничего смешного, и Сунь вскорости, сославшись на болезнь, ушел со службы.

Дворцовые покои растянулись с юга на север на шестнадцать ли [1]. Там следовало отремонтировать четыреста сорок помещений и галерей. Великое множество украшений на крышах дворцовых зданий следовало покрыть лаком заново — и все срочно! Требовались бычьи кости на золу, но достать их нигде не могли. А в двадцати ли от Лояна было несколько десятков могильных курганов, где находились захоронения тысяч людей. И вот чиновник, некий Хань, подал такой совет:

— Эти кости брошены там без надзора, надо их выкопать и сжечь до золы. Кости все равно валяются безо всякой пользы, и их уже брали по приказу прежнего начальника управления Вана!

Сун согласился. Находившиеся в его подчинении начальник области Го Лянь-жун, левый помощник Пэн Ци и другие приняли это как должное, и никто не возразил ни слова. Сун за заслуги был назначен на пост «ученого мужа» палаты Сяньмогэ.

---

[1] Ли — традиционная мера длины, около полукилометра.

Вышел приказ о назначении Суна начальником приказа дворцового обеспечения, да только он умер.

В годы правления под девизом Сюань-хэ (1119—1125) Сунь Куан также заболел, умер и был доставлен в загробное управление на Тайшани. На воротах там висела таблица «Врата Умиротворения». Тюремные служащие втолкнули Суня внутрь. Последовал указ истребить весь род Суня.

— За какое такое преступление?! — воскликнул он.

— А кто, как не ты, получил повышение в чине благодаря тому, что раскопал старые могилы у Лояна?! Как смеешь спорить! — загремел голос из зала.

Тогда Сунь попросил очной ставки. Он увидел двух заключенных, закованных в наручные и ножные кандалы. Перед каждым стоял солдат и держал у лица узника веер. То и дело солдаты взмахивали веерами, а веера те были сплошь в длинных шипах, и кровь узников потоками струилась наземь. Суня подвели поближе, и он увидел, что это Сун и Ван, — не признав своих преступлений, они сваливали вину друг на друга. Тут Сунь рассказал о том, что было, как он поведал историю о лисе и тигре и как покинул службу. Все присутствующие рассмеялись, а Сун и Ван сознались во всем. Их увели, а Сунь ожил.

На другой день Ханю, посоветовавшему Суну разрыть могилы, приснился сон — точь-в-точь, что видел Сунь. Его тоже схватили, допросили, а когда повели прочь, Хань пал ниц и закричал:

— Проступок мой не заслуживает смертной казни! Да и предок мой Вэй-гун имел большие заслуги перед троном — нельзя уничтожать моих родных всех без остатка! [1]

Владыка долго обдумывал это, а потом изрек:

—Уничтожить лишь его ветвь рода!

Такое решение занесли в книги.

Через несколько месяцев после этого Хань умер.

Не прошло и года, как не стало его жены и детей, так что для наследования пришлось брать мальчика из другой ветви рода Хань.

Я слышал эту историю от У Ху-чэня из Линьчуани, а У узнал ее от Хань Цзы-цана [2]. Будучи в Палате государственной истории, я проверил там все по записям и узнал, когда это было и кто на каких должностях служил.

Ли Юй из Шаоу (второе имя Гуан-цзу) рассказывал: «Некий придворный продвинулся по службе таким же образом. Позже он поселился в Дэнчжоу. На него напала странная болезнь — на заду вскочил нарыв больше цуня размером, из нарыва показалась

---

[1] Вэй-гун — знаменитый сунский вельможа Хань Ци (韓琦 1008—1075), за многочисленные заслуги перед двором пожалованный титулом Вэйго-гуна.

[2] У Ху-чэнь. — Речь идет об известном сунском литераторе У Цзэне (吳曾 XII в.), второе имя которого было Ху-чэнь 虎臣. Хань Цзы-цан — сунский чиновник и литератор Хань Цзюй (韓駒 1080—1135), второе имя которого было Цзы-цан 子蒼.

кость — ни сесть, ни лечь [1]. Лекарь попытался удалить ту кость, и после долгих усилий нарост отпал, упал на пол, согнувшись поросячьим хвостом. А через несколько дней появился снова. Лечили прежним способом. Так продолжалось больше года, всего было удалено тридцать шесть подобных выростов, прежде чем придворный не умер».

Ван Жи-янь рассказывал: «Господин Сун сначала стал советоваться с подчиненными, как быть, и кто-то сказал, что кости брать не следует. Вернувшись домой, Сун все продолжал размышлять, желание исполнить задуманное окрепло, и он лично написал бумагу с распоряжением выкопать кости. Некий архивариус из числа его подчиненных, опасаясь, как бы впоследствии не оказаться вовлеченным в судебное разбирательство, взял распоряжение Суна и подклеил к другим документам. Прошло несколько лет, и архивариуса вызвали для дачи показаний в загробное управление. Там он увидел, как быкоголовые стражи вталкивают кого-то прямо в бушующее пламя — это и был Сун. "Все делалось по указанию придворного советника! — показал архивариус. — Есть и собственноручно писанная им бумага". Тогда владыка послал за этим документом, и через самое короткое время его доставили. Показали Суну, и тот во всем сознался, а архивариус ожил. На другой день архивариус явился в управление, стал просматривать старые документы — все от начала и до конца на месте, только распоряжения Суна

---

[1] Цунь — традиционная мера длины, около трех см.

нет!.. Вскоре архивариус сослался на болезнь, испросил отставку, вернулся на родину и, оставив дом, сделался странствующим буддийским монахом».

Даос из Шанъю

Когда мой земляк Дун Пу на четвертый год под девизом правления Сюань-хэ (1122) был назначен помощником начальника уезда Шанъю, что в воеводстве Наньань, там объявился даос — ростом, может, немного выше шести чи [1]. Он пришел из-за гор и сказал, что совершает паломничество на Южный пик [2]. Был он весьма остер на язык.

Дун в честь даоса устроил пир. Позвал гостей и попросил даоса явить собравшимся свое искусство.

Тот взял плетеную бамбуковую корзину без дна и набросал в нее глины. Собралось несколько сотен гостей. Даос предложил каждому взять по куску, размером примерно с боб, и положить в рот. Все выразили согласие. Тогда даос попросил всех подумать, чего они желают, — кто-то возжелал фруктов, кто-то еды, кто-то сладостей, вне зависимости от того, есть ли подобные вещи в той местности в это время года. Даос, набирая полную грудь воздуха, изо всех сил дул каждому в рот, и глина вдруг стала пре-

---

[1] Чи — традиционная мера длины, около тридцати см.

[2] Южный пик — гора Хэншань, одна из пяти священных гор Китая, находится в пров. Хунань.

вращаться в то, что каждый заказал! Даос запретил это жевать или глотать, ведь глину можно превратить во что-нибудь другое. И тут у всех, кто пожелал мяса, оно превратилось во фрукты, а фрукты у пожелавших их — в мясо; происходило великое множество превращений, раз за разом, без конца, а ведь это была-то простая глина!

Один из домочадцев Дуна, не очень-то веря даосу, подозвал слугу и велел выйти вперед:

— Назови ему что-нибудь, и что бы ни получилось, говори, что это не то, что ты испросил. Посмотрим, что даос будет делать тогда!

Слуга взял в рот глину и крикнул:

— Пусть будет вишня!

Даос дунул ему в рот и спросил:

— Ну как?

— Нет, не вишня! — отвечал слуга.

Три раза пробовал даос, три раза слуга твердил свое.

— Так ты хочешь посмеяться надо мной? — с улыбкой спросил даос. — Тогда я тебя проучу!

Он снова дунул слуге в рот, и глина превратилась в большую головку чеснока. Чесночный дух распространился вокруг, так что слуга уже не мог отрицать очевидное. Даос же, повернувшись к собравшимся, молвил:

— Этот человек долго надо мной издевался! Следует и вам, господа, убедиться в этом!

Ткнул пальцем в рот слуги и произнес:

— Коровья лепешка, явись!

Только сказал, как нестерпимая вонь заполнила двор, слуга принялся неистово плеваться, кинулся за водой, стал полоскать рот. Долго еще во рту у него было гадко.

Собравшиеся громко смеялись, исполнившись еще большего почтения к даосу.

Тот стал прощаться. Денег не взял, выпил лишь несколько шэнов простого вина и ушел [1].

Так и осталось неизвестным, откуда он и как зовут.

Хун Ин-сянь (Бан-чжи), внук Дуна по материнской линии, тогда жил в Шанъю вместе с дедом и сам все это видел. И мне рассказал.

Столичная винная лавка

Когда Лянь Бу, второе имя Сюань-чжун, и Сунь Тань, второе имя Сяо-чжи, учились в столичном училище Тайсюэ, однажды на праздник фонарей они с еще одним однокашником испросили отпуск втроем и отправились гулять [2]. Насмотрелись на фонари и празднества, нагулялись так, что ноги загудели, но все думы их были только о красавицах.

---

[1] Шэн — традиционная мера объема, около литра.

[2] Лянь Бу (廉布 1092—? Сюань-чжун 宣仲) — сунский чиновник и художник. Сунь Тань (孫惔 кон. XI—перв. пол. XII вв., Сяо-чжи 肖之) — сунский чиновник и поэт.

Пробили четвертую стражу.

Гулявшие почти все разошлись. Тут вдали показался всадник, а за ним пешие сопровождающие [1]. Всадник приблизился, студенты вгляделись — а это прекрасная девушка! Они последовали за ней, интересуясь, куда та направляется, а девушка, доехав до винной лавки в переулке, вдруг спешилась, купила вина и стала в одиночестве выпивать, изредка перебрасываясь шутками со своими спутниками.

Студенты тоже зашли в лавку, заняли стол напротив, спросили вина и, не будучи в состоянии сдержать чувства, окликнули девушку:

— Не присоединитесь ли вы к нам?

— Охотно, — радостно ответила девушка и поспешно пересела, устроившись напротив приятелей. Студенты подумали, что это известная певичка. Голова девушки была покрыта платком, не позволявшим разглядеть ее лицо. Тогда один из студентов в шутку потянул за платок — и всеобщим взорам явилась громадная морда злобного беса, да такого страшного, что студенты хором заорали:

— Тут бес!!!

На крики выбежал прислужник: все спокойно, никого нет. Принялся смеяться над их дуростью, студенты стали рассказывать, как все произошло, но прислужник лишь отмахнулся:

— Да ведь кроме вас троих в лавке-то и не было никого! Откуда ж бесу взяться?

---

[1] Четвертая стража — с часа до трех часов ночи.

Всю ночь напролет студенты дрожали от страха, не решаясь выйти на улицу из лавки до самого рассвета.

ЦИНЬ-НУ — ЦВЕТОК-ОБОРОТЕНЬ

Лю Цзай, второе имя Му-чжун, был младшим братом моей тещи. В юные годы он под руководством даосов изучал магические книги, позднее его тесть был назначен управлять Гусу, и Цзай отправился с ним.

Вместе с домашними он осматривал буддийский храм Линъяньсы. На ночь остановились в монашеской келье. Вдруг слышат: далеко в горах кто-то зовет чиновника Лю Второго. Звали долго, затем голос утих. Монахи тоже проснулись.

— Вы слышали этот голос? — стал спрашивать их Цзай.

— В ночи множится колдовская сила, дурачит — оно и есть, — отвечали ему с улыбкой.

На другой день Цзай написал обращение к духу-покровителю местности: «Я со всей искренностью следую учению, никогда ничем себя не осквернял. Как же смеют горные бесы морочить меня?»

Тем же вечером во сне к нему явился дух: «Я послал людей доискаться, в чем дело, и выяснилось, что это сделал не бес, а цветок-оборотень, и я займусь его усмирением!»

Вернувшись домой, Цзай увидел во сне свою покойную наложницу Цинь-ну. Она сказала: «Это ведь я звала вас там, у храма! И если вы, сударь, меня не позабыли, не велите духу-хранителю монастыря преследовать меня!»

Цзай написал другое обращение. Составил официальную бумагу, как принято в мире живых, и послал ее в кумирню, чтобы Цинь-ну не преследовали.

Через несколько дней к нему во сне снова явилась наложница: «Вы послали прошение, и я не смею задерживаться более», — сказала она и, роняя слезы, удалилась.

Цинь-ну — из столицы, умерла в Линьане, с тех пор уже прошло шесть лет!

Ян Прозрец

Ян Ван-цай, второе имя Си-люй, был родом из Цзянъюаня, что в Шу. Еще мальчиком он начал проявлять странные способности. Однажды хотел одолжить у соученика денег — и заранее сказал, сколько у того припрятано в коробке: открыли — так и есть! Когда Ян вырос, поползли слухи о его чудесных возможностях, так что жители Шу стали звать его Ян Прозрец. Наружность у Яна была непривлекательная, пугающая, глаза как у беса, речи поразительные.

К югу от его жилища росло огромное дерево, раскинувшее ветви на несколько чжанов. Ян вдруг повесил на воротах объявление: «Завтра до полудня лучше здесь не ходите, а кто пойдет — с тем случится беда». Все окрестные жители насторожились, никто и не думал туда даже сунуться. Едва настал назначенный срок, дерево, выворотив корни, рухнуло наземь, завалив всю улицу, но ни единой черепицы на крышах окрестных домов не разбилось!

Другие поступки Яна Прозреца были столь же невероятными и чудесными. Придет он на рынок продавать шелк, отмерит три чжана одному, четыре чжана другому, покупатели следят внимательно, платят деньги, уходят, а дома глядь — товара всего лишь три или четыре чи! Или, бывает, приедет к кому в гости верхом на муле, но под каким-то предлогом срочно уйдет, оставив мула привязанным во дворе. Долго не возвращается, а мул не издает ни звука, и как присмотрятся внимательно — тот он вырезан из бумаги!

Однажды некто обратился в область с докладом, что Ян своими наваждениями вредит людям:

— Каждый раз во время церемонии жертвоприношения устраивают шесть мест для сидения, а он позволяет себе на восточной стороне устроить сразу два, и Ян со своей женой сидят друг напротив друга, а у их ног — по даосскому и буддийскому монаху!

По требованиям закона такая сбивающая людей с толку ересь являлась преступлением, каковое

карается смертью. Яна схватили, бросили в узилище. Тюремщики боялись Яна, верили в его чудесную силу, не осмеливаясь наказывать и бить, а еще опасаясь, что он ускользнет. Ян Прозрец понял, что у них на уме, и сказал:

— Не надо меня бояться. Мне суждено дважды понести наказание, это уже определено, и я приму наказание с улыбкой. Раньше я совершил то-то и то-то, а закон такого не прощает, но это случилось из-за моей увлеченности магией... Дважды пройдя через страдания, я наконец познаю Дао-Путь!

Ночью судья Ян Чэнь вынес приговор.

— Ваш дядюшка уже прислал письмо? — спросил его Ян Прозрец. — О, какое же горе!

Чэнь ничего не ответил, но когда направился к выходу, встретил человека из Чэнду, который вручил ему извещение о смерти дяди.

В другой раз Ян Прозрец сказал Чэню:

— В будущем году вашу, сударь, семью ждет радость: четыре человека, в чьих именах есть иероглиф «ван», выдержат экзамены!

У Чэня была дочь лет шестнадцати-семнадцати, ее разбила тяжкая болезнь, пользовали ее уже несколько лекарей, но облегчения не было.

— Ваша дочь давно болеет, — снова сказал Ян Прозрец. — Лекарь Чэнь давал ей такое-то лекарство, лекарь Ли давал такое-то, но все они не подействовали, а все из-за того лишь, что дочь вашу омрачил змей-оборотень, который обитает в дереве на вашем заднем дворе. Отмените все ненужные снадобья,

обождите, пока меня накажут батогами, и я изготовлю амулет, чтобы совладать с оборотнем. Ваша дочь придет в порядок, не волнуйтесь!

Чэнь вернулся домой и рассказал обо всем жене, не зная верить или нет. Однако он сам не раз видел небольшую змейку в древесной листве, да и про врачей и их лекарства все было сказано правильно! Позднее, когда Ян получил батогов и вернулся домой, он написал амулет для Чэня, велел повесить на то дерево — и девушка пошла на поправку. А на следующий год младшие братья Чэня по отцу и матери отправились держать экзамены, и четверо из них действительно победили: имена их были Цун-ван, Минь-ван, Сун-ван и Тай-ван.

В свое время Ян Прозрец взял в жены певичку, и вот однажды он позвал к себе в дом двух тюремных стражей, преподнес им тридцать тысяч монет и велел дать ему и его жене по двадцать ударов батогами. Стражи в испуге стали спрашивать: для чего?

— Нам с женой еще только предстоит пройти через подобное несчастье, — отвечал Ян. — Хочу заранее отвести беду.

Стражи не стали его слушать и ушли. Когда же Яна бросили в узилище, и ему и его жене дали батогов — ровно столько, сколько ударов он хотел отвести, и исполняли наказание как раз те двое стражей, которых он тогда позвал за помощью!

Позднее Ян Прозрец приехал в Чэнду. Народ толпился у его ворот как на рынке: ученые мужи наперебой желали вызнать свою судьбу, и Ян или

сразу отвечал, или же сочинял оду, или стихотворение на заданные рифмы — писал сходу, не задумываясь. Каждый раз, когда предстояли экзамены, он обязательно заранее складывал стихотворение и посылал испытуемому, но смысл стихотворения оставался смутен и непостижим. Лишь когда оглашали списки победителей, становилось ясно, что их имена были заключены в стихах Яна. А бывало, Ян Прозрец заранее писал список имен всех выдержавших экзамены — более ста человек! — запечатывал в конверт. Пусть не все иероглифы были написаны правильно или же оказывались даны полностью, порядок, в котором располагались выдержавшие, совпадал всегда.

У сычуаньского главнокомандующего тридцать лет назад пропал один документ, найти не смогли, как ни искали. О том сказали Яну Прозрецу.

— Лежит в такой-то комнате, в таком-то шкафу, в такой-то по счету стопке бумаг, — сказал Ян. Стали смотреть: и точно, бумага нашлась!

Приехал к Яну его приятель Ши-чэнь из Мэйшани. А у Яна как раз гостил земляк, он недавно купил лошадь, черную, с белым носом.

— Отдайте эту лошадь мне, — попросил Ян Прозрец. — Вам от нее пользы не будет.

Земляк возмутился:

— Вы, наставник, прикрываясь волшебным искусством, решили отнять мою лошадь? Я за нее сто тысяч выложил, еще и десяти дней не прошло, зачем вы меня грабите?!

— Я просто хочу уберечь вас, сударь, от беды, — отвечал Ян. — Если вы не верите мне, значит, такова ваша судьба. На двадцатый день пятой луны будущего года вас настигнет горе. Крепко запомните: в этот день не ходите смотреть, как ваша лошадь ест сено, и остерегайтесь опасности для ребер с левой стороны. Если будете осмотрительны, возможно, мы с вами еще увидимся.

Гнев земляка понемногу утих, но Яна он не послушал и про наставления его забыл. В назначенный день следующего года тот человек пошел кормить лошадь, та вдруг взбрыкнула и копытами ударила его в левое подреберье — и он умер на месте.

Гуань Шоу-цин стал областным преподавателем в Гочжоу. Написал Яну Прозрецу письмо, интересуясь будущим своих сослуживцев.

Посланный им слуга еще не добрался до дома Яна, как тот сказал своей жене, чтобы приготовила еду, дабы накормить посланца преподавателя Гуаня. Еда была уже готова, когда слуга ступил на порог.

Ян поприветствовал его и спросил:

— Про свое будущее не спрашивает, а чужим интересуется — почему это?

Слуга только кланялся в испуге, не понимая в чем смысл его вопроса.

Ян Прозрец водил дружбу с отпрыском одной богатой семьи из Хуаяна. Попросил у того двадцать тысяч монет взаймы, да только получил отказ по скупости.

Ночью в дверь флигеля богатея постучали, послышался голос:

— Я ваша восточная соседка, муж мой напился пьян и выгнал меня. Боюсь ночью уходить далеко. Окажите милость, впустите меня!

Парень охотно согласился, впустил соседку, и они вместе возлегли на ложе... Опасаясь, как бы родители после всего не обнаружили девицу, крикнул ей, чтобы поднималась с постели и шла себе. А та в ответ ни звука, только запах крови, наполнивший комнату, был ему ответом. Побежал за лампой, посветил... Девица лежала, разрубленная на три части, словно ее только что казнили, кровь так и струилась ручьями.

От страха парень чуть не лишился чувств, рассудил, раз случилась подобная беда, то не к кому больше идти за помощью кроме Яна Прозреца. Помчался в его дом, распахнул двери, второпях обо всем рассказал.

— Мы с вами, сударь, давно водим дружбу, — отвечал Ян. — И всегда помогали друг другу в нужде. Позавчера я пришел к вам взять взаймы, вы же не пожелали мне помочь. А теперь у вас столь срочное дело, что я вам в ночи понадобился. Как же так?

Парень стал горько рыдать, признал свою вину.

— Случившееся просто исправить, — сказал тогда с улыбкой Ян. — Не стоит так горевать. Возьмите мой амулет, ступайте домой и положите его в комнату, потом плотно закройте двери. И никому ничего не говорите.

Парень стал благодарить его:

— Если ваша чудесная сила поможет, то я преподнесу вам в благодарность сто тысяч!

— Зачем так много? — отвечал Ян. — Достаточно будет двадцати, что мне нужны.

Парень отнес амулет домой и всю ночь не находил себе места от страха. Едва начало светать, на цыпочках прокрался в комнату: трупа не было, все чисто убрано — вот же радость! В тот же день, захватив деньги, вино и закуски, он явился к Яну.

— В доме моем места мало, неудобно пить, — сказал тот. — Почему бы не отправиться за город?

Пошли, выбрали винную лавку, велели накрыть стол. Парень смотрит — а хозяйка лавки один в один как та, что он давеча встретил, но только краса этой женщины уже увяла... Лавочница стала на него поглядывать тоже, словно подозревая что-то. Наконец, парень окликнул ее, спросил, в чем дело.

— Давеча приснилось мне, что некто позвал меня в некое место, — отвечала женщина. — Это был юноша, с которым я провела целую ночь, но, когда проснулась, тело очень плохо меня слушалось и отовсюду текла кровь — много вытекло, пока не закончилось. Я и теперь едва дышу, задыхаюсь... В жизни еще не было у меня подобной хвори!

Тут парень понял, что той ночью к нему приходила душа лавочницы.

Советник Юй был вызван из Цзинсяна обратно в столицу, и сын его Гун-лян прислал Яну Прозрецу письмо с вопросом о будущем отца [1]. Ян отве-

---

[1] Советник Юй — сунский сановник Юй Юнь-вэнь (虞允文 1110—1173), который в 1165—1173 гг. дважды исполнял обязанности главнокомандующего в Сычуани

тил: «Поедет ли в Су, не поедет ли, все одно через полмесяца станет помощником начальника с правом подписи».

Господин Юй долго не мог понять, в чем тут дело, но вот его назначили управлять Сучжоу, и он пробыл в той должности пятнадцать дней, а потом сделался помощником начальника Военного совета.

Подобных рассказов о Яне-Прозреце великое множество, все и не запишешь.

Узилище в Ланьси

Чжу из Ланьси — знатный род. Поместье их в тридцати ли от уездного центра. Был у них сын, как раз в возрасте, когда надевают шапку, он весьма поднаторел в книжной мудрости [1].

Рядом с поместьем Чжу был вырыт пруд — большой, в несколько десятков му [2]. Во время осенне-зимней засухи вода там высохла, и на берегу под деревьями нашли кости — неведомо чьи останки. Откуда они взялись, никто не знал. Соседи не посмели скрыть такое и дали знать деревенскому старосте.

(Шу), а в 1173 г. был назначен правым императорским советником.

[1] Когда надевают шапку. — Возраст совершеннолетия, двадцать лет.

[2] Му — традиционная мера площади, примерно 0,07 га.

А до того появился даос-попрошайка: пришел к Чжу и стал требовать милостыню — совершенно непомерную. Чжу разозлился и выгнал его прочь. Даос стал весьма дерзко огрызаться, и тогда Чжу побил его. Даос упал — притворился мертвым. Чжу в панике хотел немедленно доложить о случившемся властям, но была уже глубокая ночь, так что он не пошел. Даос же, видя, что Чжу не столь легковерен, повинился и удрал.

Деревенский староста, который давно затаил на Чжу обиду из-за когдатошнего земельного спора, воспользовался удобным случаем и заявил начальнику уезда, что Чжу некогда забил человека до смерти, а труп сбросил в озеро, и это и есть останки убитого. Начальник уезда поверил наговору и заточил Чжу в узилище. Тюремный следователь провел расследование и собрал доказательства, что Чжу невиновен, однако начальник уезда, подозревая, что следователю дали взятку, еще более ужесточил наказание: не проходило и дня, чтобы Чжу не били бамбуковыми палками.

Чжу происходил из богатой семьи и, будучи конфуцианским книжником, понятия не имел, как устроено следствие. Он не снес такой жестокости и оговорил сам себя, испросив приговора. Матушка его, опасаясь, что сын может сгинуть, стала возносить молитвы найденным останкам, дабы душа их нашла упокоение, и дни и ночи напролет плакала навзрыд, а еще объявила награду тому, кто сможет поймать подлинного злодея.

Уездные власти подготовили необходимые документы и передали в область.

А попрошайка, о котором было сказано, пересек уже области Эчжоу и Юэчжоу, собрался в Сянчжоу и чуть было не обошел с юга гору Хэншань, как во сне ему явился человек и сказал: «Тебе нельзя двигаться дальше, завтра к тебе придут». Проснувшись, попрошайка немало подивился своему сну.

На другой день он встретил другого даоса, они купили на рынке вина и сели выпивать. Попрошайка спросил, откуда тот держит путь и какие слышал новости.

— Иду я из Учжоу, — отвечал даос. — А когда был в Ланьси, слышал, как на рынке люди наперебой рассказывали о том, какая несправедливость случилась с Чжу.

И рассказал всю эту историю.

— А ведь это я обманщик — прикинулся мертвым! — испуганно воскликнул попрошайка. — Это мое преступление, и в загробном управлении за него с меня взыщут! Ныне Чжу заключен в узилище, вот-вот расстанется с жизнью, если я не явлюсь и не оправдаю его, то как выплачу долг, я ведь должен умереть тоже!

Заставил того даоса вместе с ним идти на восток — шли день и ночь без остановки, всё рассказали в уезде, да только начальник уезда не поверил их словам, счел подозрительными.

Вскоре в другом уезде поймали настоящего злодея, допросили, и он признался, что был некий мяс-

ник, который брал у клиентов в кредит говядину, однажды он не смог отдать долг вовремя, а потому тайком убил заимодавца и под покровом ночи сбросил его труп в озеро семьи Чжу.

Так Чжу был отпущен на свободу.

Делопроизводитель из загробного управления

В седьмую луну двадцать третьего года правления под девизом Шао-син (1154) хучжоускому областному преподавателю Чжао во сне явился некий человек и попросил принять его, сказав, что он — отпрыск рода Мо. Вошел и сел, но тут же вскочил и произнес: «Я живу к югу от города и только что узнал, что Небом уже выпущен указ о вашем переводе на должность делопроизводителя загробного управления. Я же стану вашим заместителем. Самое время нам наладить отношения, чтобы служить к обоюдной радости, и потому я не мог не явиться с визитом!» Чжао страшно перепугался, задержал визитера, стал спрашивать, кто он такой. «Я зажиточный простолюдин из этой области, мне уже семьдесят один год! В свое время я стал помощником областного преподавателя, как говорится, "преподнеся зерно"!» — отвечал тот [1].

---

[1] Преподнеся зерно — то есть дав взятку.

Чжао в ужасе проснулся.

На другой день на занятиях он рассказал обо всем ученикам, и они подтвердили, что подобный человек действительно существует, и имя, состояние и возраст его действительно таковы, но он, что называется, уже два года как в списках умерших!

Чжао помрачнел. Вскоре его поразил недуг. Лекарства не помогли, и он умер.

Безногая девушка

Гуань Цзы-дун рассказывал.

Когда его старший брат Янь служил в столице на посту «мужа обширных познаний», однажды на рынке он увидел нищенку, одетую в рванье, грязную, без обеих ног — она передвигалась с помощью рук, но красоты удивительной. Проезжавший мимо некий придворный, исполнившись к девушке сочувствия, остановил коня и спросил:

— А что, родители у тебя есть?

— Нет, — был ответ.

— Ну а муж, родные?

— Нет.

— А шить и штопать ты умеешь?

— Умею, и очень хорошо.

— Чем попрошайничать и жить в страдании, не лучше ли тебе пойти в наложницы?

Горестно нахмурив брови, нищенка со вздохом отвечала:

— С моим увечьем я и себя-то не могу прокормить! А пойду в служанки — надо будет работать еще и для хозяина, разве станут меня кормить задарма? Кому я такая нужна!

Придворный, вернувшись домой, рассказал жене о нищенке, и она пожалела страдалицу. Взяли девушку к себе, вымыли, дали новое платье, накормили и напоили. Поручили ей шитье. Она справилась с работой быстро и хорошо. Все в доме ее полюбили. А придворный иногда с нею интимничал.

Жила она в доме придворного уже год с лишним, как однажды тот отправился в храм Сянгосы, где повстречал даоса.

— В вас силен нечистый дух! Откуда? — воскликнул даос.

Сочтя сказанное вздором, придворный рассердился и ничего не ответил. Но на другой день ему вновь попался тот самый даос.

— Нечисть столь свирепа! — сказал он. — Коли сейчас вы мне все не расскажете, я не смогу помочь. Нет ли у вас в доме некоей старой вещи — вроде треножника с отломанной ножкой?

— Нет! — бросил придворный, но даос расспрашивал так неотступно, что, не будучи в силах таиться, придворный рассказал о новой наложнице.

— Это она, она! — воскликнул даос. — Скорее бегите от нее! Завтра же седлайте коня и скачите без остановки прочь — за сто ли отсюда, а если не получится за сто, то скачите изо всех сил столько, сколько выйдет. Как только найдете место для ноч-

лега, накрепко заприте все окна и двери, а если услышите ночью стук в дверь, ни за что не открывайте! Может, и спасетесь. А иначе помочь нельзя!

Придворный ужасно испугался и, ни слова не сказав домашним, одолжил доброго коня и целый день скакал прочь во весь опор.

Спустился вечер, он остановился на придорожном постоялом дворе. Не успел перевести дух, как на дороге заклубилась пыль, показались знамена, и на черном коне подъехал к постоялому двору некий молодец. Отвесив придворному низкий поклон, он уселся, знаком потребовав себе комнату напротив. И за все время слова не произнес.

Придворный в страхе запер дверь, не смея сомкнуть глаз.

Стояла глубокая ночь, когда он услышал за дверью полный страдания голос:

— В вашем, господин, доме случилось большое несчастье, и меня послали к вам с письмом.

Придворный прильнул к щели и в свете горевшей лампы разглядел свою безногую наложницу: стоит, опираясь на два крыла, а крылья те — черные. Придворного охватил такой ужас, что пот полил с него ровно дождь.

Вдруг распахнулась дверь напротив, и оттуда вышел давешний молодец. Выхватил меч, стал рубить наложницу, и та с протяжным свистом умчалась прочь.

Наутро придворный кинулся к соседу. Стал отбивать поклоны, стал благодарить:

— Если бы не вы, о сановник, мне бы точно не жить! Осмелюсь спросить, кто вы такой?

— Неужели вы меня не узнаете? — спросил молодец. — Я же даос из Сянгосы, что предупредил вас. А еще я — ваш дух-покровитель. Всю жизнь вы были почтительны ко мне, вот я и явился спасти вас.

Сказал и исчез, а вместе с ним — и свита и лошади.

Кумирня Эр-лана

На седьмой год под девизом правления Чжэнхэ (1117) на столичном рынке появился маленький мальчик верхом на охотничьей собаке и громко объявил толпе:

— Меня послал старший брат! Вчера в час *шэнь* сгорела кумирня в Гуанькоу [1]. Он хочет, чтобы здесь выстроили новую!

Мальчику было лет семь. Стали спрашивать, откуда он, как имя-фамилия — не ответил.

---

[1] Кумирня в Гуанькоу — то есть кумирня, выстроенная на горе Гуанькоушань (неподалеку от совр. города Дуцзяньгуань, пров. Сычуань) благодарными жителями Шу в честь известного чиновника и ирригатора Ли Бина (李冰 302?—235 до н. э.), управлявшего землями в районе совр. г. Чэнду с 256 по 251 г. до н. э. Вместе со своим вторым сыном (二郎 Эр-лан) Ли Бин достиг больших успехов в ирригационном деле и впоследствии был обожествлен.

Когда настал вечер, на городские ворота снизошел дух и устами человека, в которого вселился, подтвердил, что сказал мальчик.

Власти, узнав об этом, тут же велели возвести для духа скит Шэньбаогуань — Обитель божественного покровителя. Столичные жители в высшей степени почтительно относились к этому духу, а потому с весны до лета все мужское и женское население копало землю и таскало к будущему скиту, помогая в постройке, — это называли «подношение земли». Были и такие, кто, вырядившись бесом, обходили дом за домом, подгоняя нерасторопных таскать землю, так что люди сновали взад и вперед. А некоторые ставили у дороги таблички с надписью «Землю подносит такой-то». Люди сведущие сочли подобное неблагоприятным: был издан запрещающий указ.

Позднее из Шу поступил доклад о том, что храм духа в Юнкане действительно сгорел, — и время совпало с появлением мальчика! Его взяли на воспитание в семью служителя кумирни — обычный шаловливый ребенок!

Девушка из сада Цзычжуюань

На второй год правления под девизом Лунсин (1164) Чжан Юй был назначен на должность секретаря в уезд Хуэйнин области Шучжоу.

Его слуга, Гу Чао однажды ночью сидел в библиотеке. Видит — девушка в зеленом платье.

Говорит:

— Мать выгнала меня, мне некуда податься. Знаю, что ты живешь один, вот и пришла к тебе.

На вопрос, где ее дом, девушка отвечала:

— В саду Цзычжуюань — Пурпурных бамбуков, что к югу от города.

Слуга возлег с нею.

Так прошло несколько ночей, как вдруг Чао стал чувствовать себя смутно, словно внезапно отупел, а еще похудел и обессилел.

Юй весьма удивился, стал расспрашивать, и Чао честно все ему рассказал.

— Это непременно оборотень, хочет замучить тебя! — заключил Юй. — Нынче ночью дождись как она придет, хватай и что есть силы кричи — я приду.

Девушка пришла. Чао ухватил ее за рукав и заорал: «Нечистая сила!» Девушка рванулась, рукав оторвался, и она ускользнула. Принесли лампу, посветили — а это не рукав, но банановый лист.

С давних времен сад у библиотеки заполнял пурпурный бамбук, а среди бамбука росло огромное банановое дерево, и там нередко случались разные удивительные вещи. Юй велел выкорчевать банановое дерево — потекла кровь! Затем велел срубить бамбук. Чао он отправил на родину.

Чао с тех пор сделался печальным, потерянным, в конце концов он заболел и умер.

Лань-цзе

На двенадцатый год под девизом правления Шао-син (1142) житель Цзиндуна некий Ван, отставной военный чиновник, остановился на жительство в храме Циннисы, что в уезде Синьчань в Линь-цзяне. Храм располагался в удалении от уездного города — место было уединенное, кишело разбойниками, а Ван славился своим богатством.

Однажды он пировал с гостями. Разошлись далеко за полночь. Ван с женой, пьяные, легли спать. Вдруг ворвались грабители — человек, наверное, тридцать. Схватили детей Вана, слуг и связали.

— Все дела по хозяйству ведет Лань-цзе, причем же тут мы? — разрыдались служанки.

Лань-цзе была любимой наложницей Вана. Она вышла вперед и подтвердила:

— Да, всем добром в доме ведаю я! И если вам, уважаемые господа, что-то нужно, не посмею мешать! Только господин хозяин и госпожа хозяйка крепко спят, прошу вас их не тревожить.

Взяв со стола, за которым пировали, большую свечу, Лань-цзе повела грабителей в западную комнату, указала на бамбуковые короба, что стояли на кровати, и сказала:

— Это посуда для вина, тут — узорный шелк, а вот там — одежда.

Лань-цзе отдала грабителям ключи, предоставив им по своему разумению брать вещи. Те взяли большое одеяло, в него, как в узел, стали связывать

утварь, посуду и шелк. Когда свеча догорела, Лань-цзе зажгла новую. Грабители были в великой радости от добычи, что превзошла все их ожидания. Прошло более двух часов, прежде чем они ушли.

Спустя долгое время Ван наконец пробудился. Лань-цзе обо всем ему доложила, а потом освободила связанных. На следующий день Ван подал жалобу в уезд, но из уезда жалобу передали в округ. От огорчения Ван даже заболел.

— Какая польза ждать помощи от чиновников! — потихоньку сказала ему Лань-цзе. — Грабителей ведь легко поймать!

— Откуда тебе, женщине, это может быть известно! — в гневе закричал-заругался Ван. — Ты все мое добро отдала бандитам, а теперь говоришь, что их легко поймать! Что за ерунда!

— Все три десятка разбойников были одеты в халаты из белой материи, и когда я держала свечку, воском капнула им на спины, так что по этой примете найти их совсем нетрудно.

Ван сообщил эту примету сыщикам — не прошло и двух дней, как семерых грабителей схватили на мясном рынке. Стали распутывать дело дальше и изловили всех до единого. Отыскали и все похищенное имущество. Ничего не пропало.

В биографии ханьского Чжан Чана сказано о том, как, пометив разбойников красной охрой, схватили и главаря и всю шайку [1]. Очень напоминает на-

---

[1] Чжан Чан (張敞 ?—48 до н. э.) — вельможа, живший при Западной Хань (206 до н. э.—8 н. э.). Будучи упра-

шу историю. Поистине — трудно найти столь преданную хозяину наложницу, чтобы в самой трудной ситуации не испугалась, но мгновенно сообразила, как следует поступить! Имя Лань-цзе нестыдно занести в «Отдельные жизнеописания женщин» [1].

Чжан Бесеныш

Некий Чжан, заведовавший областным училищем в Хунчжоу, был человеком бессердечным, что с возрастом несказанно усугубилось. Если некий учащийся просил об отпуске, Чжан ни за что не давал разрешения, вместо положенных властями пяти свободных дней дозволял три, вместо трех — два, и прочие его поступки были ровно такие же. Все были очень недовольны Чжаном.

Был некто Чжан Бесеныш, прозванный так за то, что был похож на злого духа. Его стали просить

вителем Чанъаня, он договорился с главарями городских грабителей и воров, что в обмен на прощение они соберут своих подчиненных на пиру и пометят их одежду охрой. В итоге было выловлено несколько сотен грабителей, и на рынках города воцарилось спокойствие.

[1] «Отдельные жизнеописания женщин» 列女傳 — сборник ханьского Лю Сяна (劉向 79—8 до н. э.), назначенное для чтения при дворе собрание биографий выдающихся женщин, обладавших высокими добродетелями и достойных быть примером для подражания.

изобразить из себя посланца загробной канцелярии, с тем чтобы явиться к Чжану и припугнуть его.

Бесеныш охотно согласился:

— С удовольствием исполню. Но все должно быть правдоподобным. Обязательно нужна бумага из загробного управления!

— Да какая же это должна быть бумага? — недоумевали чиновники.

— Я однажды видел, как она составляется, — отвечал Бесеныш.

Взял лист и стал что-то мелко писать. Внизу поставил подпись.

Той же ночью все отправились к областному училищу. Ворота были уже заперты, и тут Бесеныш юркнул в щель! Чиновники пришли в ужас.

Увидев его, начальник Чжан заорал в гневе:

— Да как ты посмел, отродье?! А, тебя подослали, чтобы запугать меня!

— Прибыл по повелению Яньло-вана забрать вас, — с усмешкой отвечал Бесеныш [1].

Чжан развернул бумагу, стал читать, но не дошел и до середины, как Бесеныш сорвал платок и стали видны два рога у него на голове. От страха Чжан лишь охнул — и тотчас умер.

Бесеныш вышел во двор и сказал остальным:

— На самом деле я — Быкоголовый страж. В свое время мне был дан приказ забрать этого старика, но, переправляясь через реку, я потерял казен-

---

[1] Яньло-ван (閻羅王 Ямараджа) — верховное божество преисподней.

ную бумагу. Вот уже двадцать лет я живу в страхе, боясь вернуться обратно. Но сегодня, благодаря вашим, господа учащиеся, стараниям, я наконец смогу доложить об исполнении приказа, ведь ныне, как говорится, шутка обернулась правдой!

Он благодарно поклонился и опочил.

У Чэнь Чжэн-миня в «Просмотренном на досуге в кабинете Дуньчжай» говорится о Ли Ань-ши из Тайсюэ, которого однокашники шуткой с поддельной грамотой из потустороннего мира довели до смерти, — весьма похоже. Но все же это разные истории.

Ван Ба-лан

Ван Ба-лан, богатей из уезда Биян, что в области Танчжоу, каждый год ездил с товарами в Цзянхуай и получал от поездок большую прибыль. Там он, как говорится, связал сердце шелковой нитью с одной певичкой. Каждый раз возвращаясь домой, к жене своей ничего, кроме злобы, не чувствовал, мечтая выгнать ее вон.

Жена Вана, женщина мудрая, родила ему четырех дочерей, и три уже были выданы замуж. Четвертая же была еще слишком мала, и женщина понимала, что сейчас не может позволить себя остаться без мужа. Пытаясь образумить Вана, она сказала:

— Мы с тобою муж и жена больше двух десятков лет! У замужних наших дочерей внуки родились! Коли выгонишь меня, куда мне идти?

Из очередной поездки Ван привез свою певичку и поселился с нею в переулке по соседству, на постоялом дворе. Жена его к тому времени продала понемногу все вещи, что были в доме, а вырученное от продажи спрятала в ларчик. В комнатах стало пустым пусто — словно в жилище бедняка. Ван, придя домой, увидел это, разозлился и заорал:

— Не могу больше жить с тобой! Сегодня же расстанемся!

Жена на это отвечала с воодушевлением:

— Раз такое дело, нельзя не сообщить властям!

Схватила мужа за полу халата и потащила в уездное управление. Там ее выслушали, позволили считать себя свободной, а имущество велели разделить пополам. Ван хотел было забрать к себе младшую дочь, но жена возразила:

— Мой супруг — человек безнравственный! Он бросает жену ради певички, и если отдать ему девочку, то ее непременно ждет печальная судьба!

Уездный начальник признал разумность ее слов и присудил девочку женщине, которая вместе с младшей дочерью переселилась в соседнее село. Женщина купила разные пузырьки и бутылочки и выставила их у ворот — как в доме торговцев.

Однажды бывший ее супруг проходил мимо и, вспомнив о былом, заговорил с нею:

— Ну и какая от твоей торговли выгода? Почему бы тебе не заняться чем-то другим?

— Все, что было между нами, ныне кончено! — прогнала его прочь бывшая жена. — Ты теперь мне простой прохожий! Как смеешь лезть в мои дела!

С тех пор они больше не общались.

Младшей дочери подошло время делать взрослую прическу, и мать выдала ее замуж в семью Тянь из Фанчэна [1]. К этому времени накопления женщины составили целых сто тысяч связок монет [2]. Все это досталось Тяням.

А Ван так и жил со своей певичкой. Потом он умер в дороге, где-то в Хуайнани. Через несколько лет после этого умерла и его бывшая жена.

Дочь устроила ей временную могилу, собираясь потом перезахоронить мать — она переживала из-за того, что останки отца покоятся далеко от родины, и послала за ними, дабы похоронить их вместе с телом матери. Отца и мать обмыли, обрядили и положили вместе — на одну лежанку, но едва караульный вздремнул на минутку, как тела развернулись спиною друг к другу! Их повернули их обратно, с плачем перенесли на ровное место, где покойные не могли бы случайно сдвинуться, но вскоре тела снова развернулись спиною друг к другу! Тогда род-

---

[1] Время делать взрослую прическу — пятнадцать лет, возраст женского совершеннолетия.

[2] Старые китайские монеты обладали квадратным отверстием посередине, через которое их нанизывали на шелковый шнур; единицей счета при этом выступала связка, в которой, как правило, помещалась тысяча монет.

ные поняли, какие чувства владели супругами. Они расстались при жизни, но и после смерти продолжали сердиться друг на друга. Тем не менее похоронили их в одном склепе.

Хуан Черный пройдоха

Хуан Дунь-ли из Шаоу в юности прогуливал учебу, да так и не выучился, зато нравом был отважен и проводил время в родной деревне в безудержных проказах. Земляки за черноту лица и лукавую изворотливость прозвали его «Черный пройдоха».

В десяти ли от того места, где он жил, стояла большая кумирня, все местные жители поклонялись ей с немалым почтением. Там скопилось большое количество подношений, которыми заведовал служитель кумирни. Пройдоха задумал забрать оттуда немного шелка, чтобы подарить своей невесте. Зная, что вряд ли его можно усовестить, служитель предложил:

— Отчего бы тебе не погадать на бирках, ведь если дух выразит дозволение, то и я запрещать не стану!

Пройдоха отвесил духам два земных поклона и произнес молитвенное обращение:

— Груды шелка в вашей кумирне лежат безо всякого употребления, и сколь бы было радостно для вас одарить меня ими в милости своей! Вот только

невежественный служитель не в состоянии постичь ваших желаний да к тому же придумывает разные отговорки. Так что если вы, великие князья, действительно хотели бы одарить меня, то мне выпадет такая-то бирка, если достанется другая бирка, значит, служитель исполнился ко мне сочувствия, и на это я бы больше всего надеялся, ну а если это будет этакая бирка, тогда, значит, все-все духи, что есть в этой кумирне, желают даровать мне испрошенное!

Тут уж служитель с возражениями не нашелся, и в конце концов Пройдоха ушел с шелком.

В другой раз, когда Пройдоха встретился с соседями, один из них решил подначить его:

— Вы же у нас известный храбрец! Если сегодня ночью вы, взяв сотню медяков, пойдете в кумирню и каждой тамошней статуе вложите в руку по монете, то по возвращении мы скинемся и выставим в вашу честь обильное угощение!

Пройдоха поспешно отправился к кумирне. Меж тем двое легкомысленных, но храбрых юнцов украдкой последовали за ним. Более короткой дорогой они добрались до кумирни раньше и затаились среди статуй, чтобы потихоньку подсмотреть, что Пройдоха будет делать.

Вскоре Пройдоха пришел, поклонился и вступил в кумирню со словами:

— Великие князья, пожалуйста, знайте, что Хуан Дунь-ли явился жертвовать деньги!

В темноте он стал обходить статуи духов, на ощупь жертвуя монетки. Если монету нельзя было

положить в руку, Пройдоха клал ее на плечо статуи. Скоро он добрался до того места, где стоял один из юнцов, и тот внезапно коснулся его локтя. Пройдоха решил, что это бес, и громко крикнул:

— Неужели великие князья не могут обуздать своих подчиненных?! Я же деньги пришел жертвовать, а некий чертяка так непочтительно себя ведет!

И пошел дальше как прежде, не выказав ровно никакого страха. Закончив, вышел за ворота кумирни и отправился домой. Соседи после этого исполнились к Пройдохе глубокого почтения.

С давних пор на северном берегу местной речки завелось некое странное существо, которое любило ночью затаиться у берега и, коли увидит, как кто-то переходит речку вброд, тут же обязательно взвалит того на спину и перенесет на другой берег. Кто-то поинтересовался, зачем оно это делает.

— Да нравится мне это! — отвечало существо. — И ничего больше.

Пройдоха решил, что однажды оно кому-нибудь точно навредит, отправился к месту обитания существа, бродил там несколько вечеров подряд — и существо по своему обыкновению переносило его на другой берег.

На четвертый день Пройдоха сказал:

— Долг платежом красен! Я так много раз пользовался твоею помощью, что в благодарность хочу немножко потрудиться и ради тебя.

Существо поблагодарило, но отказалось, и тогда Пройдоха силой взвалил его на спину. Он зара-

нее предупредил слугу, чтобы тот пучками подожженной травы раскалил громадный камень. Когда же выбрался на берег, бросил существо прямо на камень. Существо от боли взвыло, стало молить о спасении, но жар все прибывал — и наконец оно превратилось в большущую обезьяну с синей мордой. Пройдоха убил ее и бросил в огонь — зловоние разнеслось на несколько ли окрест! На том странности и прекратились.

Рассказал Сюй Фу.

САНОВНИК СЮЙ

В начале годов под девизом правления Шаосин расследующий державный наблюдатель Хань Шу-ся, обследовав дела в Сюаньюе, что в Хунани, возвращался в столицу — как вышел ему указ прибыть в Управление департаментов для доклада верховному государеву советнику [1].

В то время придворные правила этикета для чиновничества еще не установились окончательно. Некий сановник Сюй, известный своей небрежной

---

[1] Хань Шу-ся — сунский чиновник Хань Хуан (韓璜 XII в.), второе имя которого было Шу-ся 叔夏. Расследующий державный наблюдатель — своеобразное «око государево» на местах, разъездной цензор, следивший за злоупотреблениями местных чиновников.

надменностью и занимавший должность налогового эмиссара Чжэцзяна, прибыл раньше. Взглянул на зеленое одеяние Ханя, занявшего место низшего по рангу, и сделал вид, что вообще его не заметил [1]. Ожидание затянулось, и наконец Сюй спросил:

— Вы, господин, откуда приехали сюда?

— Из Хунани.

— Нынче должность получить не так-то просто, — сказал Сюй. — Нет толку даже в том, чтобы попасть на прием к императорской родне.

Вскоре после того, как прием закончился, Сюй увидел мелкого чиновника Управления, проходившего по галерее, и приветствовал его самым уважительным образом:

— То недавнее дельце сладилось исключительно благодаря вашим наставлениям!

Чиновник начал было смущенно благодарить, но, увидев Ханя, испугался и убежал. Сюй же, не сообразив, что произошло, не менее уважительно и почти в тех же словах приветствовал следующего чиновника, но и тот быстро ретировался.

Вскоре прибыл верховный государев советник, и распорядитель во всеуслышание пригласил Ханя:

— Прошу пожаловать в Цензорат!

Услышав это, Сюй в полном ужасе помчался к Ханю молить о прощении, но второпях задел рукавом сосуд с горячей водой, что стоял на жаровне.

---

[1] Зеленое одеяние — полагалось чиновникам с девятого по седьмой ранг, то есть чинам не самым высоким.

Сосуд опрокинулся, кипяток хлынул на угли, в воздух взвился пепел, заполнив все помещение, так что Сюю не удалось сказать ни слова.

В тот день Хань был назначен правым цензором и доложил обо всех злоупотреблениях чиновников, с какими столкнулся, рассказал, как Сюй, будучи на государственной службе, подлизывается к мелким служащим, чтобы решать дела, и Сюю дали отставку.

Через несколько лет Сюй был восстановлен на службе и назначен управлять Учжоу.

В то время Лю Ли-дао служил начальником Департамента церемоний и со дня на день должен был встать у кормила власти, но батюшке его не нравилось в Линьане, и тогда старика назначили судьей в Учжоу [1]. Он замешкался с представлением начальнику области, и Сюй стал бранить его:

— Вот что старикам вроде вас не сидится дома, а?

— Сын не позволяет, вот я и здесь, — отвечал отец Лю Ли-дао.

Сюй в испуге вытаращил глаза:

— А кто же ваш совершенномудрый отпрыск?

— Да-чжун! — был ответ.

Сюй мгновенно сменил гнев на радость:

— Сударь, вы столь величественны! Хоть и пожилой, а такой здоровый, крепкий! К чему вам возня с судопроизводством, тут как раз есть вакансия

---

[1] Лю Ли-дао — то есть сунский сановник Лю Да-чжун (劉大中 XII в.), чье второе имя было Ли-дао 立道.

наставника, прошу вас взять на себя бремя образования!

И назначил его ведающим всем областным образованием.

Помощник правителя области Чжу

На девятый год под девизом правления Шаосин (1139) срок службы помощника правителя области Юнчжоу Чжу Люя закончился, вместе с семьей он собрался в родные места. Добра у Чжу было очень много, а еще ему поручили перевезти казенное серебро стоимостью чуть ли не в двести тысяч связок монет. Чжу на лодке отплыл в Гуанси.

У Чжу была страсть — игра в облавные шашки [1]. Когда он садился за доску, то забывал и про сон и про еду. А еще он всегда мечтал померяться в искусстве шашек с каким-нибудь досточтимым монахом или отшельником — да так горячо желал, что охотно согласился бы провести время до конца жизни с таким человеком. И вот, когда Чжу был уже в пути, на очередном привале ему доложили, что явился некий даос и хочет его видеть, говорит — он великий мастер облавных шашек. Чжу очень обрадо-

---

[1] Облавные шашки — *вэйци*, в Японии известны также под именем *го*; стратегическая настольная игра; цель игры состоит в огораживании фишками участков доски так, чтобы туда не мог вторгнуться противник.

вался, велел скорее его звать. Вошел: высокий, красивые усы и борода, речь и манера держаться изысканные. Чжу пригласил его садиться, сыграть партию — просидели за доской до самой темноты, не чувствуя усталости. Чжу оставил гостя ночевать, выказав горячее желание ехать вместе и дальше.

— Я здесь по воле случая, — отвечал даос. — Обычно я стучу в ворота и прошу подаяния, тем и живу. Предложение сопровождать вас, господин, — редкая для меня удача!

Обрадовавшись еще больше, Чжу велел отчаливать, устроил гостя на корме и каждый день трапезничал с ним. С даосом в попутчиках был еще некий сюцай, что охотно выпивал и громко пел, а еще показывал небольшие волшебные фокусы детям [1]. Домочадцы и слуги Чжу полюбили его.

Так они ехали вместе дней двадцать, а когда достигли озера Чжунху, разразилась страшная гроза, и продолжать путь стало невозможно. Лодка причалила у берега. Чжу, как и раньше, был полностью поглощен игрой в шашки, но после второй стражи лодка вдруг закачалась и на нее запрыгнуло более десятка молодцов — они размахивали мечами и кричали. Малолетний сын Чжу в страхе схватил даоса за одежду, ища спасения. Даос почтительно сложил руки, поклонился Чжу:

---

[1] Сюцай — в сунское время: выдержавший ежегодные региональные экзамены претендент на занятие вакантной чиновничьей должности.

— Ваша семья оказала мне столь теплый прием, без вас я бы сюда никак не добрался! Так неужели после всего этого я позволю направить мечи против вас!

А затем велел молодцам связать Чжу и всех остальных и бросить их в воду. Наутро даос и разбойники поделили награбленное имущество, бросили лодку и ушли.

Власти местного уезда прознали об этом происшествии и послали чиновников осмотреть то место, но были найдены лишь беспорядочно плававшие в воде трупы — дознаться, кто это, не представлялось возможным. Однако в сторонке, на берегу, наткнулись на небольшой свиток — оказалось, это ведомость съестного, которое каждый день было потребно разбойной банде, где в начале были перечислены имена, всего семнадцать человек. Обо всем доложили в округ.

В итоге дело дошло до императорского двора, последовал указ послать людей во все концы, дабы схватить разбойников. Было обещано за поимку хотя бы одного разбойника даровать чиновничью должность даже и простолюдину, а также два миллиона монет в придачу.

Несколько лучников из уезда Цзяньчансянь, весьма поднаторевшие в ловле разбойников, были отряжены на их поиски, еще бродячий воин Жэнь Ци, второе имя Жу-сян, испросил у уездного пристава Ли Юна разрешения принять участие в преследовании.

Отправились на запад и, достигнув Чанша, увидели там торговца лекарственными средствами — стали окликать его именами из списка, и он на одно из них отозвался. Тут же позвали дозорных, торговца схватили, заставили показать, на каком постоялом дворе прячутся остальные. Нашли: комната была заставлена затянутыми темной кисеей шкафами, а в них — множество драгоценной утвари. Стали искать хозяина — а он уже сбежал через заднюю дверь, и это был тот самый ненастоящий даос! В Линьцзянской тюрьме схваченного торговца допросили, и он выдал Ван Сяо-гэ, одного из тех, с кем вместе убивал помощника правителя области Чжу. Следом за ним поймали еще десяток человек из банды. Даосу, его звали Пэй Сань, и сюцаю по имени Ван Сянь к великой досаде удалось сбежать.

Пристав Ли Юн получил августейшее повышение по службе и был назначен судьей в область Жаочжоу. Он мне это и рассказал.

Конь Ван Да-лана

В годы под девизом правления Чун-нин (1102—1106) житель уездного города в Уюаньсяне Ван Да-лан заполучил доброго скакуна совершенно волшебной повадки, по всем статьям из ряда вон выходящего. Он поручил ухаживать за конем одному

пареньку — тот ходил за скакуном столь умело, что конь скоро сделался упитанным и весь лоснился.

Из соседнего уезда прибыл скульптор, и некто заплатил ему за то, чтобы он вылепил конскую статую перед воротами в кумирню Пяти князей. Кто-то сказал в шутку:

— Если ему удастся что-то похожее на коня Ван Да-лана, то тогда это великий мастер и в благодарность еще и я ему денег добавлю!

Скульптор, желая блеснуть мастерством, тут же отправился к пареньку, стал угощать того вкусными фруктами, мало-помалу подружился с ним и втерся в доверие. Однажды напоил вином, увел в горы и, пока пастушок спал, самым тщательным образом замерил рост и прочие стати коня, вплоть до ушей, глаз, морды и волосков в гриве — абсолютно все до мельчайших деталей, не забыл измерить и самого пастушка.

Получив необходимое, скульптор пришел к кумирне и начал работать. А когда закончил — получился точь-в-точь конь Ван Да-лана и пастушок рядом. Когда же гадатель определил благоприятный день, скульптор нанес последний штрих — сделал лошади глаза, и едва отнял руку, как конь Ван Да-лана вдруг взбесился и помчался прочь. Пастушок кинулся следом, догнал его и вскочил верхом — они поскакали прямо к еловой заводи, что к югу от города, прыгнули в воду и утонули.

После этого глиняная лошадь повадилась каждую ночь ходить к озеру пить воду или же поедать

посевы на полях близлежащих деревень, после чего на озерном берегу и на полях всякий раз находили отпечатки конских копыт, а на губах глиняной лошади — присохшую ряску, и на дороге — брошенные колоски. Пастушок тоже являл чудеса: к тем людям, что возносили молитвы в кумирне, часто приходил во сне с благодарностью.

Все прекратилось лишь в начале годов под девизом правления Сюань-хэ (1119—1125), когда восстал Фан Ла и кумирня сгорела [1]. И поныне тамошние старики рассказывают об этом.

Со слов Ли Цзэн.

Шаманка-колдунья из Цзиннани

В Цзиннани была шаманка-колдунья, которая чудесным образом предсказывала людям счастье и несчастье. Она бесчинствовала в деревнях, а окружные и уездные власти опасались против нее слово молвить.

Некий Гао из Усина был назначен начальником Цзянлина. Насмотревшись на то, как несказан-

---

[1] Фан Ла (方腊 ?—1121) — предводитель народного восстания, начавшегося в 1120 г. на территории нынешнего Чжэцзяна, распространившегося на Аньхой, юг Цзянсу и северо-восток Цзянси и подавленного летом 1121 г.; Уюаньсянь был также захвачен восставшими; Фан Ла был пленен и казнен в столице империи.

но мучаются люди, он хотел было наказать шаманку палками, но старший чиновник со слезами стал его отговаривать, просил ее не трогать, не то она нашлет огромную беду. Гао разгневался пуще прежнего и велел бросить чиновника наземь рядом с шаманкой и дать и ему тоже двадцать батогов. Наказанная шаманка вины не признала и удалилась с веселой ухмылкой.

И вот, спустя время, которого довольно, чтобы поесть, Гао почувствовал на лице некие небольшие вздутия, взял зеркало, всмотрелся — а лицо на глазах опухает! Скоро остались лишь узкие щелки глаз. Гао кликнул подчиненного, спросил, где та шаманка живет, и велел отправиться к ней вместе с ним. Подчиненный, полагая, что Гао хочет навестить шаманку, дабы извиниться, рассказал ему, как ее найти.

Оседлали коней, выехали за ворота и, проскакав более тридцати ли, к закату прибыли на место — к полуразрушенной хижине на пустыре. Шаманка приветливо вышла им навстречу, однако Гао велел сопровождавшим его солдатам связать ее и примотать к столбу у ворот, потом приказал пороть ее плетьми — без счета, а также расколоть все изображения духов и сжечь все книги заклинаний. Шаманка же стояла, как ни в чем не бывало.

Потом зашли в ее хижину. Нашли там маленький бамбуковый короб, сломали замок, открыли — а внутри, переложенный несколькими десятками слоев ткани, лежит маленький деревянный человечек. Искрошили его в щепу. Тут только шаманка начала

проявлять беспокойство, а ведь на ее теле от побоев уже живого места не осталось! И отек лица Гао постепенно стал спадать — будто и не было его.

Шаманку привезли с собой в уезд. На другой день Гао явился в областное присутствие и со всей откровенностью доложил:

— Эта чародейка вела себя необузданно, и я не пожалел самой жизни, чтобы помочь людям избавиться от подобной напасти. Одного боюсь: кто-нибудь проговорится, и тогда шаманке помогут сбежать, а потому не надо об этом деле никому рассказывать. Сейчас она уже на грани смерти, о чем и осмеливаюсь сообщить!

Правитель области высоко оценил решимость Гао, издал указ о, как говорится, исчерпании срока жизни шаманки, а тело ее велел выкинуть в реку.

Рассказал Чжун-бин.

Судебный надзиратель Сюй

Зимой года под девизом правления Цзин-кан (1126) цзиньцы снова перешли Реку [1].

Хэбэйский судебный надзиратель Сюй Кан оставил Локоу и поспешно бежал в направлении Цзияна. На срединных равнинах царил хаос, и он не сумел напрямик добраться до нужного места, но вмес-

---

[1] Р е к а — то есть Янцзыцзян.

те с двумя сыновьями и десятком сопровождающих солдат достиг Нанькана, кружным путем обходя большие дороги и пограничные заставы. Не желая попадаться на глаза тамошним областным и уездным чиновникам, Сюй направился в горы Лушань, где нашел пристанище в башне небольшого буддийского монастыря.

Однажды у его слуги вышла стычка с монахом, когда они собирали овощи в огороде, и монах тайком отправился в область.

— В монастырь явились бежавшие от врага солдаты, которые грабят нас! — доложил монах. — И их много!

Правитель области Ли Дин поверил его словам и послал вооруженных людей окружить монастырь. Схватили Сюя, его детей и солдат, что были при нем, и всех препроводили в узилище. Оказавшись в присутственном месте, Сюй стал громко кричать о своей невиновности, что он всю жизнь был чиновником и какие посты занимал.

— Да неужто может быть, чтобы провинциальный надзиратель, прибыв сюда, не пришел нас поприветствовать, а вместо того спрятался? — спросил Ли.

И велел тюремным служащим учинить строгий допрос, однако те ничего не добились. Тогда в камеру к Сюю подсадили младшего архивариуса, с тем чтобы он прикинулся сочувствующим и вызнал истину. Архивариус принес вина, оно было выпито, но никаких признаков того, что Сюй разбойник, так

и не было обнаружено. Вдобавок Сюй так поспешно бежал на юг, что в суматохе потерял жену и наложницу, при нем не осталось ни одного документа, удостоверяющего личность, — Сюй никак не мог обелить себя, и правитель области находился в сомнениях, не зная, как разрешить это дело.

Старший сын Сюя хорошо толковал сны, и Сюй сказал ему:

— Мне приснилось, будто мы с тобой и твоим братом идем в дождь под зонтами, и вдруг налетает страшный ветер, вырывает зонты из наших рук и уносит прочь. Это к добру или к лиху?

Старший сын заплакал.

— Это очень несчастливый сон, предвещающий, что мы скоро расстанемся!

Вечером того же дня снова пришел архивариус с большим количеством вина и закусок — устроил пир для Сюя и его сыновей. Поднес Сюю полную чашу вина и сказал:

— Прошу вас, судебный надзиратель, выпейте всласть! Ведь скоро обоих ваших сыновей переведут в другое место.

Когда пиршество закончилось, каждого заточили в отдельную камеру, а едва минула полночь, умертвили железными молотами.

Ли подал в высшие инстанции доклад, сообщая о своих заслугах в уничтожении разбойников, но не успели доклад отправить, как Ли внезапно умер. И все причастные к этому делу в течение месяца один за другим умерли тоже, в живых остался один архивариус.

Чжоу Си-жуй из Яньлина некогда был главнокомандующим в Нанькане и служил там примерно в одно время с Ли, и его сын Цзюэ слышал эту историю от архивариуса.

Сюй Кан стал чиновником, сдав экзамены по военной линии.

Книжник Ван из Цзинани

Книжник Ван из Цзинани был из рода государева советника Ван Цин-цзэна [1]. Сдав экзамены, покинул столицу и, проехав несколько десятков ли, решил остановиться на отдых в доме, что стоял у дороги. Хозяин оказался тоже из ученых — пригласил Вана остаться и выпить вина.

Ван заметил, что за домом книжника высятс-стоят другие строения — окна закрывали изумительной прелести занавеси — и спросил, кто там обитает.

— Один чиновник, назначенный в Соляное ведомство в Минь, — отвечал хозяин. — Сам он отправился к месту назначения, а семью пока оставил здесь ожидать, пока он не вступит в должность. Уже месяц прошел!

---

[1] Ван Цин-цзэн (王慶曾 кон. XI—перв. пол. XII в.) — сунский сановник, государевым советником был назначен в 1142 г.

Ван издалека незаметно вгляделся — а там ходит девушка, очень молодая и красивая. Ван уставился на нее и не мог отвести глаз.

Настал вечер. Хозяин пригласил Вана переночевать, заговорил с ним, стал расспрашивать о том, откуда он и какого рода. Выяснил, что Ван еще не женат, и сказал ему:

— А ведь у этого чиновника в семье есть дочь прелести несказанной, и меня как раз попросили подобрать ей достойную пару. Вам, быть может, это интересно?

Ван с радостью согласился, но выразил опасение, что дело не сладится. Тогда хозяин взял сватовство на себя, и на другой день сговор совершился.

Мать девушки пригласила Вана к себе и сказала ему:

— Супруг мой сейчас далеко, вступает в должность. Он так горячо любит свою дочь и так давно искал ей достойную пару, но мы никак не думали, что столь внезапно обретем настолько прекрасного зятя! Однако же что вы, что мы сейчас в дороге и не можем провести все положенные церемонии, так что давайте их опустим! [1]

---

[1] Положенные церемонии. — Обычно при заключении брака их было шесть: жених посылал в дом семьи невесты гуся, демонстрируя тем самым свое желание породниться; после происходило узнавание имени невесты, дабы провести гадание о благоприятности брака; далее семья невесты извещалась о положительном результате гадания (во время этих этапов в семью невесты также посылали подарки), далее проводился обряд посылки

Наспех приготовили сговорные дары, выбрали счастливый день и поженили молодых, после чего Вану и его новой жене было позволено продолжить путь на его родину, в Цзинань, вместе. Вскоре из Минь как раз прибыл посланец с письмом, что можно уже отправляться в дорогу, и Ван распрощался с тещей. Больше он о родственниках жены ничего не слышал и не находил в этом ничего подозрительного. Жена же его держала себя совершенно непринужденно.

Прошло четыре-пять лет, и она родила мужу двоих сыновей. В повседневной жизни и обыденных привычках она ничем не отличалась от других женщин — единственно, когда мальчик-слуга приносил ведра с колодезной водой, она брала только первое, а остальные выливала, говоря, что там вода нечистая. Еще при ней была девочка-служанка, взятая из дома, и жена Вана ела приготовленную только ею пищу и носила сшитое только ею платье. Если кто другой готовил или шил, не принимала. А по ночам приказывала служанке спать у ее ложа.

Однажды она вдруг сказала Вану:

— Что-то я неважно себя чувствую, должна прилечь. Не входите ко мне в комнату и не тревожьте меня.

закрепляющего свадебный сговор подарка в дом невесты; после определялся благоприятный для бракосочетания день и ожидалось согласие из семьи невесты; наконец, происходила церемония встречи невесты в доме жениха.

Ван согласился.

Тут вдруг загрохотал гром, полетели молнии, хлынул как из ведра дождь, вспышки сверкали, полыхая огнем, — все домочадцы Вана были перепуганы. Вдруг в один миг все стихло — и оказалось, что жена и ее служанка пропали неведомо куда!

До этого, когда Ван только направлялся в столицу, в некоем месте он проезжал мимо кумирни Матери драконов и зашел в нее совершить поклонение. Там стояла статуя девы-дракона — обликом совершенно прелестная! У Вана забилось сердце, он взмолился про себя, что, если бы когда-нибудь ему выпало жениться на подобной девушке, счастью его не было бы предела. Когда же он вышел за ворота кумирни, то увидел: на седле его лошади свилась кольцами огромная змея, и как он ее ни гнал — не уползала. Ван очень испугался, вернулся в кумирню и вознес молитву об отвращении беды, а когда выглянул — змеи не было. А потом случилась эта удивительная встреча в пути.

Люди знающие подозревают, что жена Вана и была той самой девой-драконом.

Сунь Пятый брат

У жителя Чжэн Сунь Юя был дядя по фамилии Ван. Лет в восемнадцать-девятнадцать Сунь побывал в доме у дяди и повстречал там его дочь — ее

звали Чжэнь-чжэнь. Сразу полюбив друг друга, Юй и Чжэнь-чжэнь уговорились пожениться.

Вернувшись домой, Юй стал неотрывно думать о Чжэнь-чжэнь. Тут как раз к ним в дом явилась сваха, и мать стала выспрашивать, каковы намерения Юя.

— Только Чжэнь-чжэнь! — отвечал он.

Мать Юя души не чаяла в сыне и тут же отправилась к своему старшему брату.

— У меня уже есть несколько зятьев и все они чиновники! — отвечал Ван. — Только племянник мой еще не на службе. Вот если он выдержит экзамены на родине, отдам за него дочку!

Юй и без того любил учение, а после того стал заниматься еще усерднее. Два раза он участвовал в экзаменах в Гусу, но безуспешно.

Чжэнь-чжэнь тем временем стала совсем взрослая, и больше ей сидеть в девушках было нельзя. Родители дали согласие на сватовство сына младшего опекуна наследника престола Чжао Ми [1].

Юй приехал в Линьань, навестил там двоюродного старшего брата. Потом дядя пригласил его на пир, и там Чжэн-чжэнь, улучив момент, со слезами шепнула Юю:

— Я уже принадлежу другому, наше с вами дело не сладится!

Услышав это, Юй не стал задерживаться и сразу отправился в Куньшань, в старое поместье их

---

[1] Чжао Ми (趙密 1094—1165) — южносунский сановник и военачальник, на пост младшего опекуна наследника трона был назначен в 1164 г.

семьи. В дороге он повстречал своего племянника Сунь Гэ и пригласил его на лодку в попутчики.

— Правду ли болтают, что от тоски можно слечь больным? — спросил Юй племянника. — Дни напролет я подавлен, объят хандрой, внутри все разрывается, будто режут меня на куски... Умру я от этого!

Гэ некоторое время пытался мягко увещевать его, но в конце концов сказал с упреком:

— Вы, дядя, еще так молоды, у вас есть любящие родители, но вы не в силах преодолеть любовную страсть — да вся родня будет потешаться над вами!

Приехали домой. Юй разместил Гэ во внешнем флигеле. Сам лег спать на плетеную лежанку в доме.

Вдруг в полночь он вбежал к Гэ, разбудил:

— Едва сомкнул я веки, но еще не заснул, как слышу: кто-то зовет Пятого брата [1]. Смотрю — а это Чжэнь-чжэнь! Я вмиг слетел с лежанки, но ее и след простыл! Это ведь доброе предзнаменование?..

Гэ пробыл у Юя еще с десяток дней, а потом отправился в Линьань и там узнал, что как раз в то время Чжэнь-чжэнь совершила свадебный обряд с молодым Чжао. А на другой день во время праздничного застолья она вдруг увидела стоявшего неподалеку человека. «Пятый брат, откуда вы здесь?..» — в испуге спросила она и после того слегла. Лишь спустя месяц ей стало немного лучше.

---

[1] Пятый брат — видимо, домашнее имя Сунь Юя.

В это же самое время недуг охватил и Юя. Он исхудал так, что остались лишь обтянутые кожей кости. Вместе с матерью он отправился в Гусу к лекарю. Подошли к городским воротам, и Юй сказал матери:

— В моей болезни самое наихудшее — рвота и кровохарканье. Если только они начнутся, значит, мне уж определенно не выжить!

Только сказал, и ему сделалось дурно. Юя вырвало большим количеством свежей крови, и он тотчас умер.

А ведь в вечер, когда Чжэнь-чжэнь видела Юя на пиру, он был еще в добром здравии! Возможно ли, что уже тогда его душа покинула тело? Он не осознавал, какой вред ему причиняют несбыточные мечтания, а ведь это самое опасное, и оттого я записываю историю, что произошла с ним другим в назидание.

Чжэнь-чжэнь жива и поныне.

Врата в Хуаян

Ли Да-чуань был из Фучжоу. На жизнь зарабатывал, путешествуя по Цзянхуаю и гадая людям.

В годы под девизом правления Чжэн-хэ (1111—1118) он приехал в Хэчжоу. Был конец года, никто в гаданиях не нуждался.

В первый день нового года хозяин постоялого двора вместе с Ли отправился в пригород. Там они увидели поток ключевой воды, ниспадавший подобно занавесу, он струился над входом в пещеру — очень красиво! Поддерживая друг друга, они забрались на гору и стали любоваться течением воды.

Мало кто забирался в те места. Мох под ногами был скользкий, и Ли сам не заметил, как свалился вниз. Времени прошло столько, сколько нужно, чтобы два раза поесть, как вдруг он шлепнулся на траву, живой-невредимый, без единой царапинки. Огляделся: пещера, очень темно, как ночью. Подняться обратно наверх Ли был не в силах — убился бы. Он пошарил вокруг правой рукой — пустота, вытянул левую, уперся в каменную стену и пошел вдоль нее на ощупь — куда-то вниз: места, чтобы идти, было достаточно. Мало-помалу впереди забрезжил свет, Ли разглядел справа пещерное озеро, в котором как раз распустились свежие цветы лотоса, и, хотя его мучили голод и жажда, до цветов и воды Ли так и не смог дотянуться.

Вскоре стало совсем светло. Впереди показались каменные ворота. Ли подумал было пройти через правые, но испугался, что забредет уж совсем неведомо куда, и потому пошел в левые. Так повторялось трижды, пока Ли не вышел в большую пещеру, где не было ни цветов, ни воды и куда не проникал солнечный свет, хотя там все равно было светлее, чем в обычном мире. Посреди пещеры располагалась каменная доска с расставленными на ней шашками.

Откуда-то доносилось напевное чтение буддийских сутр, но никого не было видно.

Вдалеке Ли разглядел некоего человека, будто бы сидевшего и расчесывавшего волосы, но, когда подошел поближе, там никого не оказалось. Внезапно Ли вышел в густой лес, сумрачный и такой страшный, что волосы встали дыбом. Ли в ужасе бросился бежать и выскочил на широкую равнину, залитую солнечным светом. Он обрадовался так, словно родился заново, замедлил шаг и вскоре увидел неподалеку буддийский монастырь.

У ворот монастыря Ли присел передохнуть.

Вышли монахи, спросили, что он тут делает. Ли ответил. Монахи пришли в сильный испуг, стали требовать подробностей, но Ли сказал:

— Сначала дайте мне воды, а уж потом я обстоятельно все расскажу.

Его пригласили в монастырь, приготовили поесть, и Ли изложил свою историю во всех деталях. Монахи вздыхали в восхищении:

— Передают, что в этой горе есть пещера, в которой находятся задние врата страны бессмертных Хуаян, но пока что никому туда пройти не удавалось!

— А где я нахожусь? — спросил Ли.

— На границе с Чучжоу.

— А какой сегодня день?

— Седьмой день нового года.

— Для меня семь дней пролетели как один! — воскликнул Ли.

Монахи, запасшись оружием, попросили Ли показать им путь, которым он пришел, но их поджидали лишь разные несуразицы и неприятности. Дороги отыскать так и не сумели.

Пока Ли возвращался в Хэчжоу, спустилась ночь. Он постучал в дверь своего постоялого двора и на вопрос хозяина, кто там, назвал свое имя. Тут же все, кто был на постоялом дворе, стали кричать:

— Беда! Беда!

— Я не демон вам какой! — крикнул в ответ тоже Ли. — Чем я провинился?!

Только тогда ему открыли.

Ли пробыл там еще несколько дней, а потом отправился на родину.

Он часто рассказывал эту историю. Однажды над ним стали смеяться:

— Ну ты и глупец! Где, как не в обители бессмертных, в самый первый день нового года распускаются лотосы? И еще те ворота каменные: откуда ты узнал, что правые уведут далеко, а через левые можно выбраться? А?

— Да ведь я тогда от смерти спасался! — отвечал Ли. — Когда мне было все это обдумывать? Теперь, конечно, сожалею, но что толку?

У Ли есть сын. Сейчас он в Линьчуани.

Рассказал Чэнь Э, а слышал он это от самого Ли Да-чуаня.

Женщина из Динчжоу, что набирала воду

В монастыре Кайюаньсы, область Динчжоу, останавливалось много приезжих.

Однажды несколько таких приезжих сидели перед монастырскими воротами и увидели женщину, набиравшую воду из колодца. Один приезжий прекрасно владел магией и, решив подшутить, сделал так, что женщина не могла сдвинуть с места ведра с водой. Однако он не знал, что та женщина и сама была сведуща в магическом искусстве. Она обернулась и попросила:

— Господа, пожалуйста, не надо шутить.

Ее словам не вняли.

— Раз так, и вы хотите помериться силами, то это можно! — выждав немного, сказала тогда женщина.

Бросила наземь коромысло — и оно превратилось в маленькую змейку. Приезжий поспешил набрать горсть грязи и начал споро рассыпать ее по земле — насыпал поочередно более двадцати кругов и встал в центральный. Змейка доползла до кругов, но преодолеть их не смогла. Тогда женщина набрала в рот воды и прыснула на нее: змейка стала больше и поползла через круги.

— Бросьте эти детские забавы, сударь! — со всею искренностью попросила женщина.

Приезжий по-прежнему сохранял спокойствие. Когда змея вползла в пятнадцатый круг, женщина снова прыснула на нее водой, прикрикнула — и та сделалась размером со столб, проникла в центральный круг и приготовилась наброситься на приезжего, когда женщина снова попросила его прекратить игры. Приезжий опять ее не послушал. Тогда змея обвила его с ног до макушки — не освободиться.

Поглазеть на это собрались прохожие — несколько сотен людей. Приятели того приезжего хотели было бежать за помощью к властям, но женщина рассмеялась:

— Ничего ему не сделалось!

Протянула руку, сняла змею, бросила наземь — а это снова всего лишь коромысло!

— Ваше искусство не так совершенно, — с улыбкой сказала она приезжему. — Как же вы посмели состязаться? Столкнетесь с кем другим — в живых не останетесь!

Приезжий дважды поклонился, умоляя о прощении, а потом шел за женщиной до самого ее дома, упрашивая взять в ученики.

И-НЯН ИЗ ТАЙЮАНЯ

Столичный житель Ян Цун-шан оказался на захваченных землях в Юньчжуне.

Однажды по делам он приехал в Яньшань и, сидя в винной лавке за чаркой, вдруг увидел на сте-

не надпись, под которой стояло: «И-нян из Тайюаня». Это оказалось короткое стихотворение, в котором говорилось о желании найти пропавшего супруга. Посмотрев еще раз на подпись, Ян узнал руку жены своего двоюродного старшего брата Хань Шихоу — госпожи Ван. Со времени военной неразберихи, когда они расстались, Ян не получал ни от Ханя, но от его жены никаких вестей. Он внимательно пригляделся к надписи: тушь еще не успела просохнуть! Ян кинулся с расспросами к хозяину, и тот отвечал:

— Вот только что приходила выпить вина компания дам, одна из них попросила кисть и написала. Да они, верно, еще не ушли далеко!

Ян вскочил, поспешно бросился искать. Глядит: впереди несколько человек, среди них — женщина, в пурпурном одеянии и головных украшениях в виде золотых лошадок. Шея женщины закрыта полосою шелка. Увидев Яна, она замерла в испуге. Не смея окликнуть его, она лишь время от времени вскидывала глаза, чтобы убедиться, что Ян идет следом. С наступлением темноты прохожих не стало, и И-нян привела Яна к воротам некоей усадьбы. Остановилась и сказала:

— Вместе с супругом бежала я в чужие края и добралась до Хуайсы. Там нас схватили мятежники. Их предводитель, которого называли начальник Саба, захотел овладеть мной. Долг не позволил мне подвергнуться такому поруганию, я решила покончить с собой, перерезала себе горло, но не умерла.

Супруга предводителя, госпожа Ханьго, узнав о случившемся, пожалела меня, вылечила и взяла в свое окружение. Так я неожиданно рассталась с мужем и не знаю, где он сейчас! Слышала только, что служит где-то в землях к югу от Реки. Каждый раз, как вспомню обо всем этом, не могу удержаться от слез!.. А это — усадьба Ханьго. Сегодня вместе с другими девушками я отправилась на прогулку, внезапно расчувствовалась и написала на стене те самые стихи. Я и подумать не могла, что они попадутся вам на глаза!.. Если выпадет случай, непременно навестите меня. А если узнаете что о моем супруге, то я буду счастлива, коли пошлете весточку!

Ян, опасаясь, как бы не вышел кто-то из обитателей усадьбы, не осмелился задерживаться дольше и с грустью в сердце распрощался с И-нян. Хоть всем сердцем он и стремился к ней, но прийти больше не посмел.

Позже Ян, будучи все в той же винной лавке, где он прочитал на стене первые стихи, вдруг увидел на другой стене новую надпись. Это были стихи скорби о потерянной жене, их определенно мог написать лишь Хань Ши-хоу. Теряясь в догадках, так ли это, Ян снова бросился расспрашивать хозяина.

— На казенное подворье с юга прибыли послы для переговоров о мире, и четверо или пятеро из них заходили ко мне выпить вина. Наверное, кто-то из них и написал! — отвечал хозяин.

В то время еще не были обнародованы ограничения и запреты, так что послы могли выходить куда угодно и свободно общаться с посторонними.

Ян поспешил на то подворье и действительно повстречал там Ханя. Схватившись за руки, они плакали и смеялись. Когда же речь зашла о том, где сейчас И-нян, Хань горестно произнес:

— Когда мы столкнулись с этими мятежниками, И-нян перерезала себе горло, я сам видел! Ее уж нет в живых.

Ян, памятуя о просьбе И-нян, повел Ханя к усадьбе, но там царила тишина — никто не жил, а двор густо зарос дикими травами.

У стены они наткнулись на старуху, сучившую пряжу, и приступили к ней с расспросами.

— Да, действительно здесь была И-нян, — подтвердила она. — Да только не живая! Давно уже госпожа Ханьго, исполнившись участия к ее целомудрию и чувству долга, предала тело И-нян огню, позднее и сама госпожа Ханьго опочила. Останки обеих и похоронены здесь.

И старуха показала им то место.

Ян и Хань проникли в усадьбу, как вдруг в боковой галерее неясно-смутно промелькнула И-нян и скрылась в доме! Оба были в ужасе, но раз уж оказались во дворе, то, преодолев себя, последовали за нею. Вошли, видят: домашний зал предков госпожи Ханьго, а сбоку помещено изображение И-нян — одежда, облик ровно такие, как запомнились Яну.

Вне себя от горя вернулся Хань на подворье, приготовил вино и жертвенное мясо, написал текст молитвенного обращения, желая забрать сожженные останки и отвезти их на родину, стал кланяться и вознес молитву:

— Хочешь ли ты ехать или нет? Дай знать голосом или тенью своей.

Прошло довольно много времени, и вдруг появилась И-нян.

— Я так тронута вашей, господин, любовной привязанностью, что одинокая душа моя прилетела к вам. Могу ли я не желать оказаться на родине?! Но вот я отправлюсь с вами на юг и, удостоившись вашего благосклонного внимания, упокоюсь в одиночестве, а вы задумаете жениться снова и перестанете обращать на меня внимание — нет, уж лучше мне не ехать на юг!

Рыдая, Хань поклялся не жениться вновь, тайком раскопал могилу, достал останки и унес с собой. Добравшись до Цзянькана, совершил все положенные церемонии, погадал о благоприятном дне и совершил захоронение. Каждые десять дней приходил он проведать могилу.

Прошло несколько лет, и Хань, страдая без семьи, в конце концов женился снова. Конечно, уход за могилой был теперь уже не тот, и вот И-нян, вне себя от гнева, явилась Ханю во сне:

— Раньше мне было очень спокойно, но вы, господин, силой перевезли меня, а теперь еще и клятву свою нарушили! Не выдержали одиночества! Что ж, вкусите того же, что и я!

От горя и тоски Хань заболел. Он понял, что смерть неизбежна, и через несколько дней действительно умер.

Тетка Чэнь

На четвертый год под девизом правления Сюань-хэ (1122) простолюдин, что торговал в столице фруктами, повстречал в ночи женщину, изящно накрашенную и редкой красоты. Они заговорили. Женщина пригласила его в некое место, где они предались развратным ласкам, а потом женщина щедро одарила торговца одеждой и утварью.

С этого времени они стали встречаться каждую ночь, и торговец получил от нее много разного добра. Он стал носить украшения и роскошные одеяния, однако с каждым днем чувствовал себя все хуже. Ни лекари, ни шаманы не могли принести ему облегчения.

А был некто Лю, начальник стражи внутренних императорских покоев. Он твердо придерживался воздержания, не ел скоромного, питался лишь орехами и пил одну воду. Лю умел умирять бесовскую нечисть. В столице его прозвали «Императорский попечитель Лю, любитель орехов».

Родители торговца устремились к нему с мольбами о помощи.

Лю позвал их сына, осмотрел его и воскликнул:

— А, так это та тварь все же чудит! Я давно подозревал, что она станет безобразничать. И вот, пожалуйста!

Лю отвел родителей к дому тетки Чэнь, что была повивальной бабкой. У ворот там стояла резная деревянная фигура женщины, в красивой одеж-

де, с украшениями. От времени краски, которыми она была раскрашена, потускнели, но сейчас их подновили, так что одежда ее выглядела как новая. Статуя эта стояла тут еще со времен прадедов, никто и не помнил, сколько ей лет.

Лю откинул легкий платок с головы статуи и велел торговцу взглянуть — оказалось, та самая женщина, что являлась к нему по ночам!

Тогда Лю соорудил во дворе тетки Чэнь алтарь, стал ходить магическим шагом и творить заклинания, зажег сорок девять факелов и от их огня поджег статую — только после этого наваждение отступило.

Книжник Лю из Шэньси

В начале годов правления под девизом Шаосин земли к югу от Реки были захвачены узурпатором из Ци. В тем места разведчиком был послан чиновник Военного совета по имени Ли Чжун. Сам Ли был родом из Цзинь — нрава молодецкого, легко завязывал дружеские связи, многие его знали.

Прибыв в столицу, Ли встретил там своего давнего знакомца Тянь Сяна. А Сян тот был человек бессовестный и ненадежный. Он знал, что Ли приехал с юга, за что по местному закону полагается смерть, и если он сообщит о Ли властям, то получит

щедрое вознаграждение, а потому решил прибегнуть к шантажу:

— Как-то ты взял у меня три сотни связок монет, так верни их!

— Да как такое может быть? Да я бы лучше умер! — в сильном гневе вскричал Ли.

Некий Лю из Шэньси услышал их разговор.

— Совершенно ясно, что этот Сян — человек бесчестный, — сказал он Ли. — Но вы, господин, здесь словно в глубокую яму провалились и не докажете, кто из вас говорит правду. Что важнее: жизнь или деньги? Если грозит провалить большое дело, то лучше уж дать наглецу то, чего он требует, чтобы заткнуть ему рот.

Ли подозревал, что Лю говорит так по наущению Сяна, но делать было нечего, и он предложил Сяну половину требуемого.

— Не берите близко к сердцу! — сказал ему Лю. — Я сумею вернуть вам деньги назад, господин!

— Это будет прекрасно! — кивнул Ли.

Сян же, заполучив деньги, накупил товара и собрался по торговым делам в Фэнь и Цзинь.

— Мне тоже туда надо, — сказал Лю. — Не позволите ли присоединиться к вам?

Отправились вместе.

Пересекая Хэчжун, остановились немного отдохнуть на речной отмели. Сян и Лю, а также двое слуг, что вместе с ними несли на коромыслах товар, сбросили груз и уселись на песок. Вокруг не было ни души.

Лю стал расспрашивать Сяна, откуда тот родом да сколько ему лет, и Сян отвечал.

— Но ведь ты — подданный Срединного царства! — воскликнул Лю. — Ты же питался, как говорится, с земель и вод сунского двора!

— Точно так, — согласился Сян.

— Я ведь тоже был подданным Сун, — продолжал Лю, — но, к несчастью, оказался на захваченной самозванцами местности. Каждый день страдаю я из-за того, что не могу послужить императорскому двору!.. А ведь любой, кого двор посылает сюда лазутчиком, собирает по большей части всякие разные пересуды, что слышит в пути, или слухи, какие толкуют на постоялых дворах, — как мало в том правды! Хорошо, что сейчас приехал такой честный человек, как господин Ли, и мы должны все силы свои отдать, чтобы помочь ему. А вы напротив — шантажом выманили у него деньги!

— Но он и вправду был мне должен! — продолжал стоять на своем Сян.

— Мне все известно! — оборвал его Лю. — Подробнейшим образом я осведомился об этом деле и знаю все в деталях. Между нами прежде вражды не было. Но теперь, боюсь, из-за таких, как ты, люди из высших слоев общества на юге будут думать, будто тут, на севере, мы все подобны тебе, а это противно моим представлениям о верности государю и долге!

Тут Лю схватил топор и зарубил Сяна, а его слуга убил слугу Сяна, трупы сбросили в реку.

Все купленные Сяном товары Лю привез обратно в столицу и отдал Ли, а потом рассказал, как вышло дело. Ли хотел половину добра отдать ему в благодарность, на что Лю со смехом отвечал:

— Да неужто я убил его, думая о собственной выгоде!

Почтительно, церемонно поклонился и ушел.

Ли же, вернувшись на юг, всем рассказывал эту историю. Только имя Лю он позабыл. А жаль!

Жена помощника цензора Вана

В начале годов под девизом правления Шаосин, когда захватчики, проникшие повсюду, еще не умиротворились, житель Бяньцзина — помощник цензора Ван, взяв с собой жену и наложницу, прибыл в Линьань за новым назначением. Остановился было на улице Баоцзяньин, осмотрелся — а кругом дома певичек, место неподходящее. Тогда он отправился искать дальше и арендовал дом у местного жителя на другом переулке. Вернувшись, сказал жене:

— Я нашел жилище там-то у такого-то — и чисто и очень просторно! Завтра сначала перевезу туда имущество, а потом найму паланкин для тебя.

На другой день Ван отправился туда. Вскоре после его отъезда прибыл паланкин, и жена поехала следом.

Прошло уже много времени, а паланкина все нет и нет. Ван вернулся на старую квартиру, стал искать — а жены тоже нет!

Живший по соседству старик сказал ему:

— Вскоре после того, как вы, господин, отбыли, появился паланкин, ваша супруга села в него, наложница пошла следом. Может, они заблудились?

Ван в крайнем беспокойстве поспешил назад, но жена пропала, и он не представлял, где искать.

Прошло пять лет.

Ван получил место областного преподавателя в Цюйчжоу. Однажды он был приглашен на пир к начальнику уезда Сианьсянь. Там подавали изумительно приготовленную черепаху — все гости угощались с большою охотой, а Ван проглотил лишь маленький кусочек, отложил палочки и горько заплакал.

Начальник уезда спросил, в чем дело.

— Вспомнил я, что моей пропавшей жене, когда мы еще были вместе, лучше всего удавалось как раз это блюдо. — отвечал Ван. — Она обязательно удаляла всю черепашью черную кожу, резала мясо одинаковыми кубиками — очень похоже на то, что стоит на столе. Вот отчего я плачу.

Ван рассказал начальнику уезда свою историю, и тот тоже огорчился.

Отговорившись тем, что ему нужно сменить платье, начальник уезда удалился на жилую половину дома, а когда вернулся, то свернул застолье, сказав:

— Человек в печали льет слезы, и все мы за него тяжело переживаем. Если господину Вану столь плохо, разве можем мы продолжать веселый пир?

Гости разошлись.

Начальник уезда со всей учтивостью пригласил Вана пройти в заднюю часть дома, громко позвал, вышла женщина — жена Вана!

Увидев друг друга, они громко разрыдались.

Оказалось, что тогда, пять лет назад один мошенник подслушал, как вечером Ван рассказывал о завтрашнем переезде, послал поддельный паланкин, который отвез жену Вана в дом посредника, что торговал женщинами, а тот продал ее начальнику уезда, выручив к своей выгоде триста тысяч монет. Начальник уезда поселил женщину во флигеле и обычно не утруждал работой на кухне — нынче так случайно совпало.

Начальник уезда кликнул повозку, дабы отвезла жену Вана домой к мужу. Ван в благодарность поклонился в пояс и выразил полное желание возместить деньги, которые потратил начальник уезда.

— Да ведь я сделал наложницей жену своего сослуживца! — отвечал тот. — И хотя я не знал всего, оплошность моя слишком велика! К счастью, никаких интимных отношений у нас не было. Как в таком деле можно говорить о деньгах?!

И отправил их домой.

Я слышал, как недавно эту историю рассказывал Юй Цзин — он сам из Цяньтана, и сумел записать имена и фамилии, а также названия мест, где

все происходило. Ныне история эта позабылась, и будет воистину жаль, если весть о мудрости, проявленной начальником уезда Сианьсянь, прекратит передаваться в мире!

Кун Чахотка

Кун Сы-вэнь был из Чанша, а жил в Эчжоу. В юности он встретился с Небесным наставником Чжаном и перенял у него волшебное искусство, научившись исцелять больных чахоткой — потому-то его и прозвали «Кун Чахотка» [1].

А был в Цзиннани некто Лю У-кэ — по торговым делам он путешествовал между Янцзы и Дунтинху, оставив дома жену, госпожу Дунь, и двух своих сыновей.

Однажды ночью госпожа Дунь услышала, как за окном кто-то спросил:

— А Лю У-кэ дома?

---

[1] Небесный наставник Чжан. — Речь идет о так называемой школе Небесных наставников, возникшей в конце правления Восточной Хань (25—220). Она была основана Чжан Дао-лином (張道陵 34—156), который, согласно легенде, стал бессмертным. В дальнейшем этой школой руководили его сыновья и внуки, также носившие титул Небесного наставника. В данном случае имеется в виду кто-то из потомков Чжан Дао-лина.

Она выглянула, но никого не увидела. Очень испугавшись, женщина не осмелилась подать голос, а тут снова:

— Как вернется, пожалуйста, расскажите ему обо мне. Пора идти!

Лю вернулся, и жена ему рассказала об этом происшествии. Лю рассудил, что надо переехать в другое место. Как вдруг — снова голос:

— Не так-то просто будет переехать, господин У-кэ!

— Да что ты за бес такой, что все время сюда приходишь?! — стал браниться Лю. — Я вот нисколько тебя не боюсь!

— Я — Утун, а не бес, — раздался в ответ смех. — Нынче есть у меня к вам предложение, господин. Если вы станете приносить мне жертвы, то я сделаю так, что вы на протяжении всей жизни будете крайне богаты, исчезнет надобность проводить долгие годы в торговых поездках в надежде заработать среди шума ветра и волн несколько монет. Или же вы предпочтете судьбу, полную неведомого вам риска? Следует тщательно обдумать свой выбор — решать только вам, и не к чему гневаться!

После этого голос стих и больше с Лю никто не заговаривал.

Лю всегда страстно жаждал богатства, такие слова пришлись ему весьма по сердцу, а потому он не замедлил построить у стены дома небольшую кумирню. Тут же примчалась большая повозка, запряженная резвыми скакунами, и пышная свита закричала:

— Визит почтительности к господину Лю!

Лю вышел встречать.

Гость, облаченный в желтый халат и черную шапку, вида самого процветающего, лишь вошел и сел, как стол мгновенно оказался уставлен самым роскошным образом — утварь, яства и вино самые лучшие!

Начиная с того дня гость стал приезжать постоянно, проводя время с Лю за облавными шашками и пирушками — и никто из соседей понятия не имел, кто он таков. Гость без счета дарил Лю золото, серебро, деньги и шелк. Так прошел год, и Лю совершенно отбросил мысли о бродячей жизни торговца, а его домашние не переставали радоваться нежданному счастью.

Однажды вечером, стремясь вырвать победу в партии в шашки, гость рассердился на то, что Лю не захотел уступить ему ход — да так, что вскочил, оттолкнув доску, и вылетел вон. Наутро Лю проведал свои сундуки, а от добра, которое в них хранилось, не осталось и следа. Лю испытал не только раскаяние, но и злость — и решил пригласить даоса, чтобы тот совладал нечистью. Тут как раз в родных краях случился с оказией Кун «Чахотка», и Лю все ему рассказал.

Кун послал его ехать домой, а сам чуть позднее явился следом и посетил ту кумирню. Возжег благовония и спросил:

— Я слышал, в этом доме завелась нечисть. Неужели это ты?

Из пустоты раздался громкий смех:

— А если и так? Знаю, что Лю велел вам, господин, меня усмирить. И как вы предполагаете это сделать? Только не надо говорить об этих ваших никчемных амулетах! Я настоящий дух, разве испугает меня какая-то киноварь?

— Я слышал, — отвечал Кун, — что ты горазд на чудеса, потому тебе так истово и поклоняются. Но кто сказал, что я собрался тебя усмирять?

Так они разговаривали долго, пока Кун не заметил с укором:

— А ведь это я нанес визит тебе сегодня, значит, я гость. А ты мне даже чашки чая не предложил!

В единый миг на столе явился чай.

— Что ж, если ты больше не будешь безобразничать в доме у Лю, — сказал тогда Кун, — дай мне о том письменное свидетельство.

Возникла заминка, и Кун подначил:

— Ведь написать подобное не составит для тебя никакого труда?

И тут же весь стол оказался покрыт мелкими знаками, будто куском угля писали — ничего не разобрать! Кун поблагодарил и пошел к выходу со словами ободрения:

— Теперь я вижу, что ты настоящий дух! Лю совершенно необоснованно на тебя нажаловался, ты больше ему не сочувствуй. И не держи на меня обиды, что повздорил с тобой!

Вернувшись к Лю, Кун ему все рассказал. Кун решил, что этим вечером дух обязательно объявится,

а оттого затаился слева от ворот с мечом в руках, став с помощью магии невидимым.

Еще до полуночи действительно явился человек в желтом и в своей обычной шапке — прошел через ворота и двинулся к дверям. Кун взмахнул мечом, рубанул его — раздался вопль, и человек пропал, лишь валяется в лужице крови нижняя половина тушки желтой мыши!

Утром пошли по кровавым следам в кумирню и нашли верхнюю половину мыши как раз под статуей божества. Крупная мышь!

Кумирню сломали, статуи разбили. С тех пор чудес больше не случалось.

Чжань Малец

У южных ворот областного центра Фучжоу, на улице Хуанхуаньлу жили простолюдины Чжань — Чжань Шестой и Чжань Седьмой, они зарабатывали на жизнь торговлей отборным шелком. А еще у них был младший брат, который носил прозвище Чжань Малец.

Однажды он проиграл много денег и, опасаясь, что братья его выпорют, удрал, спрятался подальше от дома и долго не возвращался. Мать волновалась за него все сильнее и сильнее — что сны, что гадания с предсказаниями говорили о несчастье. В конце концов она решила, что Чжань Малец умер.

Наступил праздник поминовения усопших.

Накануне семейство Чжаней готовило бумажные деньги, дабы поднести умершим, и ближе к закату из-за ворот донеслись звуки — словно кто-то печально взыхает.

— Малец наш и в самом деле сгинул! — решила мать. — Это он приходил дать мне знать.

Взяла пачку бумажных денег и произнесла молитвенное обращение:

— Если ты и впрямь мой сын, возьми эти деньги, забери прочь — тогда я поверю, тогда буду просить тебе помощи в загробном мире!

Вскоре зашелестел прохладный ветерок: он, словно человек, подхватил деньги и унес прочь из дома. Тут мать с братьями не смогли сдержать рыданий. Они позвали буддийских монахов, чтобы те чтением сутр избавили умершего от адских мучений.

С надеждой, что Малец вернется домой, окончательно распрощались.

Однако спустя несколько месяцев Чжань Малец вдруг вернулся!

Старший брат, увидев его, закричал:

— Призрак!

Схватил нож и кинулся было за Мальцом, но средний остановил его:

— Нет, погоди!

Он осторожно подошел к Мальцу, внимательно осмотрел его, спросил — мертвый тот или все же живой.

— Я боялся наказания, вот и сбежал, — признался Малец. — Батрачил в Ихуани все это время. Живой я, не умер пока!

Тут только Чжани поняли: все, что было до этого — проделки беса.

Удивительная встреча торговца Чжана

Сельский житель Юйганя Чжан приехал по торговым делам в уездный городок и остановился там на постоялом дворе. Во сне ему явилась женщина — в нарядных, изукрашенных одеждах — и предложила Чжану возлечь с нею. А когда Чжан проснулся, она все еще была с ним рядом, лишь с рассветом попрощалась и ушла.

На следующий вечер Чжан едва закрыл дверь, еще не успел зажечь лампу, как женщина снова тут как тут — вновь они возлегли на ложе. Женщина объяснила, откуда приходит:

— Я — из соседской семьи, а более ничего не скажу.

Так прошли десять дней.

Чжан стал чувствовать себя смутно, словно во сне, и это заметил хозяин постоялого двора. Спросил Чжана:

— Некогда здесь повесилась женщина. Не она ли вас морочит?

Чжан, будучи не в силах сознаться, пробормотал что-то невнятное.

Вскоре женщина пришла снова, и Чжан спросил, правда ли то, что он слышал. Нимало не смутившись и не переменившись в лице, женщина отвечала: да, правда. И Чжан, забыв про страхи, вновь стал с ней любовничать. Потом спросил, отчего она наложила на себя руки.

— На самом деле я была певичкой, — объяснила женщина. — И у меня была тесная связь с торговцем по фамилии Ян. Ян взял все мои сбережения, тысяч двести монет, пообещав, что вскоре женится на мне, но минуло три года, а он этого так и не сделал. От горя я заболела, не хотела жить, да и домашние смотрели на меня с отвращением... Не будучи в состоянии справиться со всеми этими несчастьями, я повесилась. Дом, где я жила, мои родственники продали, и теперь тут постоялый двор. Эта комната некогда была моей спальней, я к ней так привязана, что не в силах покинуть... А этот торговец Ян — он ведь ваш земляк. Может, вы его знаете?

— Знаю, — кивнул Чжан. — Говорят, он переехал в областной центр в Жаочжоу, женился, открыл постоялый двор. Дела у него идут превосходно.

Довольно долго женщина горестно вздыхала, а потом обратилась к Чжану:

— Я полностью вверяю себя вам. Здесь, под кроватью, я закопала пятьдесят лянов серебра, никто не знает про них — возьмите и помогите мне!

Чжан стал копать и нашел серебро — как она и сказала, без обмана. А женщина с той поры стала

приходить к нему и среди бела дня. Однажды она шепнула Чжану:

— Дальше мне тут оставаться бесполезно. Надеюсь, вы поможете мне вернуться домой?

— Конечно! — отвечал Чжан.

Тогда она велела ему изготовить поминальную табличку, написать на ней «Двадцатая барышня» и схоронить в сундуке. Когда Чжан будет останавливаться в дороге, достаточно открыть сундук, тихо окликнуть ее — и женщина придет.

Чжан сделал все так, как она велела и собрал вещи в намерении уехать. Местные жители, видя, что Чжан подвергся слишком сильному влиянию нечистого духа, полагали, что он умрет в пути, но сам Чжан не испытывал ни малейших опасений на сей счет. Дни он проводил в дороге, а каждую ночь был вместе с той женщиной.

Приехал домой.

Поставил ее поминальную табличку в стенную нишу, рядом с табличками предков. Жена спросила, что это за дух, которому он поклоняется, стала рассматривать табличку со всей почтительностью — и вдруг появилась та женщина.

— Кто она такая? — приступила жена к Чжану с вопросами. — Если ты умыкнул ее из приличного дома, меня не впутывай!

Чжан рассказал ей все как есть. Жена, обрадовавшись серебру, что досталось Чжану, больше вопросов задавать не стала. Так они прожили в одном доме пять дней.

Тут женщина решила, что пора ехать в область, как говорится, собирать долги. Чжан согласился. Он вышел за южную городскую стену, перебрался через реку, женщина появилась подле него и сказала:

— С превеликим стыдом говорю я тебе слова благодарности. Справишься ли ты с тем, что нам суждено было быть вместе столь недолго?

Чжан прослезился, но до конца смысла ее слов не осознал.

Он вошел в городские ворота.

Все шло обычно: Чжан нашел постоялый двор, достал табличку, позвал... Три раза звал, но женщина так и не появилась. Чжан поспешил туда, где жил торговец Ян, видит — в доме царят паника и хаос.

— Ян был совершенно здоров! — сказал Чжану сосед. — Как вдруг изо всех отверстий у него хлынула кровь, и он тут же умер!

В испуге Чжан поспешил домой. Больше он Двадцатую барышню никогда не видел.

У Янь-чжоу из Линьчуани некогда жил на родине Чжана и в общем мог рассказать об этих странностях, но у него не было времени доискаться до всех мелочей.

ДУАНЬ-СЯН И ВИННАЯ ЛАВКА

Сюй Дуань-сян из Пояна заведовал в уезде сбором налога на виноделие.

К югу от уездной управы издавна располагалась винная лавка — многоэтажное здание, чистое и опрятное. Там давно уже обосновался горный бес. Несколько лет никто не смел туда и соваться. По вечерам, когда спускалась темнота, бес начинал швыряться черепицей и камнями, бить кувшины и бутыли, разливать воду и напитки.

На третий год под девизом правления Чунь-си (1176) Дуань-сян услышал эту историю и сильно ею заинтересовался. Обсудил со своими молодыми приятелями, они потихоньку запаслись острыми ножами. Рассыпавшись у заднего двора лавки и вокруг окружавшей ее земляной стены, затаились. А несколько человек пробрались в комнаты, чтобы наблюдать оттуда. Еще спутали лапы большому петуху и положили рядом с винным жбаном. Сам Дуань-сян с коротким копьем в руках чинно уселся рядом с петухом в ожидании.

Стояла осень, восьмая луна.

После второй стражи послышалось чье-то шумное дыхание. Вскоре показалась тварь — ростом выше шести чи, в парадном танском головном платке, при зеленом халате и поясе из роговых пластин, в черных сапогах и с памятной дщицей в руке — спустилась с верхних этажей [1]. Заткнула дщицу за пояс,

---

[1] Танский головной платок. — Головные повязки как форма нежесткого головного убора известны в Китае с незапамятных времен; независимо от вариантов кроя, они обладали четырьмя завязками, которые связывались таким образом, что две из них свободно ниспадали на

подобрала полы халата и уже было вознамерилась подойти к жбану и чаркам, но тут заслышала трепыхание петуха — тотчас обратилась в дикую кошку и припала к земле, готовая броситься вперед.

Дуань-сян ударил тварь копьем в горло — она завизжала лисицею. Сбежались остальные, накинулись скопом и зарубили. Содрали шкуру — узорчатая, просто загляденье! Мясо сварили, разделили поровну и съели без остатка.

С тех пор безобразия в лавке прекратились.

Добродетельная госпожа Ю

В деревне Наньюаньцунь, что неподалеку от внешней стены южной части Цзяньчана, жил крестьянин Нин Шестой, человек невеликого ума, бесхитростный, желавший одного — работать в своем огороде.

Жена его младшего брата, госпожа Ю, среди других женщин своего возраста выделялась прелест-

---

спину, а две другие связывались ближе к макушке, на шиньоне, который мог быть усилен кожаными, матерчатыми или даже деревянными накладками. П а м я т н а я д щ и ц а — имеется в виду памятная дощечка *ху*, непременный атрибут чиновника на высочайшей аудиенции; такие дщицы изготавливались из различных (в зависимости от ранга чиновника) материалов, первоначально они служили для записи распоряжений императора, позднее стали играть исключительно декоративную роль.

ной привлекательностью, проводила время в пьяном непотребстве с юными бездельниками, жившими по соседству. Нин относился к ней враждебно, постоянно бранил, не будучи в силах с нею управиться.

Однажды Ю украла курицу — хотела сварить. Нин, прознав об этом, вошел к ней, стал искать, обнаружил курицу и выпустил. тогда Ю порезала себе ножом руку и пошла по соседям с громким криком:

— Зная, что моего супруга нет дома, деверь притащил домой курицу, хотел ее съесть, а потом стал силой грязно приставать ко мне! Я же воспротивилась, тогда он выхватил нож, чтобы зарезать меня, но мне повезло вырваться и убежать!

А Нин в то время не был женат, и соседи поверили, что все так и обстояло. Нина задержали, отвели к деревенскому старосте, а оттуда препроводили в уездное узилище. Тюремный дознаватель расследовал обстоятельства и потребовал десять тысяч за хлопоты. Нин был беден и скуп, решил добиваться справедливости самостоятельно — и твердо отказал. Дознаватель оформил дело и передал начальнику гарнизона Дай И. Тот не был сведущ в расследованиях. Полагая, что простая деревенская женщина блюла долг, защищая себя, он не стал учинять дознание, в чем с ним согласился областной секретарь по военным делам Чжао Ши-цзин. Было сфабриковано обвинение о заключении в узилище, отправили доклад в столицу, а Нина казнили. Госпоже Ю были дарованы сто тысяч монет. Начальник уезда навестил ее с целью утешения, прославил ее добродетель и удостоил именоваться «целомудренная женщина».

Однако все жители округа знали, что Нин пострадал безвинно, и возмущались разнузданностью госпожи Ю. В конце концов история дошла до монахов местного монастыря Линьтяньсы, а те уже сообщили властям. Госпоже Ю дали батогов. Она, не будучи в состоянии стерпеть боли, призналась, что оговорила Нина, и была казнена. А стояла тогда шестая луна четвертого года под девизом правления Чунь-си.

Впоследствии на Дай И подал жалобу надзиратель за исполнением наказаний Янь Си. И был отправлен в отставку, Чжао за взятки также уволили из рядов чиновников, а уездные чиновники кто умер, кто был смещен с должности — и все это произошло в течение одного года.

Девушка с озера Сиху

В годы под девизом правления Цянь-дао (1165—1173) некий чиновник из Цзянси прибыл в столицу за новым назначением.

Гуляя в одиночестве вдоль озера Сиху, он притомился и зашел в стоявший у дороги крестьянский дом, чтобы немного передохнуть. Во внутренней половине дома чиновник заметил девушку с детской прической — красоты необыкновенной! Он так и уставился на нее, не в силах отвести взор, а девушка тоже изредка бросала на него взгляды, полные чув-

ства. Чиновник испытал такое влечение, словно внезапно обрел давно утерянное.

С той поры он стал постоянно наведываться в этот дом, а девушка обязательно выходила ему навстречу. Они заводили шутливые разговоры, и заветные слова готовы были уже слететь с губ, но все не выпадало случая достичь, как говорится, мимолетной радости.

Наконец чиновник получил новое назначение и у него появилась возможность навестить перед этим родной дом. Он явился прощаться. Улучив момент, девушка подошла к нему и шепнула:

— Едва я увидела вас, как сердце мое исполнилось чувств, но теперь вы едете на запад, и я бы и рада сопровождать вас, да отец с матерью ни за что меня не отпустят. Тайно бежать и дать волю мечтам я тоже не смею... Ах, если бы только можно нам не расставаться с утра и до вечера и быть вместе каждую минуту!

Чиновник стал просить руки девушки у ее родителей, суля им большие деньги, но те наотрез отказались.

Со времени возвращения домой чиновник больше ничего не слышал о своей возлюбленной.

Минуло пять лет, и он снова приехал в столицу за назначением. Бросился искать дом, где прежде жила девушка, но никого не нашел.

С тоскливой пустотой в груди возвращался чиновник домой, как вдруг на полдороге встретил возлюбленную! Она повзрослела, стала еще краше преж-

него. Чиновник окликнул ее, девушка остановилась. Заговорили.

— Мы так давно не виделись! Наверное, сударь, вы совсем забыли обо мне! — сказала девушка.

Чиновник, страшно обрадовавшись встрече, принялся расспрашивать, куда и почему она переехала.

— Я давно уже замужняя женщина, — отвечала та. — Живу в городе, в переулке таком-то. Супруг мой сейчас привлечен к суду по делу о казенных складах, он заключен в областную тюрьму, я вот ходила просить помочь ему. Представить не могла, что встречу вас! Может, пригласите меня на чашечку чая?

Чиновник охотно согласился, и они пошли вместе. Через пару ли с небольшим показался постоялый двор, где чиновник остановился. Он показал на свое жилище — девушка кивнула и вообще держала себя совершенно свободно. Тогда чиновник начал с нею заигрывать.

Тот постоялый двор стоял на отшибе и, кроме нашего чиновника, там никаких других постояльцев не было.

— Здесь я вполне могла бы остаться, незачем возвращаться домой, — осмотревшись, сказала девушка. Взявшись за руки, они вместе направились в спальню.

Прошло полгода, а девушка ни разу так и не вспомнила о свой семье и не высказала чиновнику ни малейшей жалобы или претензии. Он тоже и ду-

мать забыл, что у нее есть муж, даже не спрашивал больше.

Внезапно она собралась назад домой, и чиновник заговорил о том, что хочет быть с нею вместе до самой смерти. Девушка нахмурила брови и, почтительно поклонившись, отвечала так:

— С тех пор, как вы, господин, уехали, я столь сильно мучилась, не будучи в силах совладать с тоской, что через год умерла... Это тело — не человеческое! Моя одинокая душа жаждала утолить чувство, что было уготовано нам судьбой, но теперь, увы, время нашей радости закончилось! Не вкусим мы снова такого счастья, никогда больше не быть нам вместе! Вижу, что вы в полном недоумении, поэтому подробно все объясню: поймите, темное начало уже слишком глубоко поразило вас, господин! Сила его такова, что у вас скоро откроется неостановимый понос, и поможет лишь укрепляющее желудок снадобье... Примите же его сразу, не медля, дабы восполнить вашу жизненную энергию!

Услышав такие слова, чиновник, пораженный испугом, долгое время не мог слова вымолвить. Наконец, собравшись с духом, сказал:

— Некогда я читал в «Записях И-цзяня» историю о том, как Сунь Цзю-дин повстречал душу умершего и лечился тем же снадобьем. Я размышлял об этом — лекарство самое заурядное, почему же оно оказывает такое действие?

— В этом лекарстве содержится вытяжка из дикой хризантемы, которая изгоняет нечистый дух. Это

превосходное снадобье. Сделайте, как я вам сказала! — отвечала ему, роняя слезы, дева.

В ту ночь они легли как обычно, вместе, а на рассвете она, рыдая, распрощалась и ушла.

Чиновник занедужил, но стал принимать лекарство, и все прошло. Впоследствии, каждый раз, когда он рассказывал эту историю, — не мог удержаться от горьких вздохов.

Мой троюродный племянник Хун Гуй, второе имя Цзы-си, знал обо всем этом доподлинно.

Забойщик скота Мань из Иду

Забойщик скота Мань И из Иду был нрава злобного, яростного, обладал огромной физической силой, совершенно не боялся демонов и духов. Пьяным проходя мимо деревенской кумирни, тыкал пальцем в изображение духа и оскорбительно ругался — такое поведение вошло у него в обычай.

Местный шаман по имени Юань Янь-лун, человек плутоватый, сказал по секрету некоему самому зажиточному члену сельской общины:

— Кумирня Эр-лана стоит разрушенная уже много лет, и я бы хотел, что называется, зажечь в ней новый огонь, но местные крестьяне не очень-то хотят в том участвовать. Забойщик же Мань известен своей свирепостью в неверии в духов, каждый об этом знает не понаслышке — и если мы с его помо-

щью организуем божественное знамение, тогда дело точно сладится!

Шаман пригласил Мань И на вино, а когда тот напился, сказал ему следующее:

— Хочу выбрать благоприятный день и провести моления у кумирни Эр-лана. В это время соберется толпа. Ты, по своему обыкновению пьяный, не сможешь ли явиться туда с громкими криками, наорать на зевак, подняться в зал и сесть на главное место, где полагается быть статуе божества, выпить жертвенное вино, съесть жертвенное мясо и начать ругать духа на все лады, чтобы все от испуга попадали? Сможешь ли?

— Да это как раз то, о чем я мечтаю! — воодушевился Мань. — Ничего трудного!

В назначенный день Юань собрал несколько сотен молодых парней, установил вдоль дороги хоругви всех мастей, приготовил жертвенное вино, мясо и бумажные деньги — всё устроил в высшей степени пышно. Гремели барабаны, играла музыка — и тут к храму примчался Мань, решительно уселся на место духа и провозгласил:

— Я — божество!

Схватил приготовленные для жертвоприношения вино и мясо, все сожрал и принялся бранить духа. Он ругался очень долго — и вдруг словно рассудка лишился, изо рта, носа, ушей и глаз его хлынула кровь, Мань ничком упал наземь и умер. Люди сочли, что Мань вызвал гнев духа и сам навлек на себя беду и, трепеща перед божественным могуще-

ством, наперебой понесли в кумирню деньги. Кумирня дивно расцвела.

Спустя несколько лет ученик Юаня, недовольный количеством ценностей, которое ему доставалось, отправился в уездное управление и рассказал эту историю. Юаня схватили, допросили и примерно наказали.

Головной платок князя Гуаня

Кумирня Гуань Юнь-чана в Тунчжоу находилась на северо-западе от областного управления [1]. Местные жители истово поклонялись Гуаню. В кумирне было несколько десятков статуй, одна среди них — застывший в стремительном беге вестник в желтом халате, с разгневанным лицом, весь зарос бородой, с верительным флагом в руке, — очень устрашающий образ! [2]

Из Чэнду в управление прибыл нарочный Ван Юнь. Едва шаман Юй Тянь-ю увидел его, сразу за-

---

[1] Гуань Юнь-чан — знаменитый военачальник Гуань Юй (關羽 160—220), второе имя которого было Юнь-чан 雲長. После смерти был обожествлен в качестве бога войны и духа-покровителя, в обеих ипостасях был и остается необычайно популярен.

[2] Верительный флаг — использовался аналогично верительной бирке: для подтверждения того, что нарочный действительно передает приказ военачальника.

метил сходство с вестником в желтом халате, что стоял в кумирне. Юй пригласил нарочного к себе домой, угостил вином, одарил серебром, а также вручил пять тысяч монет и рисунок формы большого головного платка, а также его размеры.

— На рынке открыл свою лавку Ди Цянь, прошу вас вместо меня передать ему эти деньги, пусть изготовит платок по размеру, только нужно управиться в несколько дней. Очень надеюсь на вашу расторопность!

Юнь в смысл сказанного вникать не стал, он и без того получил достаточно, так что, строго следуя наказу, явился в лавку Ди. Ди подумал про себя: разве бывают люди с такой большой головой?! — но соблазнился барышом в пять тысяч и взялся за работу. Юнь же, обремененный казенными бумагами, не мог задерживаться, так что он переночевал на рынке и, не дождавшись конца работы, пустился в обратный путь, не выполнив до конца наказ Юя.

Ди все ждал, когда Юнь придет и заберет заказ, но того и след простыл.

Прошло несколько месяцев, и Ди выбрался в предместье. Зашел в кумирню князя Гуаня, увидел статую человека в желтом халате и очень испугался.

— Это же тот самый, кто в прошлом году за пять тысяч монет велел мне изготовить огромный головной платок!

Ди, таясь, измерил жгутом размеры головы статуи и, вернувшись домой, сравнил со своим изделием: ни малейших расхождений! Трепеща от страха,

он понял, что к нему приходил дух. Ди вернулся в кумирню и почтительно преподнес статуе головную повязку.

История эта постепенно распространилась. Вскоре все в области, боясь опоздать с изъявлением почтения, кинулись к статуе.

А Юй Тянь-ю как раз стал в то время служителем кумирни — и, воспользовавшись удобным случаем, принялся запугивать людей и побуждать их вносить деньги и шелк на строительство новых помещений кумирни. Все богатеи разохотились делать благотворительные взносы — бывало, и по десятку тысяч связок монет жертвовали. Тянь-ю около половины присваивал.

Лет через десять Ван Юнь вновь приехал в Тунчжоу. Многие прохожие указывали на него, улыбались. Юнь подивился тому и спросил, в чем дело, и некий человек рассказал ему эту историю.

— Служитель Юй затеял устроить надувательство, а меня заставил сыграть роль духа! Наведаюсь-ка к нему, он должен меня щедро вознаградить! — сказал Юнь и пошел к Юй Тянь-ю.

Тот же, боясь, как бы давний обман не раскрылся, сделал вид, что не знает Юня, и не вышел к нему. Юнь очень рассердился и сообщил властям.

Юй был заклеймен и сослан, а все имущество его отписано в казну.

Гу Дуань-жэнь

Сюцай Гу Дуань-жэнь был родом из Хэбэя. Некогда вместе со своим отцом Гу Хаем он переехал на юг и поселился в Цяньтане, в переулке Сювэньсян. Женат Гу еще не был.

Однажды он с родителями сидел в зале за трапезой, как вдруг, словно очутившись в чудесном сновидении, увидел молоденькую девицу, красоты неописуемой — она вошла, встала прямехонько перед Гу, протянула руку и накрыла чашку с едой!

У Гу кусок в горле застрял, и он никак не мог сглотнуть. Родители, испугавшись, спросили его, в чем дело, но Гу отговорился пустяками, ничего не сказал. Красота девушки запала ему глубоко в сердце.

С тех пор он стал сам не свой, будто разум потерял, а та девушка стала являться к нему каждый вечер.

Как-то Гу прогуливался вдоль озера Сиху и столкнулся с нею. Прикрывшись рукавом, девушка спросила с улыбкой:

— Скучали по мне?

В гневе Гу закричал на нее:

— Ты, оборотень проклятый, с чего это я скучать буду!

— Да почем вы знаете, что я оборотень? — удивилась девушка.

— Как же: вот я вижу тебя днем, а тени ты не отбрасываешь! Если ты не потустороннее существо, то кто?

— Вы меня подозреваете... — вздохнула девушка, — Тогда пойдемте вместе в Скит четырех мудрейших и проверим меня [1].

Гу взял ее за руку и повел за собой. Они вошли в ворота скита, и тут вдруг девушка пропала.

Гу довольно долго пробыл в скиту, потом вышел — а она стоит у обочины!

— Ты испугалась четырех мудрейших, — сказал Гу с укором. — Ясно, что ты оборотень.

— Вам еще не дано постичь такие вещи. Ведь истинный мудрейший — это женщина! — отвечала девушка.

— Как так? — удивился Гу.

— А разве не говорится в «Дао дэ цзине»: «Великое темное начало породило дух созвездия Шуйвэй»? [2]

Тут они расхохотались и пошли дальше вместе. Прохожие видели, как Гу прогуливается один, беседуя сам с собой, но потревожить его не решались.

Неожиданно Гу столкнулся со своим приятелем, Чжан Чжун-цином. Девушка вновь исчезла, как

---

[1] Четверо мудрейших — они же «Четыре полководца Севера», даосские божества; четыре «истинных государя» и воителя, с суйского времени почитаемые как духи-защитники.

[2] «Великое темное начало породило дух созвездия Шувэй». — Такой фразы в «Дао дэ цзине» нет, она содержится в одном из заклинаний даосской школы «Шэньсяопай».

ее и не было. Гу принялся было рассказывать о ней Чжану, но тот прервал:

— Полно говорить про духов! Пойдем лучше выпьем вина!

И они направились в винную лавку.

Выпив, Чжун-цин затянул «Цветы абрикоса идут дождем», а когда допел, откуда ни возьмись явилась девушка: села справа от Гу. Гу потребовал, чтобы и ей принесли чарку и наполнили вином. Чжун-цин же, не видев никого, прыснул на Гу водой, да только это не помогло. Тогда Чжун-цин заорал на Гу, мол, тот одержим злым духом, помчался к нему домой и обо всем рассказал отцу Гу. Отец пришел в ужас, велел доставить Гу домой и запереть ворота, а еще послал за наставником Хуаном — тот обладал редкими способностями, за что и получил прозвище «наставник».

— Это омрачение, которое наслал не иначе как оборотень, — сказал Хуан. — Непременно то была кошка! Завтра мы с ней покончим.

Написал два амулета и отдал Гу.

Тем вечером девушка не пришла.

На рассвете Хуан изготовил еще три амулета: один подвесил Гу на пояс, другой сжег, а третий укрепил у ворот. Все прекратилось, девушка больше не приходила.

Минуло несколько месяцев.

Гу сопровождал траурную повозку в храм Гуйжэньсы, что за воротами Цайшимэнь, и тут к нему подбежала та самая девушка:

— Ах, ты бесчувственный! — крикнула она. — Напустил на меня наставника Хуана! Эти три амулета — вот они!

И показала ему амулеты.

— Это не я, — отвечал ей Гу, — это мой отец приказал.

— Если бы ты ему не сказал, то как бы отец узнал про меня?.. Что ж, я не сержусь. Пойдем со мной!

Проезжали как раз через мост, и Гу вслед за девушкой перепрыгнул через перила и полетел в воду. К счастью, под мостом было скопление водорослей, и Гу упал как раз на них. Его живо вытащили — спасли. Стали расспрашивать.

— Красавица повела меня в покои, роскошные, будто княжеское жилище, — сказал Гу. — Я засомневался, следовать ли за нею дальше, а тут вы, господа, стали просить меня вернуться — и так тревожно мне сделалось, ведь я почти угодил в загробное царство! Но вы спасли мою жизнь, мои благодетели!

Однако вскоре Гу настигла лихорадка, и он скоропостижно скончался.

Чайный служка Цуй Третий

Житель областного города Хуанчжоу Ли Шестнадатый открыл чайную у моста Гуаньфэнцяо. Весной восьмого года под девизом правления Чунь-си

(1181), ночью, когда все было уже закрыто и не спал один лишь служка Цуй Третий, послышался стук в дверь. Цуй спросил, кто там.

— Я! — был ответ.

Цуй решил, что это его хозяин, поспешил отпереть запор, но увидел девушку совершенно невозможной красоты.

— Вы, барышня, откуда? Это ведь чайная семьи Ли! Не ошиблись ли вы домом?

— Я только что вышла замуж в семью Сунь, что живет слева от вас, — отвечала та. — Свекровь разозлилась на меня, прогнала на улицу, а куда мне идти ночью? Позвольте мне скоротать вечер у вас!

— Да я ведь человек подневольный, — возразил Цуй. — Разве могу самовольно тут распоряжаться?

Однако девушка столь отчаянно и жалобно просила, вся в слезах, не желая уходить, что Цую ничего не оставалось, как впустить ее, постелить в уголке циновку и оставить ночевать.

Глубокой ночь она встала и подошла к лежанке Цуя. Сказала:

— Я не привыкла спать одна. Вы как, хотите?..

Цуй обрадовался столь приятной неожиданности, они легли вместе, но едва заорал петух, девушка ушла. С тех пор время от времени она стала приходить к Цую. А тот, полностью довольный новой славной подругой, больше не задавался вопросами, кто она и откуда взялась.

Однажды вечером девушка сказала:

— В месяц вы получаете едва ли больше тысячи монет, этого, верно, вам не хватает.

Достала из рукава государственных ассигнаций на десять тысяч и отдала ему [1]. Не раз после этого она передавала Цую скромное вспомоществование, и тот всегда с удовольствием принимал деньги.

Цуй Эр, старший его брат, весьма поднаторевший в охоте, постоянно разъезжал по разным областям, и вдруг навестил жилище брата, чтобы узнать о его делах — гостил более десяти дней, и все это время девушка не приходила.

Цуй затосковал, начал думать, что она порвала с ним, потерял сон. Наконец, не будучи в силах сдерживаться далее, рассказал брату все, как есть.

— В этих местах водится много всякой нечисти, — заметил брат. — Боюсь, претерпишь ты от этой девицы! Нужно срочно от нее избавиться!

— Но я с нею вместе уже полгода, — возразил Цуй. — Я обязан ей — она щедро помогала, мы, по сути, как муж и жена, вряд ли она бес и обманывает меня!

— Но узнав, что я приехал, она не смеет больше появляться, бесовка!

— Ты ведь подозреваешь, что она мне вредит — а это так неучтиво!

Брат спросил:

---

[1] Ассигнации начали применяться в Китае в раннесунское время; одной из основных причин стали трудности, связанные с транспортировкой крупных сумм медных монет на большие расстояния.

— А когда она приходит, как сюда попадает?

— Входит через верхние двери, — отвечал Цуй. — И спускается по лестнице.

Тем вечером брат Цуя ушел, но вскоре вернулся, принес с собой несколько охотничьих ловушек — и установил их на лестнице.

Солнце зашло, братья затаились в укромном месте. После третей стражи слышат: скрежетнуло. Тут же запалили огонь, стали смотреть — попалась пестрая лисица, три чи в холке, но уже издохла! [1]

— Эта тварь, наверное, тебя и морочила! — сказал брат. Содрал с лисицы шкуру, а мясо сварил.

Подавленный Цуй горько заплакал.

Позже он сидел в одиночестве в своей комнате, как вдруг вокруг разлился дивный аромат — появилась девушка и принялась ругаться:

— Я была к тебе так добра, столько раз выручала тебя в нужде — как же ты мог так легко поверить словам своего слабоумного братца?! Счастье, что тогда я была еще дома, так что убитой оказалась лишь моя служанка.

Цуй стал умолять простить его.

— Я знаю, что все это не ты затеял, — с улыбкой сказала девушка. — Я не сержусь!

И она осталась с Цуем как прежде. И поныне она еще с ним.

Рассказал Чжу Цун-лун.

---

[1] Третья стража — с одиннадцати вечера до часу ночи.

Буддийская монахиня с озера Сиху

В жену некоего чиновника из Линьаня, уроженца тех мест, влюбился один юноша. Целыми днями просиживал он в чайной напротив ворот их дома, скосив глаза на ворота, в нетерпении дожидаясь ее, — совсем помешался на той женщине.

Однажды он увидел буддийскую монахиню, что выходила из ворот дома чиновника, и тайно последовал за ней. Монахиня добралась до озера Сиху и там зашла в травяную хижину. Юноша напросился к ней выпить чаю.

Так повторялось несколько раз.

А юноша был из богатых, он выстроил для монахини новый молитвенный зал, делал пожертвования деньгами и шелком — доходило и до тысячи связок монет! Монахиня, не понимая причины, стала расспрашивать, в чем же дело, и тогда юноша рассказал ей о своих чувствах. Монахиня благосклонно восприняла его слова — договорились, что она придет в дом чиновника через три дня.

Монахиня приготовила постное угощение, расставила карточки с именами двадцати с лишним жен важных лиц, после чего пригласила жену того чиновника на торжество:

— Новый молитвенный зал готов, и мы устраиваем по этому случаю празднество, — сказала монахиня. — Все гости уже в сборе, прошу и вас подняться на паланкин!

Жена чиновника сменила одежду на праздничную, надела украшения и отправилась в путь в сопровождении двух служанок.

Когда добрались до места, оказалось, что ни один гость еще не прибыл. Монахиня дала деньги носильщикам паланкина, чтобы купили себе угощение, и отослала их обратно, выставила вино двум служанкам, чтобы пили вволю — а когда их госпожа тоже захмелела, отвела ее отдохнуть в уединенную комнату и уложила там на изголовье.

Через некоторое время женщина начала приходить в себя и обнаружила мужчину, что лежал рядом с ней. В испуге она стала спрашивать, кто он такой, а оказалось — мужчина-то мертвый!

Это и был юноша, что мечтал о жене чиновника! Он заранее спрятался в той комнате, чаяния его исполнились, но на самом пике радости он вдруг скоропостижно скончался.

Женщина, не тратя время на ожидание паланкина, кликнула своих служанок, и они пешком отправились домой. Супруга ее как раз не оказалось дома, а рассказать ему обо всем случившемся женщина не посмела. Служанки не сумели сохранить молчание, мало-помалу стали проговариваться, и монахиня, страшась, как бы история не выплыла наружу, убила их и закопала под лежанкой.

Прошло десять дней, и родственники того юноши выяснили, что с ним произошло — доложили в Цяньтан. Монахиня и жена чиновника были закованы в колодки и наручники, схватили и носильщиков

паланкина и прочих, причастных к этому делу, — более десяти человек. Дознание истины завершилось через год. Монахиня была наказана отправкой в ссылку, а жену чиновника оправдали.

Дух квартала Сяоифан

В первую луну первого года правления под девизом Цин-юань (1195) жителя Пинцзяна старика Чжоу охватила малярия — ничто в лечении не помогало. Чжоу слышал, что малярия случается от души умершего, и душу можно изгнать, чтобы остановить болезнь. И вот в сумерках он поковылял в храм духа-покровителя города, а там, пав наземь перед изображением духа, стал молиться и что говорил — история умалчивает.

Настала полночь.

Тут Чжоу увидел как загорелись ряды огней светильников, телохранители склонились в почтительном поклоне, и дух покинул свое храмовое место. Во двор храма вошел солдат в желтом, ведя за собой человек семь или восемь. Все они замерли в поклоне.

— Верховный император повелел мне распространить здесь болезнь, — провозгласил дух-покровитель города. — Вы все — духи-покровители городских кварталов, не медлите!

Собравшиеся, склонив головы, внимали его приказу.

Потом вперед выступил некий дух и со всей откровенностью сказал:

— Я управляю кварталом Сяоифан и доподлинно знаю, что многие семьи, что живут в этом квартале, добродетельны и не совершали зла. Боюсь, нельзя их карать страданиями такой болезни!

— Таковы указ Неба, — в гневе крикнул дух-покровитель города. — Ты всего лишь мелкий чиновник, почтительно подчиняйся!

— Раз этого нельзя избежать, — настойчиво продолжал дух, — не восполнить ли число больных маленькими детьми?

Дух-покровитель надолго погрузился в раздумья, потом сказал:

— Можно поступить и так.

Тут голоса стихли, все разошлись.

Наутро Чжоу вернулся домой и обо всем рассказал. Его слова сочли выдумкой умалишенного — никто не поверил.

Во вторую луну в городе разразилась эпидемия, и лишь в квартале Сяоифан заболели только малые дети. Так люди поняли, что рассказ Чжоу — не выдумка.

Когда болезнь утихла, жители квартала вскладчину построили большую кумирню, в благодарность за доброту духа-покровителя квартала.

Шаман-чародей Чжан

Некий Чжан из села Цзиньсян, что в Уюане, отменно владел магией и умел насылать несчастья. Попав в богатый дом, он непременно требовал денег и риса, а если ему казалось мало, начинал скакать и вертеться, — он называл это «отбивать прыжки», — и вслед за тем в доме все начинали недужить и хворать, бывало, что и умирали. Оттого Чжана боялись.

Некий ученый муж Ван Тин-жуй, прельстившись умением шамана неправедно приумножать богатство, примкнул к нему, написал на доске большими иероглифами «Врата высочайшей аудиенции» и повесил при входе в жилище Чжана.

Обрядившись в высокую шапку, надев малиновое платье с широкими рукавами и повязав внушительный желтый пояс, шаман каждый день поднимался на возвышение и чинно усаживался там — судил о будущих напастях и удачах, а вокруг толпились почитающие его последователи, человек, наверное, тридцать.

Однажды мимо его ворот проходил мелкий уездный чиновник Ван Цзао. Чжан разозлился, что тот не поклонился ему, и послал людей привести Вана, чтобы тот держал перед ним ответ.

— Я хотел сперва омыть лицо и руки и уж потом явиться выказывать почтение, — объяснил Ван.

Когда ароматические курения, что Ван возжег в честь Чжана, догорели, шаман снова приказал схватить того и связать.

— Нет, — возразил Ван, — так не годится! Если вы владеете магией, то должны вызвать из пустоты воинство духов, чтобы те схватили и высекли меня. А иначе мне придется обо всем доложить властям в уезд.

Тогда его отпустили.

Однако Ван все равно изложил происшедшее в докладе и отправился с ним к уездному начальству. Начальник Хун Ин-сянь послал арестовать Чжана и доставить в присутствие, дабы тот объяснил учиненное им безобразие.

— Я следую истинному пути по воле богов, — отвечал шаман. — Искуснее всех врачую людские недуги, никогда чародейства и в мыслях у меня не было!

Говорил он спесиво и выглядел надменно.

— Ты, говорят, умеешь здорово прыгать, — сказал тогда начальник уезда. — Если перепрыгнешь через барабанную башню, я тебя отпущу!

Чжан тут же принял испуганный вид, начал бить поклоны и молить о снисхождении. Начальник уезда велел заковать его и бросить в узилище.

На другой день начальник Хун лично явился для судебного дознания. Зажав в кулаке амулет, о котором говорилось в книге «Тайные записи об Истинном Одном, единосущном с высшими силами», он сказал Чжану:

— Ты часто повторял, что искусен в общении с духами, сведущ в том, что еще не произошло, — а скажи мне тогда, что у меня в руке?

Чжан был в замешательстве, ответить не сумел. Тогда ему дали двадцать батогов и выслали за пределы уезда.

Перед тем Чжан под предлогом строительства собственной шаманской школы собрал с местных жителей несколько тысяч связок монет — все это было реквизировано в государственную казну, сумма вышла с ежемесячный военный налог! Жители поздравляли друг друга с таким исходом.

Ван Тин-жуй, боясь оказаться под судом следующим, бежал вслед шаману.

Как прославился Дин Ши

Хотя Дин Цзин-гун сам был родом из У, потомки его переехали на жительство в Цзяньань [1]. Состояние семьи было огромно.

Среди молодых был юноша по имени Ши — с юных лет он выказывал независимый нрав, обладал выдающимися литературными способностями, но имел особое пристрастие к азартным играм. И хоть обычно выигрывал, все выигранное легко спускал в дружеских пирушках.

Отец не раз пытался научить его уму-разуму, но Ши так и не вразумился. Тогда отец в сердцах

---

[1] Дин Цзин-гун — сунский сановник Дин Вэй (丁謂 966—1037), за заслуги перед троном удостоенный титула Цзинго-гуна, здесь данного в сокращении.

связал его и запер в пустой комнате, запретив давать есть и пить, так что от голода и жажды Ши оказался на пороге смерти. Бабушка, жалея его, помогла Ши бежать. Узнав, что Ши удрал, отец обрадовался и больше сыном не интересовался, лишь сказал, что Ши все равно обязательно, что называется, сгниет в глубокой яме.

А Ши одолжил у родственников денег и, обеспечив себя средствами, отправился в столицу. Сдал экзамены для поступления в училище Тайсюэ, а потом был включен в списки провинциальных экзаменующихся.

На девятый год под девизом правления Си-нин (1076) должны были объявить имена допущенных к дворцовым экзаменам. А в храме Сянгосы был один физиогном — весьма прославленный своим искусством, народ толпился у его дверей как на рынке, и многие из соискателей ходили к нему вызнать, что их ждет. Ши тоже отправился к физиогному.

— Ваша наружность говорит о великой удаче! — сказал физиогном. — Я видел многих, но никто из них не был и близко похож на вас. Вам суждена блестящая победа на экзаменах!

Ши исполнился самодовольства, словно на стену уже наклеили большое объявление «Самый первый на экзаменах этого года — Дин Ши», и предался развлечениям, как в былые времена.

Среди его товарищей по экзаменам были двое ученых из Шу, оба богатые и недюжинно эрудированные. Ши и так и эдак, но уговорил их пойти с ним

в винную лавку и, как раньше, велел слуге встать рядом с игорными принадлежностями в руках. Глядя на это, шусцы усмехнулись. Все трое перешли в небольшую комнату и взялись за игру. Начали со ставки примерно в десять тысяч монет. От выпитого азарт игры усилился несказанно, шусцы уже не могли остановиться — все поднимали и поднимали ставки. Ну а Ши, будучи весьма искусен в игре — настоящий мастер! — в тот вечер выиграл шесть миллионов. Столько оказалось, когда он вернулся на постоялый двор и посчитал выигрыш.

Через два дня он снова навестил физиогнома.

— Ныне ваша, господин, наружность совсем не такая, как прежде! — в испуге вскричал тот. — Неужто не быть вам первым среди выдержавших? Как же мог я так ошибиться!

Ши попросил объяснений, и физиогном сказал:

— Предсказатель перво-наперво смотрит на место, где сходятся брови, и, если оно окрашено желтым и влажное, это к удаче, но сегодня у вас тут все пересохло и окрасилось в черное — не потому ли, что вы держите в мыслях что-то нехорошее, пытаетесь извлечь выгоду из экзаменов, не полагаясь на волю Неба?

Затрепетав от нехорошего предчувствия, Ши рассказал, как было дело.

— А если я все-все выигранное верну? —спросил он.

— То, что вы сделали, уже известно в потустороннем мире, — отвечал физиогном. — Если вы

найдете в себе силы раскаяться в содеянном, вам, возможно, удастся выдержать экзамены, но едва ли вы попадете в пятерку лучших.

Ши тут же помчался к шусцам и вернул все, что выиграл.

Когда же в управе стали оглашать списки имен, то первым прошел Сюй До, а Ши оказался шестым [1]. Его внучатый племянник Сянь-минь, военный пристав уезда Дэсин, рассказал об этом.

Ван Чжи-фу

Ван Чжи-фу из Лайу, что в области Яньчжоу, хоть и происходил из деревенских, по натуре был человек твердый и высокоморальный, перед духами и бесами не пресмыкался. Если заболевала его жена или хворали дети, Ван изо всех сил старался излечить их лекарственными снадобьями — к духам с молитвами об исцелении не никогда обращался. Некто из приятелей пытался переубедить его, но Ван был тверд:

— Жизни и смерти положен свой срок, богатство и знатность предопределены Небесами. Я так считал всю жизнь и не собираюсь меняться.

В конце весны первого года правления захватчиков под девизом Чжэн-лун (1156) вдруг пышным

---

[1] Сунский чиновник Сюй До (徐鐸 XI в.) действительно прошел первым на зкзаменах этого года.

цветом расцвели странности: во дворе посреди бела дня стали объявляться души умерших, совались в двери, свистели меж балок перекрытий, двигали лежанки, прятали котел, носились с пением и хохотом, принимая сотни обличий и тысячи форм, — в доме все боялись, ни спать, ни есть спокойно не могли, один Ван был непоколебим, не дрогнул.

Он предостерег всех родственников:

— Нельзя сомневаться, нельзя бояться странных тварей! Мы, люди, — истинные порождения земли и неба, рождены энергией светлого и темного начал. Они же — всего лишь темные бесы, как могут повредить светлому началу? Нужно успокоиться и не позволять страху овладеть вами!

Тогда домашние понемногу взяли себя в руки.

Однажды Ван чинно сидел в зале, как вдруг появился огромный бес — ростом в чжан и семь чи, в высокой шапке и при внушительном поясе, одетый в темное, обутый в красные сапоги. Почтительно сложив руки на груди, встал напротив Вана. Ван и глазом не моргнул. Тогда бес поправил рукава и сказал:

— Почтенный Ван, вы воистину благородный человек наших дней, и мы преклоняемся перед вами! Были такие среди нас, кто считал, что вы сильны лишь с виду, но по сути слабы, вот мы и творили всякие удивительные вещи, чтобы вывести вас из себя, но вы, почтенный, будто всего этого не видели и не слышали. Теперь уж мы не посмеем вести себя, как раньше.

Уважительно поклонился и растаял.
Рассказал Чжу Цун-лун.

Лю Юань

Минчжоуский делопроизводитель Ся и зажиточный простолюдин по фамилии Линь на паях взяли в подряд казенную питейную лавку. Из доходов, что давала та лавка, каждый изымал по своему разумению — когда больше, когда меньше, так же на доверии платился и налог.

За много лет Линь задолжал Ся две тысячи связок монет, Ся попросил деньги вернуть, но не смог их получить, а потому подал иск в область. Однако чиновники, приняв взятку от Линя, повернули дело наоборот — будто это делопроизводитель Ся был в долгу. Вдобавок Линь заранее велел имеющим отношение к этому делу восьмерым людям внести исправления в счетные книги, чтобы полностью обезопасить себя. Ся смирился с обстоятельствами и перестал сопротивляться, когда же его заключили под стражу и допросили с пристрастием, и вовсе слег больной.

А в тех краях жил некий молодой человек Лю Юань, восьмой в семье. Свободно-дерзкого нрава, превыше всего он ставил долг и справедливость. Сочтя произошедшее несправедливым, он во всеуслышание заявил:

— Вот так у нас тут безвинно страдают люди! Делопроизводитель Ся пытался привести в порядок денежные дела в винной лавке, но оказался в беде и ныне заточен в узилище! Есть ли прок от областных и уездных властей? Как жаль, что не от меня зависит изобличение виновного, уж я бы сумел полностью раскрыть и изъяснить причины случившегося и тогда батогов непременно получил бы кто-то другой!

Его слова дошли-достигли и до тех восьмерых — опасаясь, что правда выплывет наружу, и тогда им несдобровать, они послали двоих самых бойких на язык, чтобы те пригласили Лю выпить в винную лавку — поговорить о судебном деле:

— К чему, сударь, ворошить чужие дела? Давайте лучше выпьем!

Едва вино кончилось, один из них вынул из рукава государственных ассигнаций на двести тысяч и протянул Лю:

— Мы знаем, что живете вы бедно, позвольте немного помочь вам.

Лю впал в ярость.

— Ты и тебе подобные замыслили неправедное, обманом победили в судебном деле, а теперь еще и меня хотите замарать вашими грязными деньгами?! Да я лучше с голоду умру, а не возьму ни единой монетки у таких, как ты! Истина и ложь, наговор и правда — может, в посюстороннем мире и не удастся навести порядок, но в мире потустороннем дело на вас наверняка, никаких сомнений! И тогда доброе имя Ся будет восстановлено!

Он кликнул прислужника из винной лавки:

— Сколько причитается за то, что мы выпили сегодня?

— Тысяча восемьсот монет, — был ответ.

— Пили втроем, значит, я должен шестьсот, — сказал Лю, тотчас снял одежду, обменял на деньги и заплатил.

Вскоре болезнь Ся обострилась, он вышел из узилища и вскоре умер. А перед кончиной наказал сыну:

— Я умираю, затаив обиду. Официальную бумагу о давешней совместной аренде лавки, а с нею соглашения с причастными к сделке людьми — все это положите ко мне в гроб, а я уж постараюсь подать жалобу в подземном мире!

И вот за какой-то месяц все восемь причастных один за другим безвременно умерли!

А еще через месяц Лю, будучи дома, вдруг почувствовал, как в голове у него все завертелось, а в глазах потемнело. Охваченный дрожью, он сказал жене:

— У меня все перед глазами меркнет — это, конечно же, началась тяжба делопроизводителя Ся. Я буду должен дать показания, а значит — скоро умру. За свою жизнь я не сделал ничего дурного, так что, пожалуй, еще, по счастью, вернусь и оживу. Обряжать мое тело не надо: минет срок в три дня, и я снова буду с тобой!

Тем же вечером он и вправду умер.

Минули две ночи, как Лю вдруг приподнялся и сел. Рассказал:

— Я отправился в путь вместе с двумя посланцами — мы преодолели двести ли и оказались в присутственном месте. Здесь я встретил одетого в зеленый халат чиновника, он вышел из комнаты под галереей. Гляжу: а это делопроизводитель Ся! Мы трижды поприветствовали друг друга поклонами. «Прошу простить, что утрудил вас прибытием сюда, — сказал Ся. — Здешние документы уже все подготовлены, осталось только их засвидетельствовать, так что ни о чем не тревожьтесь!» Потом я увидел тех злонамеренных восьмерых, закованных в одну длинную, в чжан и цуней пять-шесть, кангу, лишь головы торчат поверх... Тут доложили, что начальник прибыл, и меня повели во двор для дачи показаний. «Про то, что случилось у господина Ся, рассказывать не надо, просветите меня только о том, что произошло в винной лавке», — велел начальник. Я доложил: «Меня позвали вот эти двое, мы выпили по пять чаш вина, была заказана похлебка трех вкусов, а потом они попытались всучить мне двести тысяч государственными ассигнациями. Я, конечно же, не мог их принять». Начальник поглядел на свиту и сказал со вздохом восхищения: «Пока в мире пребудут такие хорошие люди, истина всегда восторжествует. Надо рассудить, как в благодарность наградить тебя! Посмотрим-ка, сколько лет ему отпущено». Один из чиновников вышел, тут же вернулся и доложил: «Всего семьдесят девять лет!» Начальник сказал: «Когда бедняк — и денег не берет, как им не восхититься? Добавить ему еще двенадцать лет к

жизни!» И приказал прибывшим за мной посыльным показать мне подземный ад.

То, что я видел, в целом было похоже на мир людей, а заключенные были все из нашей области или близлежащих уездов: кто закован в шейные колодки, кого допрашивают, наказывая батогами... Насколько хватало глаз, все жалостливо рыдали, выкрикивали свои имена и где живут, чтобы я, вернувшись к жизни, дал знать их родственникам. Кто-то говорил, что задолжал такому-то деньги, кто-то просрочил ренту, кто-то незаконно присвоил земельную собственность... Каждый наказывал передать женам и детям поскорее погасить долговые обязательства, чтобы уменьшить адские мучения. Другие же клянчили деньги на пропитание или же просили заказать по ним заупокойные чтения. Я не мог смотреть на все это и повернул обратно, но долго еще слышал их стенания снова и снова — и так без конца.

Я вновь оказался перед присутствием, и начальник сказал мне: «Ты теперь видел все, так что, когда оживешь, расскажи про увиденное всем людям в подробностях, объясни, что загробный суд действительно существует». Я поблагодарил его низким поклоном, попрощался и отправился прочь. Вышел за ворота, и тут же сопровождавшие меня стали требовать денег. Я не дал, отказал. «Уже два или три дня мы тебе прислуживаем, — укоряли меня они. — Отчего бы не быть толику малую благодарным? Дай же нам хоть сто тысяч связок монет!» Я снова отказал им: «Самому есть нечего, откуда у меня лишние

деньги!» Тут один из посланцев ухватил меня за узел волос на макушке, рванул и как толкнет на землю — я и очнулся!

Осмотрели его голову — действительно, проплешина, и клок волос лежит на изголовье!

Уездный пристав Ван И, что из Цзинани, в то время проживал в Минчжоу и сам видел, как все происходило. В годы под девизом правления Чуньси Лю было уже за восемьдесят, он захворал, и Ван, исполненный беспокойства, тотчас отправился его проведать.

— Не надо тревожиться, господин пристав, — сказал ему Лю. — Я нынче еще не умру.

И действительно: ничего дурного с ним не случилось — видно, из-за того, что по указанию начальника из преисподней ему добавили время жизни. Лю умер только в девяносто один год.

Ван теперь служит судебным исполнителем в Жаочжоу. Он и рассказал.

Внучка Ханчжоуского Дуна

Дун Хань-цин по второму имени Чжун-цзюй был из Дэсина, что в области Жаочжоу. Женился на госпоже Чжу из того же уезда, а в начале годов под девизом правления Шао-син стал начальником области Ханьчжоу. На этом посту и умер. У родных не

было возможности сразу вернуться на родину, и они временно поселились в Шу.

Старший сын Дуна, Юань-гуан, тоже взял жену из семьи Чжу. Когда траур по отцу закончился, он получил назначение на пост начальника уезда Чжушаньсянь в Фанчжоу. Жена родила ему трех дочерей, потом умерла, и Юань-гуан снова женился, на сей раз на девушке из семьи У. Когда срок его службы подошел к концу, он вместе с семьей отправился на лодке на восток. Рядом, на другой лодке, плыл шуский торговец Люй Ши-фан, и они постоянно наносили друг другу визиты, так что вскоре сблизились, что называется, словно кости и мясо. Вторая жена Чжу была миловидна, в общении свободна, поэтому когда Юань-гуан, добравшись до Линьани, внезапно умер, Люй, испытывая искреннее сочувствие к жене и детям покойного, взял их с собою на запад. Сделал женщину своей содержанкой, поселив в Писяне, а вот что стало с тремя дочерями от первой жены — неизвестно.

Чжу Цы-цянь, чей род в двух поколениях оказался связан брачными узами с Дунами, скорбел о родственниках, неотступно о них думал и не раз просил своего земляка, генерал-губернатора Ван Гун-цзяня, отыскать их, но те как будто сгинули [1].

В начале годов под девизом правления Цянь-дао (1165—1173), когда Чжу служил начальником

---

[1] Ван Гун-цзянь — сунский чиновник Ван Ган-чжун (王剛中 1103—1165), чье посмертное имя было Гун-цзянь 恭簡.

области Цзячжоу, его перевели на должность налогового эмиссара Лилу — и сменить его в должности приехал как раз Люй. Чжу сразу возненавидел этого человека, не стал ждать проведения положенных церемоний, раньше срока, что называется, развязал печать и ушел со службы [1].

В год под циклическими знаками *бин-сюй* (1166) его сын Чжэнь-хэн, второе имя Дун-лао, занял должность главнокомандующего Сычуани и одновременно с этим получил предписание прибыть в Чэнду. По пути он проезжал через область Мяньчжоу. Начальником там был придворный советник У Чжунгуан — он устроил в честь прибытия Дун-лао пир и собрал музыкантов и певичек. Одна певичка стояла у дверей — безмятежна, обликом изящна, на остальных не похожа. Дун-лао не мог отвести от нее глаз.

— Кто это? — спросил он у старшей над певичками.

— Она понравилась господину чиновнику? — улыбнулась она.

— Не в этом дело, — отвечал Дун-лао. — Я не имел в виду ничего такого. Просто эта девушка не похожа на других, вот и спросил.

— Ее зовут Сюэ Цянь.

Тут У пригласил всех присутствующих поднять чаши с вином, но Дун-лао, сославшись на то,

---

[1] Казенная печать — символ властных полномочий, носилась чиновником на специальном шнуре, который сдавался вместе с печатью при выходе в отставку.

что не может пить вина, отказался. У Чжун-гуан велел старшей певичке непременно уговорить его выпить, и та отвечала со смехом:

— Если вы хотите, чтобы главнокомандующий выпил до дна, то надо позвать Сюэ Цянь — ей он не откажет!

— Так он ее знает? — понимающе улыбнулся У.

— Если прежде он никогда не бывал в этих местах, как мог с нею познакомиться? — был ответ. — Просто она держится диким журавлем среди стаи куриц, чужая им и чуждая, вот и привлекла его внимание, и больше ничего другого.

Тогда У Чжун-гуан велел певичке подойти к ним поближе и спросил негромко:

— Ты определенно не из этих развратных девиц! Как ты сюда попала?

Поначалу девушка стыдливо молчала, но в конце концов призналась:

— Я происхожу из хорошей семьи. И дед, и отец мой были чиновниками, а мне не посчастливилось — я лишилась целомудрия и погрузилась в пучину позора! Это все не иначе, как из-за проступков в прошлой жизни, которые я ныне искупаю. Что тут еще скажешь?..

Дун-лао взволнованно спросил:

— А твои дед и отец — не управляли ли они областью Ханьчжоу и уездом Чжушаньсянь?

В изумлении девушка заплакала:

— Откуда вы об этом знаете, господин чиновник?

— Фамилия твоей матушки была Чжу? Так ведь это моя тетка! — отвечал Дун-лао. — Я слышал, что вы с матерью пропали без вести, много лет безуспешно ищу вас! А, оказывается, ты совсем близко! Я и подумать не мог, что встречу тебя здесь!

Он попросил девушку рассказать, что произошло, и выяснилось, что мать продала ее старухе Сюэ за семьдесят тысяч монет — больше года Цянь уже числится в певичках! Когда девушка замолчала, у Дун-лао слезы потекли из глаз. Все присутствующие стали наперебой задавать вопросы, но Дун-лао сказал:

— История длинная, сразу все и не расскажешь. Давайте поговорим в другой раз.

На том пир закончился, и Дун-лао вернулся на постоялый двор.

На другой день пришла с визитом Цянь, привела матушку. У Чжун-гуан явился тоже. Девушка подробно рассказала свою историю и взмолилась, чтобы ее вычеркнули из списков певичек.

— Это нетрудно, — сказал У Чжун-гуан. — А что дальше будете делать?

— Уповаем на вас, господин! — отвечал Дун-лао. — Мать ее приходится мне младшей двоюродной сестрой по матери, но сейчас мне предстоит женитьба. Средства, которыми я сейчас располагаю, мне придется истратить на расходы по путешествию в Чэнду и на бракосочетание. Позвольте мне на время оставить Цянь в покоях вашей супруги!

У Чжун-гуан рассмеялся:

— Неужто вы присвоили себе право единолично вершить в Поднебесной справедливость? Я помогу вам двумя сотнями тысяч!

После этого разговора Дун-лао отправился в Чэнду, а примерно через месяц вернулся и отдал У Чжун-гуану пятьсот тысяч, добавив сверх того, что ему одолжили, — за попечительство над Цянь.

— А я уже подобрал вам прекрасного зятя! — рассмеялся У.

Цянь выдали замуж за человека по фамилии Ши, забыл его имя. На другой год этот Ши был рекомендован на столичные экзамены.

Дун-лао выяснил, где находятся другие родственники, и всем помог, чтобы могли жить безбедно. Так род из Ханьчжоу не прервался — а все благодаря ему.

Девушка с южного рынка в Эчжоу

В чайной лавке, что на деревенском рынке в южной части Эчжоу, работал служка по имени Пэн Сянь. И хотя был он обычный городской простолюдин, но наружностью обладал привлекательной — иным красавцам-мужчинам на зависть.

Девица У из богатого дома напротив чайной лавки частенько украдкой любовалась Пэном из-за занавески — влюбилась в него. Сообщить о своих чувствах она не могла и от тоски слегла с чахоткой.

Мать испугалась и стала в тайне от остальных допытываться:

— Доченька, не иначе, как давит тебе камнем на сердце неразделенная любовь! Ты попробуй, расскажи мне.

— Так и есть, — отвечала дочь. — Да только боюсь, что вы с батюшкой разгневаетесь. Не смею признаться!

Три раза мать упорно приступала к ней с расспросами, и дочь наконец поведала о своих чувствах.

Мать рассказала отцу, но разница в положении между ними и служкой была слишком велика, и тот не пожелал и слушать, опасаясь, что соседи поднимут их на смех. Недуг между тем усилился, и кое-кто из родных, прознав об этой истории, стал уговаривать старого У не препятствовать браку дочери. У позвал к себе служку Пэна и растолковал, что и как, сказав, что тот должен радоваться столь редкой удаче. Однако Пэн, уже подумывавший о женитьбе, отнесся к такому поведению девушки с отвращением и откланялся, наотрез отказавшись.

Вскоре девица У умерла. Ее похоронили далеко за городом, на фамильном кладбище. Погребальная церемония была настолько пышная, что зеваки лишь вздыхали в изумлении.

Некий молодой дровосек, соблазнившись множеством вещей, положенных в гроб, задумал раскопать могилу. Открыл гроб, взялся и посадил покойницу, чтобы снять с нее одежду, как вдруг девица У — а тело у нее мягкое и теплое! — открыла глаза и уставилась на него.

— Как хорошо, что ты встряхнул меня: я ожила! — сказала она. — Не причиняй мне зла, лучше подожди темноты, а потом отнеси домой. Я отлежусь, и, если ты все исполнишь в точности, стану твоей женой!

Дровосек сделал, как велено. Он сложил все, как было, поправил разрушенную могилу и вернулся с девицею домой.

Когда ее болезнь пошла на поправку, дровосек, как и было условлено, взял ее в жены. Девица носила теперь грубую одежду и травяную обувь, уже не прихорашивалась как прежде, и только воспоминания о Пэне неотступно преследовали ее.

Настала весна пятого года под девизом Цяньдао (1169).

— Давно уже не была я на южном рынке, найми лодку и свези меня туда, — попросила девица дровосека. — Когда родные увидят меня, то обрадуются, что я воскресла, и уж точно допытываться ни о чем не станут!

Дровосек отправился с нею.

Лишь добрались они до южного рынка, как девица прямиком поспешила в чайную. Поднялась по лестнице — а навстречу Пэн с кувшином в руках. Девица послала дровосека на первый этаж, чтобы купил вина, а сама пригласила Пэна присесть с ней рядом и стала говорить, что воскресла единственно из-за мыслей о нем и ни о чем так не мечтает, как соединиться с ним. Однако Пэн отнесся к ней с прежним презрением, к тому же он знал, что девица У давно умерла. Влепив ей пощечину, он вскричал:

— А! Бесовка! Да как ты смеешь являться людям среди бела дня!

Девица заплакала и пошла прочь. Пэн побежал было за ней, глядь — а она лежит у входа! Всмотрелся: мертвая! Тут подоспел дровосек с вином, схватил Пэна, стал звать на помощь. На крики выбежали из дома семьи У — окружили тело, горько зарыдали. Не в состоянии уяснить, как это девица вдруг оказалась жива, они задержали Пэна и препроводили в присутствие.

На освидетельствование могилы девицы отрядили уездного делопроизводителя — могилу нашли пустой! Было проведено дознание и вынесено решение: дровосека за порчу гроба и кражу трупа приговорили к смерти, а Пэна отпустили.

Ляо-цин, монах из буддийского храма Юньцзюйсы тогда как раз собирал пожертвования в области Эчжоу и стал свидетелем этого необычного происшествия.

В «Записях об искреннем почитании» имеется рассказ о дочери Чжана из Датуна — немного похож на этот [1].

---

[1] «Записи об искреннем почитании» 清尊錄. — Этот сборник принадлежит упомянутому ранее Лянь Бу; до наших дней дошла всего одна цзюань, включающая среди прочего и рассказ о дочери Чжана.

Сын зажиточного простолюдина из Шуангана

В нескольких десятках ли от внешней стены Пояна было озеро, разделенное многочисленными дамбами — ими совместно владели местные зажиточные семьи. С наступлением зимы они отдавали рыбакам распоряжение осушить озеро и выудить рыбу. В это время по берегам сооружали хижины из тростника, там ночевала молодежь, охраняя рыбу от разбойных воров.

В год под циклическими знаками *синь-ю* девиза правления Шао-син (1141) рыбу караулил сын некоего зажиточного простолюдина.

Короткий день клонился к закату, угрюмо и тягостно моросил ледяной дождик. Юноша сидел одиноко, прижимаясь к жаровне. Вдруг кто-то толкнул входную дверь — вошла девушка, по виду певичка, одета изысканно, в украшениях, промокла с головы до ног, в руках держит платье на зимней подкладке.

— Я артистка, из тех, что исполняют музыкальные номера, — сказала она. — Мы услышали на рынке, что в поместье Ли Си-шэна устраивают семейное торжество и приглашают гостей, и решили предложить наши услуги. Я отстала от своих, оказалась под дождем совсем одна, в представлении мне уж не поучаствовать. Разрешите остаться здесь на ночлег!

— Здесь очень мало места, — отвечал ей юноша. — И всего одна небольшая лежанка. Родители у меня страшно строгие, если я тебя оставлю на ночь, обязательно станут бранить меня. Поместье Ли тут не так далеко, если поспешишь, то вполне успеешь!

Девица молила юношу неотступно, и так и эдак заигрывала с ним, однако тот был тверд и на уговоры не поддавался.

— Коли ты не желаешь предоставить мне ночлег, — наконец сказала она, — позволь хотя бы одежду просушить у огня. Как высохнет, сразу уйду, хорошо?

На это юноша согласился.

Он уселся на лежанку, а девица опустилась на пол, подняла до середины рукава, обнажив руки, белые, как молоко, повернулась спиной и начала было подворачивать шелковую юбку, как вдруг из-под юбки показался хвост! Юноша тут же схватил палку, стал бить-колотить — девица вмиг обернулась лисой и удрала, а наряды ее пали, словно сброшенная кожа, и оказались палой листвой, выпачканной в жидкой грязи.

Лу Сы-гун

Простолюдин Лу Сы-гун с рынка в Жаочжоу варил похлебку из свинины на бараньей крови и торговал ею, чтобы прокормить себя и жену. В день

у него выходило не более двух сотен медяков, но Лу мирился с бедностью и был доволен тем, что имел. С соседями он тоже никогда не ссорился.

Во вторую луну первого года под девизом правления Цин-юань (1195) Лу торговал вразнос на мосту Дэхуацяо.

Покупателей было очень много. Какой-то деревенский оборванец, по виду шаман, привязался к Лу, выпрашивая подаяние.

— Подожди немного, вот сейчас продам несколько порций похлебки, соберу выручку и уделю тебе из нее толику, — сказал ему Лу.

Попрошайка захихикал и ушел.

А через мгновение кипевшее в котле Лу варево вдруг разом остыло, стало ледяное. Все, кто ждал своей порции, есть отказались, разошлись.

Лу владел кое-какой магией, он почувствовал движение энергии и понял, что произошло. Тихо вздохнув, он погасил огонь и отправился домой. Дома Лу слепил из глины десять комков, поставил их в ряд перед огнем очага, разделся и лег спать.

Попрошайка же, сполна истребовав подаяние в других местах, вернулся к себе на постоялый двор. Внезапно у него в животе будто угли запылали — попрошайка заскакал от непереносимой боли. Зная за собой вину за недавнюю проделку, он бросился к хозяину постоялого двора за советом.

— Господин Лу — уважаемый маг, — сказал тот. — Весь город его почитает! Как же ты был столь легкомыслен, что решился навредить ему?

В ужасе шаман-попрошайка нанял мальчонку, чтобы тот проводил его к дому Лу, а там стал отбивать земные поклоны. Назвался Чжоу, третьим в семье, да только Лу не реагировал, а боль в животе у Чжоу лишь усиливалась.

— Ну, теперь-то ты простишь его? — стали спрашивать Лу зеваки.

Тот согласно кивнул, пошел в дом и убрал глиняные комочки от очага. Чжоу тут же исцелился и купил Лу вина, чтобы извиниться за свой проступок. А на другой день явился снова — с целым жбаном и курицей в придачу, прося взять его в ученики и передать свое искусство, однако Лу не согласился.

Он и по сю пору торгует своей похлебкой.

Как Лю Цзы-сюй бесов рубил

Даос Лю Цзы-сюй из обители Цзыцзигун, что в Фучжоу, избавлял людей от бесовского наваждения истинными способами маошаньской школы [1]. И хотя способы были весьма действенны сами по себе, Лю, по натуре выдумщик, все помыслы направил на стяжание богатства. Он безмерно бахвалился, превознося себя — частенько в таком вот духе:

---

[1] Одно из направлений даосизма, известное также как Школа высшей чистоты. Название происходит от горы Маошань, где выстроил скит один из основателей школы.

— В прошлом месяце я усмирял бесов в доме таких-то в Симэне. Зарубил трех собственноручно, все лезвие меча было в крови! А несколько дней назад в восточной столице в доме такого-то зарубил еще двоих, крови натекло — ужас! В течение одного месяца я покарал порядка нескольких десятков демонов!

Лян Гунь, второе имя Да-чжун, давно уже практиковал магию, и ему было глубоко ненавистно глупое бахвальство Лю, так что он решил положить надувательству конец.

Лян нанес визит родственникам Лю, дабы выказать расположение, а когда зашла речь об искусстве Лю изгонять злобную нечисть и родные начали превозносить его без конца и края, сказал с легкой усмешкой:

— На самом деле Лю не владеет никаким искусством, он просто пугает людей своими выдумками. Скажите ему, будто бы в вашем доме завелась нечисть, позовите сюда, а я уж покажу вам, в чем он на самом деле мастак. Вместе посмеемся.

Родственники послали за Лю.

Тот пришел.

— Я давно уже знаком с твоей родней, — сообщил ему Лян. — Когда увидел, как они страдают от нечисти, пришел помочь, чтобы объединить наши силы: думаю, одному человеку тут никак не управиться. Сначала позволь мне. Если же я не добьюсь успеха, в дело вступишь ты.

— Хорошо! — согласился Лю.

— Я здесь оказался случайно, — продолжал Лян, — и не захватил с собой меч, надеюсь, ты одолжишь мне свой?

Лю передал ему меч.

— А вот амулет мой был при мне, да только я оставил его там, в каморке прислужника, — добавил Лян. — Пожалуйста, принеси.

Лю надолго ушел. Вернулся.

Лян взял амулет, стал громко читать заклинания, прошел магическим шагом несколько кругов, внезапно спрятал меч в рукав, словно в ножны, и закричал:

— Небесные полководцы, немедленно низриньте эту тварь наземь!

Выхватил из рукава меч, взмахнул, брызнула кровь — залила землю. Лян обернулся к Лю и сказал со смехом:

— К счастью, я не осрамился!

Лю от стыда потупился, не смея слова молвить, и потихоньку удалился. Родственники его хохотали до упаду. С тех пор слава Лю растаяла, а сам он забросил былые привычки.

— Это был несложный фокус, — объяснял потом Лян. — Нужно заранее нарвать определенной травы и натереть ею меч, вставить в ножны, а потом, когда вытащишь — меч алый, словно окровавленный, да еще и каплет с него, будто только что нанесли кому-то рану. Так что, как Лю, дурить людей и я могу. Вот он и устыдился, поняв, что его обман разоблачили.

Девушки из сада при храме Дунсянсы

На исходе зимы третьего года под девизом правления Цин-юань (1197) буддийский монах Фа-цзин из храма Дунсянсы, что в Фуляне, велел мальчику-послушнику захватить охапку рисовой мякины и направился окучивать и утеплять стволы и корни чайных кустов.

В глубине рощи он заприметил красивую девушку — в возрасте, когда волосы еще не укладывают во взрослую прическу, она была в длинной юбке, в роскошных одеждах. За девушкой следовали две служаночки, тоже весьма красивые.

Хихикая и перешептываясь, они приблизились к Фа-цзину. Девушка, почтительно подобрав рукава, совершила приветственный поклон:

— Долголетия вам и счастья, о монах!

Фа-цзин отвечал учтиво, а про себя подумал: «Поблизости нигде нет человеческого жилья, разве в лощине у подножья горы, где живут две-три семьи, однако их девушки и женщины тяжко трудятся и уродливы с виду. Откуда бы здесь взяться столь чудесным красавицам? Это, без сомнения, злобные оборотни! Нельзя позволить им меня зачаровать, заморочить»

Фа-цзин спрятал руки в рукава, начал перебирать четки и читать «Сутру преодоления препятствий», да еще громовым голосом — дабы устрашить оборотней.

Девушка звонко рассмеялась и сказала Фа-цзину с укором:

— Да ты, монах, шутник! Читай ты эти заклинания о преодолении препятствий хоть сто тысяч раз подряд — все без толку! Я ведь не душа умершей, чего мне бояться?

— Что ты за нечисть такая — залезла в наши чайные посадки и смущаешь-завлекаешь своей прелестью?! — прикрикнул на нее Фа-цзин. — Я — буддийский монах, ношу подобающее одеяние, дни провожу в чтении сутр, соблюдаю посты, совершенствуюсь и очищаю душу — ни умершие, ни злые оборотни не могут мне навредить! Быстро убирайся отсюда прочь!

— Ты и впрямь достойный человек, — отвечала девушка. — Я вышла со служанками из дома прогуляться, заблудилась и сюда забрела случайно. Сделай милость, господин монах, укажи мне обратный путь. С твоей благодатью не страшна никакая нечисть!

Фа-цзин вывел их из сада, и девушка, поблагодарив, сказала:

— У персикового источника, куда по ошибке попал, так просто не заметить пролетевшего в одно мгновение времени! [1]

И тут же вместе со служанками кинулась в заросли терновника, не обращая внимания на колючки. В один миг все три девицы обернулись лисами и

---

[1] Персиковый источник — метафорическое обозначение обители бессмертных.

страшно завыли. Фа-цзин завопил в полном ужасе, схватил послушника за руку и бросился бежать. Примчался в свою келью и упал ничком.

Несколько дней после того на сердце у него было неспокойно.

Две кошки из Тунцзяна

Один простолюдин из Тунцзяна держал дома двух кошек — души в них не чаял, брал с собой и за стол и в постель, днем следил, чтобы они наедались до отвала, а ночью — чтобы спали обязательно на подстилке, держал их на руках, ласково поглаживал. Если кошки выбегали на улицу, тут же посылал служанку, чтобы приглядела.

Однажды в глиняный сосуд, где хранилось просо, пролезла мышь — свалилась внутрь, а выбраться не может. Служанка тут же побежала к хозяину. Тот обрадовался, взял одну из кошек и запустил ее вслед за мышью. Та заметалась, пронзительно вереща, но кошка лишь внимательно наблюдала за ней, не трогаясь с места, будто выжидая удобный момент. Так продолжалось довольно долго, а потом кошка подпрыгнула и выбралась из сосуда. Хозяин рассмеялся, взял вторую кошку, отправил к мыши — и она тоже выпрыгнула наружу. А во дворе как раз бегали цыплята — на них кошки вдруг и набросились и всех передушили.

— Мы так сильно заботились об этих кошках, — в сердцах сказала служанка. — А они, завидев мышь, ловить ее гнушаются, зато всех моих цыплят умертвили! Ну и зачем такие кошки нужны?!

Хозяин, устыдившись, не нашелся с ответом, велел отдать кошек на время соседям. Потом пошел к сосуду, заглянул в него — глубокий! Хотел спустить туда служанку, придерживая ее за одежду, но та стала сопротивляться — лишь рукав порвала да руку оцарапала. А мышь в полном довольстве сидела в внутри и, совершенно не таясь, ела просо.

На другой день служанка, все еще сердитая, решила убить мышь палкой, но едва сунула ее в сосуд, как мышь вспрыгнула на палку и быстро побежала по ней вверх. Служанка от испуга палку разжала руки, но мыши уже и след простыл!

Две кошки и служанка не смогли извести одну единственную мышь, которая, перехитрив их всех, добилась желаемого и сбежала — вот ведь смышленая тварь!

Сюй Отгрызенное ухо

Некий Сюй Чжун из Чичжоу хоть и был самого простого происхождения, однако обладал отвагой и принципиальностью. К несчастьям, в которые попадали другие, относился как к своей беде, мгновенно откликался. Если в селе возникали не-

примиримые ссоры, Сюй, что называется, грудью вставал для их разрешения, обязательно со всей искренностью доискивался, кто прав, а кто нет, и приводил сторонам такие доводы, что с ними нельзя было не согласиться.

Однажды к нему подошел некий юноша:

— Вчера ночью злобный бес заморочил и убил человека у водоотливного моста. Отчего ты вовремя не вмешался, а?

Сюй не нашелся с ответом и ушел мрачный.

А когда настал вечер, Сюй отправился на тот мост и молча там сел. Прохожие стали спрашивать Сюя, с какой целью он здесь расселся в полном одиночестве, ведь ночь спускается, и тот отвечал:

— Жду злобного беса, чтобы поколотить его!

Над Сюем посмеялись, сочли, что он совсем рехнулся, но несколько соседских молодых повес — из числа тех, у кого еще осталось немного храбрости! — притаились неподалеку, чтобы посмотреть, что произойдет, а в случае, если вдруг у Сюя с бесом выйдут затруднения, прийти ему на помощь.

Примерно после третьей стражи вдалеке показались три или четыре беса — поползли на четвереньках из воды на берег. А Сюй сидит и не видит: притворился, что заснул.

— Здесь этот грубиян Сюй Чжун, — сказал один бес. — Самое время потихоньку уйти, нельзя с ним драться!

— Пойди глянь на него, — сказал другой.

Остальные бесы замерли недвижно, а один сторожко, маленькими шажками двинулся к Сюю и

мало-помалу подобрался к нему сбоку — тут-то Сюй на него и набросился, ударил несколько десятков раз, бил жестоко, будто по гнилой соломе колотил. Бес, сопротивлялся, вытянул руки, пытаясь сдержать натиск Сюя, но не сумел справиться — замертво рухнул на землю. Только тогда Сюй успокоился, но и бес уже исчез!

Около того моста нечисть издавна чудесила, но после случившегося наступило спокойствие.

Позднее Сюй решил навестить родителей, переправился через Хуайхэ и, проходя через Чунъян, натолкнулся на дороге на мясника, который схватил некоего торговца и выбивал из него деньги. Разобравшись в деле, Сюй сказал мяснику, который оказался неправ, с укоризной:

— Это маленький торговец из дальней деревни, а у тебя тут целая скотобойня! Не лучше ли выпить вина, что тут в изобилии делают, нежели притеснять другого и отнимать его достояние?

Торговец извернулся и убежал, а Сюй и мясник вцепились друг в друга — дрались с утра и до самого полудня без перерыва: их лица заливала кровь, Сюй выбил мяснику левый глаз, а мясник отгрыз ему правое ухо. Лишь тогда разошлись, когда смертельно устали. После этого Сюй решил на родину больше не возвращаться, опасаясь, что будут насмехаться над его ухом. Его действительно прозвали — Сюй Отгрызенное ухо.

На второй год под девизом правления Цяньдао (1166), проходя через город Байванши, что в об-

ласти Хэчжоу, Сюй неожиданно встретил удивительного человека, который предсказывал будущие радости и горести, и очень многое сбывалось. Сейчас они путешествуют по Чжэньчжоу и Янчжоу, и странных историй про это рассказывают великое множество, никакого времени не хватит записать!

Рассказал даос Ян Чжоу-жань.

Девица Цзе Ци-у

Дом жителя Фанчжоу Цзе Сань-ши стоял по соседству с ученым кабинетом сюцая Нина. Его дочь Ци-у с молодости была неравнодушна к знаниям, каждый день тайком слушала, как ученики сюцая упражняются в чтении, — и все услышанное могла продекламировать наизусть. В свою очередь отец ее имел пристрастие к даосскому учению, пользовался книгами заклинаний, и, когда его не было дома, Ци-у без разрешения изучала эти книги.

И вот ей исполнилось двадцать три года.

Стояла девятая луна тринадцатого года под девизом правления Чунь-си (1186), когда она вышла замуж за Ши Хуа из Гуйчжоу, тот вошел в их дом примаком. Довольно скоро Хуа уехал по торговым делам.

Когда настала четвертая луна пятнадцатого года Чунь-ми (1188), Ци-у уже превзошла науку книг отца. И тут от Хуа пришло конфиденциальное пись-

мо, где он писал жене следующее: «Когда я жил в вашем доме, тесть с тещей унижали меня на разные лады, да к тому же не позволяли заниматься торговлей. Ныне я скитаюсь по Нинфу, ты же в одиночестве терпеливо храни свою чистоту, и мысли допускай о том, чтобы выйти замуж за другого. Позволь мне завершить мои планы, а уж тогда я приеду и заберу тебя».

Неотступно думая о Хуа, Ци-у постоянно плакала, перестала есть — едва дышала, словно разбитая чахоткой, а в восьмую луну умерла. Хуа же ничего об этом не знал.

А через два месяца, когда Хуа был на постоялом дворе в Нинфу, Ци-у вдруг вошла к нему. Хуа вскочил взволнованный:

— Отсюда до Фанчжоу далеко — тысяча ли! Как же ты, одинокая слабая женщина, смогла добраться сюда?!

— После того, как я получила ваше письмо, то слегла больная от тоскливых мыслей. Родители мне никак не сочувствовали — наоборот, лишь осуждали и бранили меня. Тогда я оставила в своей комнате записку: написала, что пойду брошусь в воду, утоплюсь, и чтобы меня ни в коем случае не искали. Вот так я обрела свободу и отправилась в путь-дорогу: кормилась подаянием, сполна хлебнула разных горестей, сбила ноги в кровь — и все лишь для того, чтобы увидеть вас!

Хуа взглянул на нее — вся покрыта снегом, одежда и туфли изорваны в клочья! — обнял и раз-

рыдался. Рука об руку они вошли в комнату, Хуа накормил Ци-у мясом, купил ей новое платье, и они остались жить вместе на том постоялом дворе.

Состояние Хуа весьма приумножилось. Когда настала зима второго года под девизом правления Шао-си (1191), он хотел было отвезти жену в родительский дом, но та наотрез отказалась, и тогда они отправились на родину мужа в Гуйчжоу.

Зимой следующего года сосед Цзе Сань-ши некто Тянь в первую луну гостил в Гуйчжоу и там повстречал Ши Хуа. Тот пригласил Тяня к себе домой, навстречу вышла Ци-у. Увидев ее, Тянь в испуге воскликнул:

— Да ведь девица Ци-у уж три года как умерла! Как она может быть здесь и — живая?!

— Я обманула родителей, — отвечала Ци-у. — Сказала, что утоплюсь, а сама сбежала к господину Ши. Смерть моя не была настоящей!

Тянь ничего больше говорить не стал, хотя у него и имелись большие сомнения по поводу этой истории. Вернувшись в Фанчжоу, он рассказал Сань-ши о том, что видел. Сань-ши не поверил, но гроб с телом его дочери был предан сожжению...

На четвертый год под девизом правления Шао-си (1193) Хуа переехал в Цзиннань. Прослышав об этом, Цзе Сань-ши послал к нему сына с письмом, дабы тот лично все проверил. Тот встретился с Хуа и своей младшей сестрой, убедился, в каком согласии они живут, пробыл с ними несколько месяцев, а затем сопроводил их в Фанчжоу. Цзе Сань-ши на

радостях выставил вино и пригласил всех родственников, но те в один голос отказались:

— К несчастью, девица Ци-у безвременно покинула нас молодой, уж тому сколько лет, останки ее сожжены, так что на ее месте — непременно злобный оборотень, что назвался именем вашей дочери, не видать добра от этого господину Ши! Надо что-то делать!

На душе у Сань-ши стало неспокойно.

На другой день он позвал даосского заклинателя, чтоб тот выяснил, что за нечисть выдает себя за его дочь, и обуздал ее. Девица Ци-у держала себя непринужденно, даже радостно, но заклинатель еще не успел дописать амулет, как она уже написала свой, и амулет даоса порвался. Заклинатель стал писать сызнова, на сей раз амулет призыва небесным чиновникам схватить беса, но Ци-у победила его амулетом Сокровенной Девы Девятого Неба. Заклинатель не стал больше испытывать ее способности. Сжав в руке меч, вперился в нее взором:

— Что ты за тварь такая?!

— Когда я еще была жива, — отвечала девушка, — то досконально изучила все книги заклинаний моего отца. А потом во сне удостоилась того, что Сокровенная Дева при помощи своего чудесного способа вернула меня к жизни. Так я снова стала человеком, дабы до скончания века пребывать в бренном мире. Помыслы мои обращены на помощь людям, никогда я не нарушу запреты, установленные Небом и Землей! Зато ты совершил уже много про-

ступков, впустую ты призываешь могущество духов, тебе не подчинить меня!

Заклинателю нечего было ответить, и он удалился. А Ци-у, встретившись с отцом, матерью и другими родственниками, стала близка с ними, как и раньше.

В первый год под девизом правления Цин-юань (1195) Цзе Сань-ши со всей семьей отправился на прогулку за город. Дошли до того места, где был захоронен прах Ци-у. Цзе невзначай указал ей на это место — девушка громко засмеялась и быстро побежала в горы, скрывшись из виду.

Больше она не появлялась, и чудеса на этом прекратились.

Как Чэнь Юй обуздал шамана

Чэнь Юй, второе имя Синь-чжун, был родом из Линьчуани, по натуре храбрец, человек долга.

Провалившись на экзаменах в столице, он возвращался домой. По дороге, проезжая мимо жилища своей двоюродной тетки, обнаружил, что в доме болеют: ворота заперты, никого не пускают, да никто и не стремится туда зайти.

Юй пожелал войти, но тетка остановила его:

— У нас в доме неладно, в большую беду мы попали! Такова наша злосчастная судьба, ничего не попишешь! Но вам-то зачем по доброй воле подвергать себя опасности?

Юй не стал слушать, толкнул дверь и вошел. Смотрит: за воротами алтарь с изображениями духов, обильно горят ароматные благовония — это все устроил шаман.

— Недуг усиливается от того, что в доме полно испарений и дыма, — сказал Юй тетке. — Как можно было еще и двери с окнами позакрывать, чтобы никакого движения воздуха не стало?

Вынул из припаса целебные пилюли, бросил в большой котел, поварил и первым выпил чашу, а уж потом попросил тетку напоить этим отваром всех в доме от мала до велика. Затем опрыскал отваром все стены в доме, а шаманские принадлежности все убрал до единой. Чинно уселся и стал поджидать шамана.

Явился шаман. Изумился, что двери распахнуты, а все его вещи исчезли — очень рассердился. Юй, расплывшись в улыбке, приблизился к нему, посмотрел на шамана пристально и вдруг как гаркнет:

— Ты еще кто такой, что посмел явиться сюда?! В этом доме дети малые, в каждой комнате больные лежат, а ты их своим колдовством морочишь, оставил на целых десять дней без надежды на выздоровление — что же ты замыслил? Да ты действительно разбойник!

Повалил шамана и связал. Испуганный шаман пытался было отговориться, но когда Юй собрался доставить его к властям, сразу же признал свою вину и стал просить о снисхождении. Тогда Юй развязал веревку и велел ему каяться в проступках. Ша-

ман начал умолять наказать его частным порядком, и Юй дал ему тридцать плетей, все благовония потушил и выбросил. Соседи с перепуга стали порицать Юя, но он лишь молчал и посмеивался. А назавтра все в доме тетки Юя почувствовали себя значительно лучше, и те, кто раньше упрекал его, ныне согласились, что он был прав.

В другой раз Юй приехал в некий уезд, где столкнулся со злодеями, обижавшими слабых и нарушавшими покой в целом городе. Он тут же пустил в ход кулаки и кого из бандитов забил до смерти, а кого изгнал прочь. Тут как раз случилась всеобщая амнистия — дело было в первый год правления под девизом Цзянь-янь (1127), и Юй избежал наказания [1]. Потом он еще несколько раз принимал участие в экзаменах, наконец получил пост делопроизводителя в Цзиньюне, на этой должности и умер. Никогда в жизни он не женился и не заводил наложницы. Тоже — удивительный человек!

Торговец имбирем из Хучжоу

Мелкий торговец из Хучжоу закупил имбирь в Юнцзя, а богатей, некто Ван, забрал его товар силой, не заплатив. Торговец стал поносить Вана, тот разозлился, со всей мочи ударил его в спину — так,

---

[1] Амнистия в связи с воцарением первого императора Южной Сун.

что несчастный замертво упал у порога дома. Поняв, в какой ужасный переплет попал, Ван стал возносить молитвы о спасении из беды — и спустя долгое время торговец наконец пришел в себя. Ван напоил его вином, приготовил в искупление своего поступка корзинку с едой, вручил штуку дорогого тонкого шелка.

Позднее, на переправе, лодочник спросил торговца, где он добыл такой красоты шелк, и тот ему обо всем рассказал.

— Если б меня ударили так, что я бы встать не мог, сейчас этот человек числился бы среди душ умерших! — воскликнул лодочник.

В ту минуту принесло к переправе утопленника. Лодочник, повинуясь внезапному порыву, купил у торговца штуку шелка, а вдобавок выпросил бамбуковую корзинку.

Когда торговец ушел, лодочник, зацепив труп шестом, погнал свое суденышко к дому богатея.

Он снял с мертвеца всю одежду и пошел к воротам дома Вана.

— Сегодня во второй половине дня я перевозил одного торговца из Хучжоу, — торопился рассказать лодочник Вану. — Он поведал, что его в вашем доме избили до полусмерти, добавил, что на родине его дожидаются родители и жена с детьми, и попросил меня сообщить властям — передать, что его плоть пострадала безвинно. В доказательство своих слов оставил шелк и корзинку — и вдруг перестал дышать! Шелк — вот он, я же не смею умолчать о случившемся!

Ван задрожал от страха, вручил лодочнику двести тысяч монет, а лодочник — ну что с вами делать! — снизошел к его просьбам сохранить произошедшее в тайне, и они вдвоем закопали труп в лесной чаще. На другой день лодочник отбыл в неизвестном направлении.

Эти разговоры подслушал один слуга-плут и начал день за днем вымогать у хозяина деньги. Ван устал от его посягательств, но слуга все никак не мог насытиться и в конце концов явился в уезд с жалобой на хозяина. Того бросили в узилище и, не будучи в состоянии терпеть истязания и лишения, Ван заболел и умер.

На другой год торговец имбирем приехал снова, зашел в дом Вана — а его там приняли за беса, накинулись с бранью.

— Давно уже ты погиб-сгинул из-за несчастного случая, а наш кормилец из-за тебя принял насильственную смерть, и теперь ты являешься сызнова — злобным наваждением!

Торговец изумился:

— Да, в прошлом году я был на волосок от смерти, но спасся благодаря хозяину вашего дома! Он не поскупился и подарил мне шелк, который я продал лодочнику на переправе, после чего вернулся домой. И ныне я привез немного подарков со своей родины, чтобы отблагодарить господина Вана за его доброту. Разве похоже, что я умер и стал бесом?

Родные Вана лишь горько рыдали. Они позволили торговцу обрести, что называется, тихую при-

стань в их доме, а потом рассказали властям всю историю и пожаловались на несправедливость.

Взялись ловить лодочника — и настигли в Тяньтае: он обнищал и опустился. Его бросили в узилище, где тот и помер.

Рассказал У Цзы-нань.

Башня Фэнлэлоу

Шэнь Первый, поставщик вина с линьаньского рынка, жил в переулке, где обитали чиновники. Он открыл винную лавку и вдобавок выкупил старое казенное хранилище в башне Фэнлэлоу, что за воротами Цяньтанмэнь. Целые дни Шэнь проводил, надзирая за торговлей, домой возвращался, когда садилось солнце.

В начале годов под девизом правления Чуньси, когда весна переходила в лето, желающих выпить сделалось особенно много, и однажды Шэнь не успел вернуться домой вовремя, заночевал в башне.

Ближе ко второй страже к берегу вдруг причалила большая лодка — в ней приплыли пятеро знатных молодых людей в сопровождении десятка с лишним девиц-наложниц, они сошли на берег и направились к башне. Кликнули служку, спросили, есть ли кто на месте. Служка побежал докладывать Шэню.

Гости, пребывая в великой радости, подозвали Шэня, потребовали много вина. Шэнь непрерыв-

но им прислуживал. Пить поднялись на верх башни — актеры принялись петь, женщины стали танцевать, зазвучали струны, запели свирели, мигом осушили сто чаш вина... Пировать закончили лишь тогда, когда прошла ночь — заплатили сполна за выпитое и торжественно рассыпались в благодарностях.

Шэнь же был человек алчный и хитрый — он увидел, что молодые люди облачены в изукрашенные цветами шапки, в парчовые халаты с нефритовыми поясами, манеры у гостей весьма свободные, это явно не высшая служилая знать — он догадался, что это Утуны. Шэнь почтительно сложил руки, поклонился в пояс и сказал:

— Всю жизнь я, ничтожный, занимаюсь торговлей, а зарабатываю всего ничего, едва прокормиться хватает. Сегодня Небо нежданно осчастливило меня: глубокочтимые духи подарили меня своим посещением — воистину столь драгоценная встреча бывает раз в жизни! Мечтаю испросить вас о небольшом богатстве, дабы скрасить дни уходящей жизни!

Гости рассмеялись:

— Это нетрудно устроить! Только поясните точнее, чего хотите.

— Да всего-то и мечтаю, чтобы получить в дар ничтожные деньги, вырученные за день на городском рынке, — отвечал Шэнь.

Утуны закивали в знак согласия, кликнули слугу, что-то долго шептали ему на ухо. Слуга ушел, но вскоре вернулся с холщовым мешком. Передал

его Шэню, Шэнь с глубоким поклоном мешок принял. Загляну внутрь мешка — а там серебряные сосуды для вина! Шэнь подумал, что если понесет мешок в город, то кто-нибудь может заинтересоваться, а потому, не тратя времени на разглядывание содержимого, стал бить по мешку колотушкой и топтать его ногами, чтобы серебро не звякало.

Тут заорал петух, Утуны вскочили на коней и унеслись, словно ветер.

Шэнь не стал ложиться спать, дождался рассвета, взвалил мешок на спину и пошел домой. Жена его еще не встала с постели. Шэнь вошел, хвастливо приговаривая:

— Ну-ка ищи скорей весы, я нам богатство раздобыл!

А жена испуганно в ответ:

— Прошлой ночью я услышала, как из сундуков доносится странный шум. Встала посмотреть — ничего, но на сердце сделалось неспокойно!

Отперли замки, стали смотреть в сундуках — пустым-пусто! Все, что Шэнь заработал в винной лавке и в башне, лежало здесь... Так духи поиздевались над его ненасытной глупостью.

Шэнь обратился к ремесленникам с просьбой выправить утварь, которую сам же и расплющил. Работа стоила ему нескольких тысяч монет и такого позора, что десять дней кряду он не осмеливался выйти из дома.

Все, кто когда-либо слышал эту историю, потешались над Шэнем.

Канцелярист Ли

Служащий канцелярии некий Ли был из Цзичжоу. Стал чиновником, что называется, внеся просо. Приехал за назначением на новое место службы в Линьань и поселился на постоялом дворе в квартале Цинхэфан [1].

Напротив него в небольшом флигеле обитала женщина — она постоянно стояла у окна и из-за занавеси наблюдала, что происходит на рынке. Заслышав ее голос или звук шагов, Ли бросал все дела и украдкой следил за ней, но увидеть лицо незнакомки ему так ни разу и не удалось. Она прелестно напевала: «Тонкие ветви ивы ветерок танцевать заставил. Словно в укор, что больше любимый тут не живет». Ли был в полном восхищении от ее пения, находя его непревзойденными.

Однажды мимо жилища Ли проходил торговец мандаринами из Юнцзя, Ли окликнул его, предложил сыграть на удачу — и проиграл десять тысяч монет [2]. Лицо Ли перекосилось от возмущения:

— Лишился десяти тысяч и ни одного мандарина не попробовал!

---

[1] В данном квартале Линьани находилось много торговых рядов, это было оживленное, шумное место.

[2] Распространенная в сунское время игра, похожая на орлянку: торговец ставил на кон свой товар, а его соперник — деньги.

Пока он то и дело вздыхал от досады, явился мальчик-слуга с небольшой коробкой в руках, сказал, что этот подарок господину Ли почтительно преподносит знатная госпожа Чжао. Ли открыл — а там мандарины.

— Мы с твоей госпожой не знакомы, — сказал он мальчишке. — С чего она делает мне подарки? Кто она?

— Супруга сановника Чжао, что живет на той стороне, — был ответ. — Стоя у окна, она услышала, как вы, господин чиновник, переживаете, что вам не досталось мандаринов. У нее случайно оставалось несколько плодов, и она посчитала, что те немного скрасят вашу досаду!

Ли спросил, а где же сам господин Чжао.

— Два месяца, как убыл в Цзянькан навестить родственников и старых друзей, — отвечал мальчик.

Сердце Ли невольно затрепетало. Он пошел в свою комнату, открыл плетеный короб, достал две штуки узорного шелка и послал в ответ, но женщина его дар не приняла. Тогда Ли послал шелк снова и в конце концов настоял на своем.

Желая выказать свое расположение, Ли неоднократно потчевал слуг госпожи Чжао изысканными блюдами, часто угощал местными яствами, не раз поил вином. Когда же окончательно сблизился с ними, потихоньку сунул деньги, мечтая хоть одним глазком увидеть их госпожу.

— Не смею своевольничать! — отвечал один слуга. — Я должен пойти к госпоже и честно ей обо всем рассказать.

Вскоре он вернулся с ответом: увидеться можно будет лишь в присутственном месте. Ли, запрыгав от радости, устремился туда — присутствие располагалось в четырех-пяти домах от его жилища. Госпожа Чжао оказалась очень красивой, держалась в высшей степени строго, ни капли вульгарной легкомысленности... После того Ли только о ней и мечтал, думал день и ночь, забросив прежние развлечения с певичками.

Однажды вечером явился слуга и сказал:

— Завтра у моей хозяйки день рождения. Если вы сделаете подарок, это еще больше расположит ее к вам!

Ли тотчас же, не жалея средств, купил прекрасного шелка, фруктов, вина и отправил все в дом Чжао. Утром и сам явился с поздравлениями — поднялся в зал выпить вина, сидел там до заката, но любовного желания так и не утолил.

А еще через день в начинающихся сумерках вдруг прибежал слуга с приглашением. Ли принял приглашение, надеясь на осуществление своего заветного желания... И только они поднялись на ложе, еще не успели разделить изголовье, как вдруг снаружи послышалось конское ржание, крики сопровождающих.

Вбежала служанка:

— Господин вернулся!

Женщина побелела от страха, потащила Ли во внутренние покои, спрятала. А Чжао меж тем входил в комнату.

— Я совсем ненадолго уехал, а ты уже меня бесчестишь! — стал браниться он, размахнулся плетью и ударил жену.

Служанка показала, где спрятался Ли. Того выволокли и связали, составили официальную бумагу и собрались под конвоем отправить к районному надзирателю.

— Если я попаду к надзирателю, тогда делу точно дадут официальный ход! — стал со слезами причитать Ли. — Мы с вашей супругой хоть и давно водим знакомство, но, по счастью, до блуда-то не дошло! Я хотел бы преподнести пятьсот тысяч монет, чтобы смягчить ваш гнев!

Разъяренный Чжао не соглашался, и тогда Ли увеличил сумму до тысячи связок. Жена Чжао, что стояла поодаль, принялась упрашивать супруга:

— Это все из-за меня, не стану отпираться! Теперь, когда Ли схвачен, хватайте и меня, я тоже предстану в присутствии для допроса! Не буду стоять в стороне — каким же позором покроет это вас, господин? Умоляю о милосердии!

Слуги, которых Ли ранее щедро угощал, с поклонами обступили Чжао, прося смилостивиться. Закончилось тем, что Ли пообещал две тысячи связок монет, тогда его развязали. Потребовали написать письмо с извинениями и сопроводили домой, где забрали обещанные деньги. Затем позвали хозяина постоялого двора, чтобы Ли и с ним расплатился.

На радостях, что выпутался из этой истории, Ли осушил в одиночку несколько чаш вина и заснул.

На другой день стал украдкой разглядывать дом Чжао — а там пусто, никого нет!

Мой земляк Сюй Чжэн-фэн в то время тоже приехал в Линьань за должностью, жил по соседству с Ли и сам все видел. Средства, которыми располагал Ли, оказались исчерпаны, и он, что называется, подобно птице, которая больше не может летать, поспешно уехал на родину.

Третья девица Ян

Вэй Гао из Цинчжоу бежал на юг от беспорядков, что случились в год под девизом правления Цзин-кан, и поселился в Минчжоу.

В начале годов под девизом правления Шаосин он прибыл в Линьань для участия в аттестации чиновников. Вышел по делам за ворота Чунсиньмэнь и там столкнулся с некоей служанкой, которая спросила его с поклоном:

— Не вы ли, господин, будете чиновник Вэй Пятый по второму имени Шан-чэнь?

— Да, это я. Но откуда ты знаешь мое второе имя? — удивился Вэй.

— Вас хотела бы видеть Ян Третья, чтобы через вас передать письмо на родину, — сказал служанка. — Только что она углядела вас, господин, из-за занавески и послала меня поспешить за вами

следом, чтобы пригласить к ней. Надеюсь, вы почтите госпожу своим присутствием!

А у Вэя был шурин, помощник судьи Ян, который ныне жил в Синьани. Вэй знал, что его дочь Ян Третья вышла замуж за помощника начальника уезда Ли, но судьба разбросала семью по свету, и родные давно уже не получали друг от друга вестей. Прежде, чем идти, Вэй поинтересовался, что за новость он должен передать, и служанка отвечала:

— Помощник начальника Ли три года, как умер, а в доме Янов до сих пор об этом не ведают. Вот барышня и хочет с вашей помощью как можно скорее передать весточку.

Вэй посочувствовал такому горю и проследовал за служанкой.

Пришли к небольшому дому, навстречу с поклоном вышла девица Ян — весь вид ее говорил о страданиях обездоленной вдовы, взывал к жалости.

— Здесь я и живу, сама о себе забочусь и на родных срама не навлекаю, — сказала она. — Это заслуга моего западного соседа, чиновника Сана, а также восточной соседки, старой госпожи Ван. Оба они из Шаньдуна, стали мне как отец и мать. Следует позвать их к нам!

Вскоре явились соседи.

Все уселись вместе выпить вина. Старый Сан оказался родом из Яньчжоу, а госпожа Ван — из Даньчжоу, обоим было лет по семьдесят с небольшим.

Солнце начало клониться к закату, и Вэй стал прощаться:

— Когда я отправлюсь вниз по реке, то остановлюсь на постоялом дворе в Синьани и пошлю весть семье шурина!

Через несколько дней Вэй снова навестил новых знакомцев. Госпожа Ван спросила его о родне жены.

— Жена моя была из рода Чжэн, но давно скончалась, при мне остались только две старые служанки. А затевать новое сватовство я не могу — беден!

— Множество двоюродных родственников женятся между собой! — с улыбкой сказала Ван. — Девице Ян в ее положении нужно снова выйти замуж, доверьтесь мне как свахе! Да не затягивайте дело на месяцы и годы, лучше вам стать мужем и женой прямо сейчас. Похоже, сегодняшняя наша встреча вовсе не случайна!

— Сначала я должен донести новости до шурина, а уж потом ждать, как решит судьба, — отвечал Вэй.

— Если пятый брат Вэй считает меня уродливой, то тут и говорить нечего! — с обидой сказала Ян Третья. — С юных лет я не имею никаких вестей от отца с матерью, не могу больше жить в страхе перед будущим. Ничего не поделаешь, придется выйти замуж еще раз — и вдруг я совершенно случайно встречаю моего двоюродного брата!

Старый Сан поддержал ее слова.

Случай упускать было нельзя, и Вэй дал согласие. Ян Третья передала шелк и все, что положено,

старой госпоже Ван, чтобы подготовить свадебную церемонию, и в тот же вечер счастливый брак был заключен.

Через шесть-семь дней Вэй пошел на рынок и столкнулся там с человеком, который нес доску с надписью «Резиденция помощника судьи Яна». Вгляделся в идущих следом — а там и впрямь его шурин! Вместе они прошли в винную лавку, и Вэй стал Яну по порядку обо всем рассказывать, повинился и в своем проступке: женитьбе на девице.

— Моя дочь вместе с Ли отправилась к месту его службы, но, когда они добрались до этих мест, она внезапно умерла! — в испуге воскликнул Ян. — Ли, страшась опоздать, поспешил к месту будущей службы, а останки моей дочери захоронил здесь на пустыре. Он написал нам об этом письмо — вот мы и отправились за гробом с ее телом. Как подобное может быть?!

Исполнившись смутных подозрений, Вэй повел Яна к жилищу его дочери, но никакого дома там не оказалось. Среди захоронений сыскалась деревянная табличка, на которой было написано: «Могила Ян Третьей, супруги помощника начальника уезда Ли». Табличка слева гласила: «Сановник Сан из Яньчжоу», справа — «Старая госпожа Ван из Даньчжоу».

Вэй и Ян долго рыдали над могилой.

— А ведь верна поговорка «Вместе один день, а в разлуке — тысячу»! Мое счастье длилось семь дней, мы были муж и жена, а теперь разделены, как все живые и умершие! — сказал Вэй.

Он облачился в траурное платье и, после того, как были сделаны положенные приношения душе умершей, вместе с Яном повез гроб Третьей на родину.

Когда проезжали Яньчжоу, Вэю приснилось, что Ян Третья стоит на берегу и зовет его. Он просит ее сесть к нему в лодку, но она отказывается со словами: «За всю жизнь я никому не причинила зла. Обретя вашу поддержку, господин, я исполнилась такой признательности за ваше благодеяние, что ныне буду умолять чиновников загробного мира, чтобы мне снова родиться женщиной в мире живых, где я бы снова могла стать вам женой и ответить на ваше добро сторицей!» Заплакала и ушла...

Вэй служил помощником начальника уезда Динхай, начальником Хэнъяна, а также уезда Пунин, что в области Жунчжоу. Он был не прочь жениться, но за все это время, семнадцать или восемнадцать лет, так достойной пары и не встретил.

Будучи уже второй год на должности в Пунине, Вый стал примечать одну девушку из простой семьи, жившей рядом с уездным управлением, — она была как раз в возрасте, когда делают взрослую прическу, красоты совершенно исключительной, с обычными женщинами не сравнить!

Вэй стал за ней потихоньку наблюдать, девушка его взглядов не избегала — так что в конце концов он послал к ней сваху.

Домашние девушки стали отнекиваться:

— Да мы же простолюдины, живем продажей вина, дочь наша совершенно необразованная, даже в наложницы вам не годится, где уж нам мечтать о женитьбе!

Недовольный Вэй не отступал, уговаривал их и так и эдак, но в конце концов добился свадебного сговора. Когда же ему пришла пора развязать, как говорится, печать, женился на девице и отправился на родину.

Девушка та манерами и красотой в точности походила на Ян Третью. Сначала Вэй не придал этому значения, но потом посчитал, когда она родилась, и выяснил, что это произошло в тот самый день, когда он видел сон в Яньчжоу! Теперь он не сомневался, что к нему вернулась в последующем рождении госпожа Ян.

Вэй был старше жены почти на тридцать лет.

Жена Сюй Синя

На третий год под девизом правления Цзяньянь (1129), когда августейший выезд остановился в Цзянькане, военный наставник Сюй Синь вместе с женой пошли ночью на рынок — посидеть в чайной.

Некий незнакомец уставился на его жену — глаз не отводил, словно что-то хотел сказать. Удивившись, Сюй решил вернуться домой. Тот человек неотрывно шел следом. Когда они подошли к дверям,

заступил им дорогу, не пропуская. Сюй поинтересовался, в чем дело. Незнакомец сложил руки в почтительном приветствии и негромко сказал:

— Я хотел бы вам поведать об одном деле, господин, но осмелюсь говорить, только если вы не станете гневаться. Прошу вас пройти со мной в одно уединенное место в начале квартала, там я надеюсь рассказать вам все до конца.

Сюй отправился за ним.

— Ваша, господин, супруга — не из такой-то ли семьи, что живет в таком-то уезде, такой-то области? — прежде всего спросил незнакомец.

— Именно! — кивнул Сюй в изумлении.

Человек, закрыв руками лицо, заплакал.

— Это моя жена!.. Сам я из Чжэнчжоу, был женат уже два года, когда начались беспорядки на границе с Цзинь. Мы снялись с места и бежали без оглядки и в неразберихе потеряли друг друга. Кто бы мог подумать, что теперь она в вашем, господин, доме!..

Сюй исполнился к нему сочувствия:

— Я из Чэньчжоу и в военных беспорядках потерял жену — точно, как вы! Однажды я оказался на одном деревенском постоялом дворе в Хуайнани и там столкнулся с женщиной в рваной одежде и с растрепанными волосами — она потерянно сидела прямо на земле. Рассказала, что ее захватили солдаты нашей разбитой армии, а когда они добрались сюда, не смогла идти дальше... Я одел ее, накормил, оставил у себя на день-другой, а потом мы сошлись...

Но я же не знал, что это ваша бывшая жена, господин! Как же теперь быть?

— Я сейчас женат на другой, — отвечал тот человек. — Живу на ее попечении, и положение мое таково, что я не ищу вернуть обратно былой союз. Лишь бы увидеться с нею разок, рассказать о перенесенных невзгодах, а потом навсегда попрощаться — и жизни бы не пожалел ради этого!

Сюй, воодушевленный речами верного долгу мужа, дал согласие. Договорились на следующий день в определенный час. Сюй велел тому привести с собой новую жену, чтобы у соседей не возникло подозрений. Незнакомец благодарно поклонился и ушел.

На завтра тот человек с женой явились в дом Сюя. Сюй вышел навстречу, всмотрелся — и скорбная тоска охватила его: ведь женщина, которую держал за руку гость, была его, Сюя, бывшая жена!

Все четверо, встретившись, погрузились в горькую печаль — и в тот же день поменялись женами, а новые семьи их теперь стали считаться связанными между собой брачными узами.

Даос, что покупал вино в Синьсяне

В уезде Синьсян, что в области Дэнчжоу, в годы под девизом правления Сюань-хэ (1119—1125) то и дело объявлялся некий даос — искал купить ви-

на. Глава местного налогового надзора, некий Чжао, всегда того даоса привечал — то распорядится, чтобы чиновники продали ему вина побольше, то позовет к себе, усадит, велит вместе с ним пить. Даос отвечал ему полной взаимной симпатией.

Чжао давно страдал от приступов слабости.

Однажды болезнь обострилась настолько, что несколько дней подряд он не мог принимать пищу. Даос пришел к нему и сказал:

— Признаки вашей, сударь, болезни, не очень-то хорошие. Не пройдет и года, а вернее полугода, как, боюсь, у вас не останется сил жить.

— Я всегда от своей болезни страшно мучался, — отвечал ему Чжао. — Уж не строю никаких планов — лишь бы спокойно дождаться, когда все закончится, и только! Но раз вы, наставник, об этом заговорили, то, верно, владеете волшебным искусством, что может мне помочь.

— Ваша хворь мне, увы, не по плечу, — сказал даос. — Мы с вами столь любезны друг другу, что я приложил бы все силы для вашего исцеления, но не в моих силах помочь!

Чжао неотступно умолял его, и даос наконец сказал с улыбкой:

— Мы покамест вот как сделаем, сударь. Дней через несколько я попробую пригласить прийти сюда одного даоса, и вы должны будете приготовить отборное угощение — во множестве, прекрасные благовония, нужно обильно попотчевать его вином, а когда он сильно опьянеет, я пущу в ход свой план.

И после этого ушел.

Минуло пять дней, и действительно прибыл гость: ростом в шесть с небольшим чи, с красивыми волосами, собранными на голове в два пучка, наружности весьма внушительной — увидел приготовленное вино и радостно заулыбался. Сели втроем за угощение и перед каждой чашей даос просил гостя выпить побольше:

— Ты же не дурак выпить, так сегодня не считай, сколько!

Выпито было уже доу с лишним, и гость уже не вполне владел собой [1]. Даос сказал ему:

— Здорово ты напился! Теперь пора и отдохнуть чуть-чуть.

Велел расстелить на земле циновку, уложил гостя спать, и тот захрапел, будто гром загремел.

Не мешкая, даос потихоньку уложил Чжао рядом, велел тесно прижаться к спине гостя.

Чжао крепко заснул. Даос вдруг вскочил, нагнулся над макушкой гостя, набрал полную грудь его жизненной энергии и выдохнул ее прямиком в макушку Чжао. То же самое он проделал и с грудью, животом, руками и ногами — десять с чем-то раз, после чего поспешно отошел.

Гость вдруг очнулся, смотрит — рядом человек лежит, а ощущение такое, словно он потерял что-то. Разозлился, вскочил и заорал:

---

[1] Доу — традиционная мера объема, десять с небольшим литров.

— Ах ты скотина беспардонная! Обмануть меня задумал! — схватил палку и хотел было ударить даоса.

— Ну зачем ты так! — улыбнулся даос. — Я всего-то взял один год твоей благодати, но тем самым спас целую жизнь — это благое дело.

Тут гнев гостя пошел на убыль, но ругаться он продолжал еще долго, а потом ушел, не простившись с хозяином.

Вскоре вид у Чжао сделался цветущий. На следующий день он уже ел с большим аппетитом. А через сто дней кожа у него стала гладкая, подобная нефриту, и от болезни не осталось и следа.

Чжао Янь-вэнь, второе имя Цзы-ю, был старинным приятелем Чжао — он всегда сочувствовал его недугу, а тут увидел Чжао и в изумлении стал расспрашивать, что произошло. Тот и рассказал всю историю — от начала и до конца.

А двоих даосов больше уж не видели. Тот, что с двумя пучками волос на голове, — это, верно, был наставник Чжунли [1].

---

[1] Один из весьма почитаемых в Китае «ба сянь», «восьми бессмертных» — старейший из них Чжунли Цюань 鍾離權. Часто изображается в виде излучающего довольство пузатого человека с волосами, собранными в два пучка (словно рожки) и перевязанными лентами.

Как Го Лунь любовался фонарями

Столичный житель Го Лунь в вечер пятнадцатого дня первой луны повел семью полюбоваться фонарями.

Когда они собрались домой, начал спускаться вечер. В узком переулке они натолкнулись на десяток развязанных юнцов, которые шли навстречу плечо к плечу, распевая песни, хохоча во все горло и пристально приглядываясь, к кому бы прицепиться, чтобы поиздеваться. Лунь один справиться с ними не сумел бы — положение было отчаянное.

Вдруг появился даос в темной одежде и в головном платке, завязанным большим узлом, и стал стыдить эту шайку:

— Человек с родными возвращается домой, почему вы ведете себя так беспардонно?

— Мы развлекаемся! — со злостью отвечали ему. — Забыли спросить разрешения у помешанного даоса!

И с гоготом на него накинулись.

Воспользовавшись случаем, домашние Луня ускользнули прочь, но он сам остался.

Даос изменился в лице.

— Так вы и вправду решили учинить безобразие? — воскликнул он. — Сейчас я вас проучу!

Он замахал руками, стал лупить туда и сюда, будто малых детей шлепал — момент, и все безобраз-

ники вопили, поверженные наземь, а потом обратились в бегство, поддерживая друг друга.

Даос неспешно пошел прочь, но Лунь догнал его, стал кланяться, благодарить:

— Наставник, я не имею чести знать вас, но вы столь милостиво пришли нам на помощь, отвели от моей жены и детей большую беду. Воистину вы необычный человек, наставник! Я не в состоянии высказать вам свою признательность! Мечтаю отблагодарить за добро. Позвольте спросить, чего вы бы пожелали?

— Дело не в вас. Просто я по сути своей не могу смириться, коли вдруг вижу нестроение, — отвечал даос. — А желания... В бренном мире у меня не осталось желаний, какая уж тут благодарность! Разве напиться пьяным — и довольно будет.

Лунь обрадовался и пригласил его домой, где от души напоил вином.

Даос стал прощаться.

— Кто же вы, наставник? — спросил его Лунь.

— Я — меченосец, защитник справедливости, — отвечал тот. — Я не из этого мира.

Поставил чашу, отвесил низкий поклон, вышел за ворота, сделал несколько шагов — в ушах у Луня зазвенело: это наземь упал меч, даос ступил на него и вознесся ввысь.

Горная обитель в Шэнсяне

На одной горе в Шэнсяне, что в Гуйцзи, некий буддийским монах, что называется, построил себе из соломы хижину.

В семье, что жила у горы, случился траур, и накануне погребения те обратились к монаху с просьбой о проведении молебна. Монах, взяв с собой храмового служку и своего слугу, отправился к ним.

Солнце уже садилось, когда на половине дороги они повстречали не раз бывавшего у них человека. Тот спросил, куда монах идет, монах ответил, что собирается проводить молебен.

— Я прибыл из уезда, — сказал гость. — Хотел остановиться на ночлег у вас. Как же мне теперь быть?

Монах отвечал, что не может бросить дело, не доведя до конца. С теми словами он вручил путнику ключ от запора, попросил самостоятельно подняться к его жилищу и открыть дверь, а затем распрощался.

От лунного света стало светло как днем, когда гость, поплутав, наконец добрался до монашьей хижины — вот-вот должна была наступить вторая стража. Только он лег на изголовье, еще не успел заснуть, как услышал стук в дверь. Гость был человек недюжинной храбрости и ничуть не испугался. Он понял, что это бес, — и как крикнет:

— Ты что за тварь? Как смеешь являться сюда и морочить мне голову?!

— А я такой-то! — прозвучал ответ.

Гость вслушался: похоже, голос этот ему знаком, но знакомец тот давно умер! Даже и не подумал встать с лежанки.

— Если не впустишь меня, я сам войду, — сказал бес.

Заскрипела дверь, бес вошел и уселся на топчан для медитаций.

— Ну, поприветствуем же друг друга!

— Ты же умер! — сказал гость. — Зачем сюда явился?

— Мы с вами, сударь, так много времени провели в совместных прогулках! — отвечал бес. — На самом деле я не умер вовсе. Неужто смерть я стал бы превращать в забаву?

— Я хорошо помню, что в такой-то день такой-то луны такого-то года приехал, чтобы принять участие в твоих похоронах! — сказал гость. — А теперь ты проверяешь, боюсь ли я умерших, да?

Бес рассмеялся.

— Ладно! Что скрывать: я действительно умер. Вот и пришел к вам под покровом ночи. Хочу обратиться с просьбой, не откажитесь выслушать! Умер я, к несчастью, ранее отпущенного срока, жена моя вышла замуж за другого, ему ушло и все мое добро — и земля, и усадьба, и прочее. А моего девятилетнего сына прогнали, оставили в полном небрежении, сделали голодным и холодным сиротой, что живет вместе с уличными побирушками. В мрачной преисподней некуда подать жалобу о этом, но я на-

деюсь, что вы, сударь, не забыли былое и расскажете о моем сыне властям вместо меня! Если он сможет жить самостоятельно, я безо всякого сожаления упокоюсь у Девяти источников [1].

Гость, пребывая в ужасе от этого рассказа, глубоко визитеру посочувствовал. А тот стал совершенно точно перечислять, сколько в семье было денег, сколько шелка у жены, сколько земель на родине, какие и где были комнаты в доме. Гость внимательно слушал: все совпадало.

Подошла четвертая стража, и гость почувствовал, что его сердце скоро выскочит из груди, сказал бесу:

— Я все понял. Теперь уходи, не мешай мне спать дальше!

В ответ — тишина, ни звука.

Гость несколько раз окликнул беса, тот не отозвался. Гость начал засыпать, захрапел — бес захрапел тоже. Гость утомленно оперся о стену — бес тоже скрючился от немощи. Гость откинул занавеску, стал надсадно кашлять — бес тоже зашелся в кашле. Тут гость очень разозлился, спрыгнул с лежанки и помчался прочь — бес вскочил и погнался за ним. Гость выбежал в зал и, зная, что бесовские создания могут двигаться лишь по прямой, не умея свернуть, стал петлять вокруг колонн. Бес вихляющей походкой пошел прямо, обнял одну из колонн и замер. Тут

---

[1] Девять источников — метафорическое обозначение подземного мира, куда люди попадают после смерти.

гость добрался до выхода и припустил по склону горы вниз.

Начало светать. Гость наткнулся на монаха и рассказал ему, что видел.

— Наставник, вы уступили мне свой скит, я был сыт и доволен — кто бы мог подумать, что я перепугаюсь до такой степени? — Сам над собой стал смеяться гость.

— А я столкнулся с еще большей странностью! — отвечал ему на это монах. — Когда вчера я закончил молебен, и стали поднимать гроб, он оказался легким, словно в нем ничего не было. Стали осматривать — а крышку гроба будто уже кто-то снимал! И трупа нет. Все пришли в ужас, никто не понимал, что и как произошло. Носильщики в страхе убежали, я тоже — только что домчался сюда!

Они вместе пошли к монаху.

Издалека приметили, что в его жилище некий человек по-прежнему обнимает столб, и он очень похож на того усопшего, по которому служил молебен монах. Срочно позвали его сына, а также соседей — осмотреть тело. Сын признал своего отца, зарыдал от горя. Попытались унести тело — но то вцепилось в столб, так что не оторвать! В конце концов пришлось подпереть палками потолок и срубить верхнюю часть столба — только так удалось забрать покойного.

Видимо, старый бес нуждался в теле, чтобы поговорить с гостем, и позаимствовал его у недавно умершего. Однако, когда он закончил беседовать, ду-

ша беса улетела, а вновь умерший еще не знал, за кем следовать, кидался вслепую, оттого и начудил.

Соседи рассказали эту историю в уезде, ничего не утаили. Власти велели разобраться, так эта история получила широкую огласку.

В девятую луну четырнадцатого года под девизом Чунь-си (1187) рассказал Чжан Дин-со.

БИБЛИОГРАФИЯ

На китайском языке

Ван Цзинь. «И цзянь чжи» синьлунь / Цзинань дасюэ боши сюэвэй луньвэнь (王瑾。《夷堅志》新論 / 暨南大學博士學位論文 Новое исследование «Записей И-цзяня» / Диссертация на соискание степени доктора наук. Университет Цзинань). Гуанчжоу, 2010.

Ван Цзинь. «И цзянь чжи» фэньлэй яньцзюдэ сяньчжуан сыкао (王瑾。《夷堅志》分類研究的現狀思考 Мысли по поводу текущего состояния изучения систематизации материала «Записей И-цзяня») // Шаньдун вэньсюэ (Литература в Шаньдуне). 2009. № 2.

Ван Цзинь. «И цзянь чжи» юй лисюэчжи гуаньси синьтань (王瑾。《夷堅志》與理學之關係新探 Новые изыскания о связи между «Записями И-цзяня» и неоконфуцианством) // Мин Цин сяошо яньцзю (Изучение прозы Мин и Цин). 2009. № 2.

Ван Цзинь. «И цзянь чжи» яньцзю шупин (王瑾。《夷堅志》研究述評 Обзор исследований «Записей И-цзяня») // Сюэшу цзяолю (Научный обмен). 2010. № 2.

Ван Цзинь. Шилунь «И цзянь чжи» дуй «Сюй цзинь пин мэй» дэ инсян (王瑾。試論《夷堅志》對《續金瓶梅》的影響 Предварительно о влиянии «Записей И-цзяня» на «Продолжение "Цветов сливы в золотой вазе"») // Мин Цин сяошо яньцзю (Изучение прозы Мин и Цин). 2011. № 3.

Гай Вэй. Цун «И цзянь чжи» кань Сундай шаонянь фаньцзуй (蓋巍。從《夷堅志》看宋代少年犯罪 Молодежные правонарушения в эпоху Сун по материалам «Записей И-цзяня») // Кайфэн цзяоюй сюэюань сюэбао (Вестник Кайфэнской образовательной академии). 2012. № 3.

Го Юй-ши. «И цзянь чжи» яньцзюдэ синь шоухо — пин Чжан Чжу-пин «И цзянь чжи луньгао» (郭豫適。《夷堅志》研究的新收穫 — 評張祝平《夷堅志論稿》 Новое достижение в изучении «Записей И-цзяня» — рецензия на «Наброски статей о "Записях И-цзяня"» Чжан Чжу-пина) // Наньтун шифань сюэюань сюэбао (Вестник Наньтунской педагогической академии). 2003. № 4.

Гуань Бин. «И цзянь чжи» чжундэ гуйлин фучоу юй фучоу иши (關冰。《夷堅志》中的鬼靈復仇與復仇意識 Месть душ умерших в «Записях И-цзяня» и осмысление этой мести) // Юйвэнь сюэкань (Ежемесячник «Язык и литература»). 2007. № 5.

Дан Хуэй-сянь. «И цзянь чжи» чжундэ даоцзяо яншэншу (黨會先。《夷堅志》中的道教養生術 Даосское искусство пестования жизни в «Записях И-цзяня») // Хэйлунцзян шичжи (Хэйлунцзянские исторические записи). 2009. № 23.

Дуань Сяо-хуа, *Чжао Хун-сян*. «И цзянь чжи» шицы чжулу чуи (段曉華，趙宏祥。《夷堅志》詩詞著錄芻議 Скромное мнение о стихах, содержащихся в

«Записях И-цзяня») // Цзянси шэхуэй кэсюэ (Общественные науки в Цзянси). 2012. № 1.

Дун И. Синьвэнь цзунжу «И цзянь чжи» — Пу Сун-линдэ линлэй «гуфэнь» (董毅。新聞總入《夷堅志》 — 蒲松齡的另類《孤憤》Впитавшие все новости «Записи И-цзяня» — «мизантропия» не такого как все Пу Сун-лина) // Пу Сун-лин яньцзю (Исследования Пу Сун-лина). 2005. № 2.

Дун Чунь-линь. Ю мэн жу мин: «И цзянь чжи» соцзяньдэ тунлин вэньхуа (董春林。由夢入冥：《夷堅志》所見的通靈文化 В ад хождение во сне: традиция взаимоотношений с духами, запечатленная в «Записях И-цзяня») // Бэйцзин шэхуэй кэсюэ (Общественные науки в Пекине). 2014. № 6.

Дэн Цин-мэн. Лунь «И цзянь чжи» дэ сюши цзегоу синши (鄧慶猛。論《夷堅志》的敘事結構形式 О структурной и художественной форме «Записей И-цзяня») // Шэкэ чжунхэн (Обзор общественных наук). 2006. № 6.

Е Цзин. Лунь «И цзянь чжи» сюйшидэ миньцзяньсин (葉靜。論《夷堅志》敘事的民間性 О фольклорности повествования «Записей И-цзяня») // Цзянси цзяоюй сюэюань сюэбао (Вестник Цзянсийской образовательной академии). 2012. № 1.

Кан Бао-чэн. «И цзянь чжи» цзии цзюцэ (康保成。《夷堅志》輯逸九冊 Девять утерянных фрагментов из «Записей И-цзяня») // Вэньсянь (Литературные памятники). 1989. № 4.

Ли Мэн-юань, *Чэнь Сы-жуй*. Цун «И цзянь чжи» кань Сундай хай-шан ходун (李孟圓，陳思瑞。從《夷堅志》看宋代海商活動 Морская торговля эпохи Сун по материалам «Записей И-цзяня») // Цзюцзян сюэюань сюэбао (Вестник Цзюцзянской академии). 2015. № 3.

Ли Сянь-минь. Юнь чжай гуан лу // Ли Сянь-минь. Юнь чжай гуан лу / Чэн И-чжун, Чэн Ю-цин дяньцзяо (李獻民。雲齋廣錄 / 程毅中，程有慶點校 Обширные записи из облачного кабинета / Критический текст Чэн И-чжуна и Чэн Ю-цина). Уминши. Юань чжу чжи юй сюэ чуан тань и / Юй Вэнь-цзао дяньцзяо (無名氏。鴛渚志餘雪窗談異 / 于文藻點校 Неизвестный автор. Записи с отмели уток-мандаринок или беседы о странном при отсвете снега в окне / Критический текст Юй Вэнь-цзао). Пекин, 1997.

Ли Цзянь-го. «И цзянь чжи» чэншу као — фулунь «Хун Май сянь-сян» (李劍國。《夷堅志》成書考 — 附論《洪邁現象》О создании «Записей И-цзяня» — а также о «феномене Хун Мая») // Тяньцзинь шида сюэбао (Вестник Тяньцзиньского педагогического университета). 1991. № 3.

Ли Цзянь-го. Сундай чжигуай чуаньци сюйлу (李劍國。宋代志怪傳奇敘錄 Заметки о сяошо об удивительном и новеллах чуаньци эпохи Сун). Тяньцзинь, 1997.

Ли Цзянь-го. «И цзянь чжи» иньюн Сунжэнь сяошо као (李劍國。《夷堅志》引用宋人小說考 Об использовании в «Записях И-цзяня» прозы сунских авторов) // Нанькай вэньсюэ яньзю 1988 (Исследования по литературе Нанькайского университета за 1988 г.). Тяньцзинь, 1989.

Ли Цзянь-го, *Чжао Ай-хуа*. «И цзянь чжи» юй Сундай «даоцзэй» (李劍國，趙愛華。《夷堅志》與宋代《盜賊》 «Записи И-цзяня» и «разбойники» эпохи Сун) // Нанькай сюэбао (Вестник Нанькайского университета). 2010. № 5.

Ли Цун. Цун «И цзянь чжи» кань Сундай Сюйцзян ицзя вэйи чушичжи дао (李叢。從《夷堅志》看宋代吁江醫家為醫處世之道 Образ жизни и профессио-

нальные качества врачей из Сюйцзяна эпохи Сун по материалам «Записей И-цзяня») // Исюэ юй чжисюэ (Медицина и философия). 2014. № 35.

Ли Чжэн-сюэ. «И цзянь цзя чжи» чэншу шицзянь као (李正學。《夷堅甲志》成書時間考 Разыскание о времени создания первого сборника «Записей И-цзяня») // Сянфань чжие цзишу сюэюань сюэбао (Вестник Сянфаньской профессионально-технической академии). 2007. № 2.

Ли Юй-минь. «И цзянь чжи» буи саньши цзэ (李裕民。《夷堅志》補遺三十則 Тридцать отсутствовавших в «Записях И-цзяня» фрагментов) // Вэньсянь (Литературные памятники). 1990. № 4.

Лин Юй-чжи. Хун Май няньпу (凌郁之。洪邁年譜 Погодное жизнеописание Хун Мая). Шанхай, 2006.

Лин Юй-чжи. Хун Май чжуцзо синянь каочжэн (凌郁之。洪邁著作系年考證 Исследование хронологии творчества Хун Мая) // Вэньсянь (Литературные памятники). 2000. № 2.

Ло Цин-цин. Шилунь «И цзянь чжи» чжундэ шэмэн гуши (羅青青。試論《夷堅志》中的涉夢故事 Предварительно об историях из «Записей И-цзяня», имеющих отношения к снам) // Сяньдай юйвэнь (Современные язык и литература). 2016. № 9.

Лу Сю-мань. Хун Май «И цзянь чжи» чжи жумин гуши яньцзю — и минфа паньцзюэчжи чжуньцзэ цзици ии вэй таньтао чжунсинь (盧秀滿。洪邁《夷堅志》之入冥故事研究 — 以冥法判決之準則及其意義為探討中心 Изучение историй о хождении в загробный мир из «Записей И-цзяня» — с упором на рассмотрение принципов загробной юриспруденции, а также их смысла) // Тайбэй дасюэ чжунвэнь сюэбао (Вестник факультета китайской литературы Тайбэйского университета). 2009. № 6.

Лу Сюнь. Чжунго сяошо шилюэ (魯迅。中國小說史略 Очерк истории китайской прозы сяошо). Пекин, 2011.
Лю Ли-мин. «И цзянь чжи» юй Нань Сун цзяннань мицзун синьян (劉黎明。《夷堅志》輿南宋江南密宗信仰 «Записи И-цзяня» и вера в мантры к югу от Янцзы при Южной Сун) // Сычуань шифань дасюэ сюэбао (Вестник Сычуаньского педагогического университета). 2002. № 3.
Лю Ли-мин. Сундай миньцзянь мицзун синьян — и «И цзянь чжи» вэй чжунсиньдэ чубу каоча (劉黎明。宋代民間密宗信仰 — 以《夷堅志》為中心的初步考察 Эзотерические народные верования в эпоху Сун — предварительное исследование на материале «Записей И-цзяня») // Цзянси шэхуэй кэсюэ (Общественные науки в Цзянси). 2004. № 2.
Лю Ли-мин. Сундай миньцзянь ушу яньцзю (劉黎明。宋代民間巫術研究 Исследование народной магии эпохи Сун). Чэнду, 2004.
Лю Лян-мин. Хун Май дуй чжигуай сяошо лилунь пипиндэ лишисин гунсянь (劉良明。洪邁對志怪小說理論批評的歷史性貢獻 Исторический характер вклада Хун Мая в критику теории прозы сяошо об удивительном) // Ухань дасюэ сюэбао (Вестник Уханьского университета). 1996. № 6.
Лю Шу-ю. Цун «И цзянь чжи» кань Сундай нунминь цзянье гун-шанъе ходун (劉樹友。從《夷堅志》看宋代農民兼業工商業活動 Занятие сельскими жителями эпохи Сун одновременно производством и торговлей по материалам «Записей И-цзяня») // Вэйнань шифань сюэюань сюэбао (Вестник Вэйнаньской педагогической академии). 2014. № 13.
Лю Шу-ю. Цун «И цзянь чжи» кань Сундай нунцуньдэ гуюн лаодун (劉樹友。從《夷堅志》看宋代農村的雇傭勞動 Наемный труд в деревнях эпохи Сун по

материалам «Записей И-цзяня) // Вэйнань шифань сюэюань сюэбао (Вестник Вэйнаньской педагогической академии). 2015. № 13.

Лян Ин-чжи, *Юэ Ин-цяо*. Иньцы юй фанькан — лунь «И цзянь чжи» юй «Ляо чжай чжи и» утун гушидэ чуаньчэн цзи любянь (梁英芷，樂穎翹。淫祠與反抗 — 論《夷堅志》與《聊齋誌異》五通故事的傳承及流變 «Непристойные» храмы и противодействие им — о преемственности и развитии рассказов о духе Утуне в «Записях И-цзяня» и в «Странных историях из Кабинета неудачника») // Шэньхуа юй вэньсюэ луньвэнь сюаньцзи (Избранные статьи по мифологии и литературе). Тайбэй, 2015.

Мин Квандон. «И цзянь чжи» дэ Ханьго чуаньжу хэ инсянчжи яньцзю (閔寬東。《夷堅志》的韓國傳入和影響之研究 Изучение проникновения «Записей И-цзяня» в Корею и их влияния) // Цзюцзян сюэюань сюэбао (Вестник Цзюцзянской академии). 2011. № 3.

Оцука Хидэтака. Миндай хоуцидэ «И цзянь чжи» цзи ци инсян / Ван Цзы-чэн и (大冢秀高。明代後期的《夷堅志》及其影響 / 王子成譯 «Записи И-цзяня» в позднеминский период и их влияние / Перевод Ван Цзы-чэна) // Цзюцзян сюэюань сюэбао (Вестник Цзюцзянской академии). 2015. № 2.

Пи Цин-шэн. Сундай миньчжун цышэнь синьян яньцзю (皮慶生。宋代民眾祠神信仰研究 Исследование народных верований в храмовых духов в эпоху Сун). Шанхай, 2008.

Пэн Пэн. Сундайдэ утуншэнь синьян — чутань «И цзянь чжи» чжундэ утуншэнь (彭鵬。宋代的五通神信仰 — 初探《夷堅志》中的五通神 Верования в духа Утуна в эпоху Сун — начальное исследование духа Утана в «Записях И-цзяня») // Аньхой вэньсюэ (Литература в Анхое). 2008. № 9.

Се Лин-юй. Цун «И цзянь чжи» кань Сундай чэнхуан Синьян (謝玲玉。從《夷堅志》看宋代城隍信仰 О верованиях в чэнхуана в эпоху Сун на примере «Записей И-цзяня») // Хэйлунцзян шичжи (Исторические записи Хэйлунцзяна). 2010. № 19.

Сундай чуаньци цзи / Ли Цзянь-го цзицзяо (宋代傳奇集 / 李劍國輯校 Сборник новелл чуаньци эпохи Сун / Составил и выправил Ли Цзянь-го). Пекин, 2001.

Сун ши и вэнь чжи. Бу фу бянь (宋史藝文志。補附編 Трактат о литературе [шести видов] искусств из истории Сун, дополненный и расширенный). Пекин, 1958.

Сун Юань бицзи сяошо дагуань (宋元筆記小說大觀 Большое обозрение бицзи сяошо эпох Сун и Юань). Шанхай, 2001. Т. 1—6.

Сунь Ши-цзя. Лунь «И цзянь чжи» цзай Мин Циндэ вэньбэнь чу-аньбо (孫世家。《夷堅志》在明清的文本傳播 О распростра-нении текста «Записей И-цзяня» при Мин Цин) // Чжэцзян Ваньли сюэюань сюэбао (Вестник Чжэцзянской академии в Ваньли). 2015. № 1.

Сунь Ши-цзя. «И цзянь чжи» кэцзюй шиту мэнчжао чжути коучуань гуши чутань (孫世家。《夷堅志》科舉仕途夢兆主題口傳故事初探 Начальный анализ преданий на тему вещих снов о победе на экзаменах и служеброй карьере из «Записей И-цзяня») // Чжэцзян Ваньли сюэюань сюэбао (Вестник Чжэцзянской академии в Ваньли). 2016. № 2.

Сунь Ши-цзя. «И цзянь чжи» сяо дао цзе и баоин чжути коучуань гуши чутань (孫世家。《夷堅志》孝道節義報應主題口傳故事初探 Начальный анализ преданий на тему воздаяния за преданность родителям, благочестие, целомудрие и праведность из «Записей И-цзяня») // Хуайхуа сюэюань сюэбао (Вестник академии в Хуайхуа). 2016. № 1.

Сунь Ши-цзя. «И цзянь чжи» юаньдуй баоин чжути коучуань гуши чутань (孫世家。《夷堅志》冤對報應主題口傳故事初探 Начальный анализ преданий на тему воздаяния для заклятых врагов из «Записей И-цзяня») // Аньканскою академии). 2016. № 1.

Сян Юй-жун. «И цзянь чжи» юй сяошо «Си ю цзи» — е лунь Сунь У-кундэ юаньсин (項裕榮。《夷堅志》輿小說《西遊記》 — 也論孫悟空的原型 «Записи И-цзяня» и роман «Путешествие на запад» — а также о прообразах Сунь У-куна) // Фудань сюэбао (Вестник университета Фудань). 2005. № 2.

Танжэнь чуаньци сюаньи / Чжоу Чэнь ичжу (唐人傳奇選譯 / 周晨譯注 Избранные новеллы танских авторов с переводом на современный язык / Перевел и прокомментировал Чжоу Чэнь). Пекин, 2011.

Тан Сун чуаньци / Чэн Го-фу чжупин (唐宋傳奇 / 程國賦注評 Танские и сунские новеллы чуаньци / Комментарий и очерки Чэн Го-фу). Наньцзин, 2011.

Тан Сун чуаньци пиньду цыдянь / Ли Цзянь-го чжубянь (唐宋傳奇品讀辭典 / 李劍國主編 Словарь критического прочтения новелл чуаньци эпох Тан и Сун / Под редакцией Ли Цзянь-го). Пекин, 2007. Т. 1—2.

Тан Сун чуаньци цзи / Лу Сюнь цзилу (唐宋傳奇集 / 魯迅輯錄 Собрание танских и сунских новелл чуаньци / Сост. Лу Синь). Пекин, 1956.

Тан Сун чуаньци цзи цюаньи / Лу Сюнь цзилу. Чэн Сяомин, Юань Чжэн-цянь, Цю Жуй-сян ичжу (唐宋傳奇集全譯 / 魯迅輯錄。程小銘，袁政謙，邱瑞祥譯注 Собрание танских и сунских новелл чуаньци с полным переводом на современный язык / Сост. Лу Синь; Пер. и коммент. Чэн Сяо-мин, Юань Чжэн-цянь и Цю Жуй-сян). Гуйян, 2009.

Тан Сун чуаньци цзунцзи: Наньбэй Сун / Юань Люй-кунь, Сюэ Хун-цзи чжубянь (唐宋傳奇總集：南北宋 / 袁閭琨，薛洪勣主編 Полное собрание новелл эпох Тан и Сун: Южная и Северная Сун / Под ред. Юань Люй-куня и Сюэ Хун-цзи). Чжэнчжоу, 2001. Т. 1—2.

Тао Цзун-и. Шо фу сань чжун (陶宗儀。說郛三種 «Стена из речений» в трех частях). Шанхай, 1988. Т. 1—10.

У Цзянь-юй. «И цзянь чжи» цзяодянь буи (武建宇。《夷堅志》校點補議 Дополнительные суждения о выправлении текста «Записей И-цзяня) // Янь Чжао сюэшу (Наука в Янь и Чжао). 2007. Осенний выпуск.

У Цзянь-юй, *Ши Вэй-вэй*. «И цзянь чжи» юйцы лиши (武建宇，石薇薇。《夷堅志》語詞例釋 Комментированные примеры выражений из «Записей И-цзяня») // Юйвэнь яньцзю (Исследования по языку и литературе). 2006. № 4.

У Чжи-хао. «И цзянь чжи» соцзяньчжи Сундай пяньшу (吳志浩。《夷堅志》所見之宋代騙術 Мошенничество при Сун, зафиксированное в «Записях И-цзяня») // Ланьтай шицзе (Мир Ланьтая). 2015. № 32.

Ху Ин-линь. Шао ши шань фан би цун (胡應麟。少室山房筆叢 Собрание заметок из кабинета на горе Шаошишань). Пекин, 1958.

Ху Шао-вэнь. «И цзянь чжи» баньбэнь яньцзю (胡紹文。《夷堅志》版本研究 Изучение ксилографических изданий «Записей И-цзяня») // Дали сюэюань сюэбао (Вестник академии в Дали). 2002. № 2.

Хуан Ай-цзюнь. «И цзянь чжи» со фаньиндэ Сундайдэ ушу гуаньнянь (黃愛軍。《夷堅志》所反映的宋代的巫術觀念 Представления о магии в эпоху Сун, как они отражены в «Записях И-цзяня») // Вэньсюэ цзяоюй (Литературное образование). 2011. № 6.

Хун Май. Вэньбай дуйчжао цюаньи «И цзянь чжи» (洪邁。文白對照全譯《夷堅志》 «Записи И-цзяня» с параллельным текстом на вэньяне и в полном переводе на современный язык). Чжэнчжоу, 1994. Т. 1—2.

Хун Май. Жун чжай суй би / Кун Фань-ли цзяодянь (Заметки Жун-чжая / Критический текст Кун Фань-ли). Пекин, 2005. Т. 1—2.

Хун Май. И цзянь чжи / Хэ Чжо дяньцзяо (洪邁。夷堅志 / 何卓點校 Записи И-цзяня / Критический текст Хэ Чжо). Пекин, 1981. Т. 1—4.

Хун Май. И цзянь чжи / Хэ Чжо дяньцзяо (洪邁。夷堅志 / 何卓點校 Записи И-цзяня / Критический текст Хэ Чжо). Тайбэй, 1994. Т. 1—4.

Хун Май. И цзянь чжи сюань — ханьин дуйчжао / Alister D. Inglis сюаньи, Ван Си-тин, Тэн Лань цзиньи (洪邁。夷堅志選 — 漢英對照 / Alister D. Inglis 選譯，王錫婷，滕嵐今譯 Записи И-цзяня, избранное — параллельный китайско-английский текст / Отобрал и перевел [на английский] Alister D. Inglis, перевод на современный китайский язык Ван Си-ин и Тэн Лань). Пекин, 2009.

Хун Май. И цзянь чжи сюаньчжу / Сюй И-минь сюань чжу (洪邁。夷堅志選注 / 許逸民選注 Избранные «Записи И-цзяня» с комментариями / Отобрал и прокомментировал Сюй И-минь). Пекин, 1988.

Цзя Хун-юань. Синьян юй кунцзяньдэ худун — «И цзянь чжи» син-вэнь гуши таньси (賈鴻源。信仰與空間的互動 — 《夷堅志》行瘟故事探析 Взаимосвязь поверий и пространства — анализ рассказов о распространении эпидемий из «Записей И-цзяня») // Дифан вэньхуа яньцзю (Исследования локальных культур). 2015. № 6.

Цинь Чуань. «Тай пин гуан цзи» юй «И цзянь чжи» би-цзяо яньцзю шулюэ (秦川。《太平廣記》與《夷堅

志》比較研究述略 Сравнительно-исследовательский очерк «Обширных записок годов Тай-пин» и «Записей И-цзяня») // Цзюцзян сюэюань сюэбао (Вестник Цзюцзянской академии). 2015. № 4.

Цинь Чуань, *Ван Цзы-чэн*. Цун «И цзянь чжи», «Сань янь» синьян гуши кань гудай цзянъю шэхуэй фэнсидэ лиши яньгэ (秦川，王子成。從《夷堅志》，《三言》信仰故事看古代醫右社會風習的歷史沿革 Историческое развитие социальных нравов и обычаев в древности в землях к западу от Янцзы по материалам рассказам о верованиях из «Записей И-цзяня» и «Троесловия») // Цзюцзян сюэюань сюэбао (Вестник Цзюцзянской академии). 2014. № 1.

Цю Чан-юань. Цун «И цзянь чжи» кань Сундай сяи сяошодэ тэсэ э чэнцзю (邱昌員。從《夷堅志》看宋代狹義小說的特色和成就 Об особенностях и достижениях рассказов о поборниках справедливости эпохи Сун на материале «Записей И-цзяня») // Ганьнань шифань сюэюань сюэбао (Вестник Ганьнаньской педагогической академии). 2014. № 5.

Цянь Чжун-шу. Гуань чжуй бянь (錢鐘書。管錐編 Сочинения не видящего дальше носа). Пекин, 2007. Т. 1—4.

Чан Цзинь-лянь. «Вэньжэньчжи нэнши, сяошочжи юаньхай» — «И цзянь чжи» яньцзю (常金蓮。《文人之能事，小說之淵海 — 《夷堅志》研究 «Искусство литераторов, глубокое море рассказов» — исследование «Записей И-цзяня») // Пу Сун-лин яньцзю (Изучение Пу Сун-лина). 2014. № 2.

Чао Гун-у. Цзюнь чжай ду шу чжи цзяочжэн / Сунь Мэн цзяодэн (晁公武。郡齋讀書志校證 / 孫猛校證 Заметки о чтении книг в кабинете начальника округа / Критический текст Сунь Мэна). Шанхай, 1990.

Чжан Бин. Сун Ляо Цзинь Юань сяошо ши (張兵。宋遼金元小說史 История прозы сяошо времен Сун, Ляо, Цзинь и Юань). Шанхай. 2001.

Чжан Вэнь-фэй. Хун Май «И цзянь чжи» яньцзю / Фудань дасюэ боши сюэвэй луньвэнь (張文飛。洪邁《夷堅志》研究 / 復旦大學博士學位論文 Исследование «Записей И-цзяня» Хун Мая / Диссертация на соискание степени доктора наук. Университет Фудань). Шанхай, 2008.

Чжан Цзин, *Чэнь Чун*. «И цзянь чжи» чжундэ цисян цзайи гуань (張靜，陳翀。《夷堅志》中的氣象災異觀 Представления о метеорологических бедствиях в «Записях И-цзяня») // Ланьтай шицзе (Мир Ланьтая). 2013. № 10.

Чжан Чжу-пин. «И цзянь чжи» дэ баньбэнь яньцзю (張祝平。《夷堅志》的版本研究Изучение ксилографических изданий «Записей И-цзяня») // Гуцзи чжэнли яньцзю сюэкань (Текстологические исследования древних памятников). 2003. № 2.

Чжан Чжу-пин. «Фэнь лэй и цзянь чжи» яньцзю (張祝平。《分類夷堅志》研究 Исследование «Записей И-цзяня по разрядам») // Хуадун шифань дасюэ сюэбао (Вестник Восточного китайского университета). 1997. № 3.

Чжан Чжу-пин. Чжу Юнь-мин чаобэнь «И цзянь дин чжи» дуй цзиньбэнь «И цзянь и чжи» дэ цзяобу (張祝平。朱允明抄本《夷堅丁志》對《夷堅乙志》的校補 Поправки к ныне известному второму сборнику «Записей И-цзяня» относительно списка Чжу Юнь-мина четвертого сборника «Записей И-цзяня») // Вэньсянь (Письменные памятники). 2003. № 3.

Чжан Чунь-фан. Фу си хо си: цун «И цзянь чжи» кань Сундай шэ синьяндэ шуанчунсин (張春芳。福兮禍兮：從《夷堅志》看宋代蛇信仰的雙重性 И

счастье, и горе: о дуализме связанных со змеями верований эпохи Сун по материлам «Записей И-цзяня») // Баодин сюэюань сюэбао (Вестник Баодинской академии). 2015. № 5.

Чжан Юань-юань. Сундай даоцзяо иляо юй жичан шэнхо — и «И цзянь чжи» вэй чжунсинь (張園園。宋代道教醫療與日常生活 — 以《夷堅志》為中心 Даосская медицина эпохи Сун и повседневная жизнь — на примере «Записей И-цзяня») // Кэсюэ. Цзинцзи. Шэхуэй (Наука. Экономика. Общество). 2016. № 3.

Чжао Чжан-чао. «И цзянь чжи» ивэнь бучжэн (趙章超。《夷堅志》逸文補正 Дополнения и выправление утраченных фрагментов из «Записей И-цзяня») // Гудянь вэньсянь яньцзю (Исследование классических письменных памятников). 2009. № 1.

Чжао Чжан-чао. «И цзянь чжи» ивэнь сяоцзи (趙章超。《夷堅志》逸文小輯 Небольшие дополнения утраченных фрагментов из «Записей И-цзяня») // Вэньсянь (Литературные памятники). 2004. № 4.

Чжао Чжан-чао. «И цзянь чжи» ивэнь шибу (趙章超。《夷堅志》逸文拾補 Восполнение утраченных фрагментов из «Записей И-цзяня») // Гуцзи чжэнли яньцзю сюэкань (Текстологические исследования древних памятников). 2007. № 3.

Чжао Юй-чжи. Бинь туй лу / Ци Чжи-пин цзяодянь (趙與時。賓退錄 / 齊治平校點 Записи ушедшего на покой / Критический текст Ци Чжи-пина). Пекин, 1983.

Чжоу И-лян. «И цзянь чжи» цзай гудай Жибэньдэ чуаньбо юй цзешоу (周以量。《夷堅志》在古代日本的傳播與接受 Распространение и признание «Записей И-цзяня» в древней Японии) // Мин Цин сяошо яньцзю (Исследования прозы Мин и Цин). 2006. № 2.

Чжоу Лин-чжэнь. Цун «И цзянь чжи» кань Сундайдэ нунцунь люйдянь (周玲珍。從《夷堅志》看宋代的

農村旅店 Сельские постоялые дворы эпохи Сун по материалам «Записей И-цзяня») // Шанъе яньцзю (Коммерческие исследования). 1983. № 2.

Чжоу Чэн. Сун дун цзин као / Дань Юань-гун дяньцзяо (周城。宋東京考 / 單遠恭點交 Разыскания о восточной сунской столице / Критический текст Дань Юань-гуна). Пекин, 1988.

Чжоу Юй-хуа, Ло Цзун-ян. «И цзянь чжи» дэ бяньчжуань цзи Хун Май дуй чжигуай сяошодэ каньфа — цун «И цзянь чжи» дэ допянь сюйянь таньци (周榆華，羅宗陽。《夷堅志》的編撰及洪邁對志怪小說的看法 — 從《夷堅志》的多篇序言談起 Составление «Записей И-цзяня и воззрения Хун Мая на прозу об удивительном — основываясь на предисловиях ко всем частям «Записей И-цзяня») // Наньчан дасюэ сюэбао (Вестник Наньчанского университета). 2004. № 1.

Чжу Вэнь-гуан. «И цзянь чжи» цинъай гуши фэньси (朱文廣。《夷堅志》情愛故事分析 Анализ рассказов о любви из «Записей И-цзяня») // Чанчжи сюэюань сюэбао (Вестник Чанчжиской академии). 2008. № 3.

Чжу Цзе. Хун Май цюй Цзинь цзи ци юаньинь таньцзю (朱潔。洪邁屈金及其原因探究 Исследование причин, почему Хун Май склонился перед Цзинь) // Шэхуэй кэсюэ чжаньсянь (Фронт общественных наук). 2016. № 5.

Чжу Цзе, *Юй Юэ*. Хун Май чуанцзо чжути луньцзеси (朱潔，余悅。洪邁創作主體論解析 Анализ творческого кредо Хун Мая) // Цзинань сюэбао (Вестник Цзинаньского университета). 2011. № 5.

Чжу Юй. Пин чжоу кэ тань // Чэнь Ши-дао. Хоу-шань тань цун; Чжу Юй. Пин чжоу кэ тань / Ли Вэй-го цзяодянь (陳師道。後山談叢。朱彧。萍洲可談 / 李偉國校點 Чэнь Ши-дао. Собрание бесед Хоу-

шаня; Чжу Юй. Из бесед в Пинчжоу / Критический текст Ли Вэй-го). Шанхай, 1989.

Чжуан Хун-и. Сундай даоцзяо иляо — и Хун Май «И цзянь чжи» вэйчжучжи яньцзю (莊宏誼。宋代道教醫療 — 以洪邁《夷堅志》為主之研究 Даосская медицина эпохи Сун — исследование, выполненое на материале «Записей И-цзяня» Хун Мая) // Фужэнь цзунцзяо яньцзю (Религиоведческие исследования университета Фужэнь). № 12. Тайбэй, 2005.

Чу Гуй-янь. «И цзянь чжи» чжундэ лун синсян (褚桂燕。《夷堅志》中的龍形象 Образы драконов в «Записях И-цзяня») // Пуян чжие цзишу сюэюань сюэбао (Вестник Пуянской профессионально-технической академии). 2016. № 4.

Чэн И-чжун. Сун Юань сяошо яньцзю (程毅中。宋元小說研究 Изучение сунской и юаньской прозы сяошо). Наньцзин, 1998.

Чэн Чэн. Цун «И цзянь чжи» кань Нань Сун Хуэйчжоу миньцзянь синьян (程誠。從《夷堅志》看南宋徽州民間信仰 Народные верования в Хуэйчжоу при Южной Сун по материалам «Записей И-цзяня») // Сюйчан сюэюань сюэбао (Вестник Сюйчанской академии). 2014. № 4.

Чэнь Чжэнь-сунь. Чжи чжай шу лу цзе ти / Сюй Сяомань, Гу Мэй-хуа дяньцзяо (陳振孫。直齋書錄解題 / 徐小蠻，顧美華點校 Аннотированные заметки о книгах из кабинета Чжи-чжая / Критический текст Сюй Сяо-маня и Гу Мэй-хуа). Шанхай, 1987.

Чэнь Чунь-мяо. И дай сы шэн — «И цзянь чжи» лиши / дили цзивэньдэ линьнань ляньшу (陳春妙。易代死生 — 《夷堅志》歷史 / 地理紀聞的臨難敘述 Смерть и жизнь, сменяющиеся как правления — о решающем влиянии истории и местных записей на формирование повествования в «Записей И-цзяня») //

Чжунго вэньсюэ яньцзю (Исследования китайской литературы). Вып. 30. Тайбэй, 2010.

Шэнь Цзун-сянь. Сундай миньцзяньдэ юмин шизе гуань (沈宗憲。宋代民間的幽冥世界觀 Народные представления о потустороннем мире в эпоху Сун). Тайбэй, 1993.

Юань Вэнь-чунь. «И цзянь чжи» дэ цзячжи цэлюэ: чуаньлудэ кэгуаньсин цяндяо (袁文春。《夷堅志》的價值策略：傳錄的客觀性強調 Стратегия повышения ценности «Записей И-цзяня»: подчеркивание объективности записанного) // Цзянси цзяотун дасюэ сюэбао (Вестник Цзянскийского университета путей сообщения). 2013. № 1.

Юань Жу-цзе. Хун Май сяошо гуаньнянь чуи (苑汝杰。洪邁小說觀念芻議 Скромное суждение о воззрениях Хун Мая на прозу сяошо) // Хуабэй дяньли дасюэ сюэбао (Вестник Северокитайского университета электроэнергии). 2002. № 4.

Юй Го-хуа. Лунь «И цзянь чжи» дэ вэньсюэ шицзе (于國華。論《夷堅志》的文學世界 О литературном мире «Записей И-цзяня») // Шидай вэньсюэ (Литература нынешнего века). 2007. № 2.

Ян Цзянь-хун. Люэлунь Сундай иньсы чжэнцэ (楊建宏。略論宋代淫祀政策 Коротко о политике в отношении непристойных жертвоприношений в эпоху Сун) // Гуйчжоу шэхуэй кэсюэ (Общественные науки в Гуйчжоу). 2005. № 3.

Янь Чэнь-синь. «И цзянь чжи» яньцзю цзуншу (顏晨馨。《夷堅志》研究綜述 Очерк исследований «Записей И-цзяня») // Мэй юй шидай (Красота и эпоха). 2014. № 1.

Янь Юй-мэй, *Цю Чан-юань*. Цзяньлунь «И цзянь чжи» чжундэ жэньгуй хуньлянь сяошо (嚴裕梅，邱昌員。簡論《夷堅志》中的人鬼婚戀小說 Коротко о

рассказах о браке и любви между людьми и душами умерших в «Записях И-цзяня») // Муданьцзян дасюэ сюэбао (Вестник Муданьцзянского университета). 2015. № 4.

Янь Юй-мэй, *Цю Чан-юань*. Цзяньлунь Хун Май «И цзянь чжи» чжундэ гунъань сяошо (嚴裕梅，邱昌員。簡論洪邁《一件之前》中的公案小說 Коротко о судебных рассказах из «Записей И-цзяня» Хун Мая) // Ганьнань шифань сюэюань сюэбао (Вестник Ганьнаньской педагогической академии). 2015. № 5.

Янь Юй-мэй, *Цю Чан-юань*. Цун «И цзянь чжи» кань Сундай ню́й-син шицыдэ чуаньбо фанши (嚴裕梅，邱昌員。從《夷堅志》看宋代女性詩詞的傳播方式 Метод распространения женских стихов эпохи Сун по материалам «Записей И-цзяня») // Ланьтай шицзе (Мир Ланьтая). 2015. № 10.

Яо Хай-ин. Цун Хун Май «И цзянь чжи» кань Сундайдэ иляо ходун юй миньцзянь синъи цюньти (姚海英。從《夷堅志》看宋代的醫療活動與民間行醫群體 О медицинской практике и народных целителях эпохи Сун по материалам «Записей И-цзяня» Хун Мая) // Гуйчжоу вэньши цункань (Гуйчжоуский сборник статей по литературе и истории). 2011. № 1.

На английском языке

Alimov I. A. «Tai-ping guang ji»: Motives Related to the Dead Souls // Manuscripta Orientalia. 2009. N 1.

Davis E. L. Society and The Supernatural in Song China. Honolulu, 2001.

Inglis A. D. Hong Mai's Informants for the «Yijian zhi» // Journal of Song-Yuan Studies. 2002. No. 32.

Inglis A. D. A Textual History of Hong Mai's «Yijian zhi» // T'oung Pao. 2007. Second Series, Vol. 93, Fasc. 4—5.
Haar B. J., ter. Newly Recovered Anecdotes from Hong Mai's (1123—1202) «Yijian zhi» // Journal of Song-Yuan Studies. 1993. No. 23.
Gong E. Zhang. Anecdotal Writing on Illicit Sex in Song China (960–1279) // Journal of the History of Sexuality. 2013. Vol. 22. N 2. Special Issue: Sexsuality in Imperial China.
Liao Hsien-huei. Encountering Evil: Ghosts and Demonic Forces in the Lives of the Song Elite // Journal of Song-Yuan Studies. 2007. N 37.
Sung Biographies / Ed. By H. Franke. Wiesbaden, 1976. Vol. 1—4.
The Cambridge History of Chinese Literature. Vol. 1: To 1375 / Edited by S. Owen. Cambridge, 2010.

На русском языке

Алимов И. А. Бесы, лисы, духи в текстах сунского Китая. СПб., 2008.
Алимов И. А. Записи о сокровенных чудесах: Краткая история китайской прозы сяошо VII—X вв. СПб., 2017.
Алимов И. А. Лес записей: Китайские авторские сборники X—XIII вв. в очерках и переводах. СПб., 2009.
Алимов И. А. Сад удивительного: Краткая история китайской прозы сяошо I—VI вв. СПб., 2014.
Алимов И. А., *Кравцова М. Е.* История китайской классической литературы с древности и до XIII в.: поэзия, проза. СПб., 2014. Ч. 1—2.
Гань Бао. Записки о поисках духов (Соу шэнь цзи) / Перевод с древнекитайского, предисловие, примечания и словарь-указатель Л. Н. Меньшикова. СПб., 1994.

Голыгина К. И. Новелла средневекового Китая: Истоки сюжетов и их эволюция VIII—XIV вв. М., 1980.

Гончаров С. Н. Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун. 1127—1142. М., 1986.

Духовная культура Китая: энциклопедия. В 5 т. [Т. 1:] Философия. М., 2006; [Т. 2:] Мифология. Религия. М., 2007; [Т. 3:] Литература. Язык и письменность. М., 2008; [Т. 4:] Историческая мысль. Политическая и правовая культура. М., 2009; [Т. 5:] Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. М., 2009; [Т. 6 (дополнительный):] Искусство. М., 2010.

Ермаков М. Е. Мир китайского буддизма: (По материалам коротких рассказов IV—VI вв.). СПб., 1994.

Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М., 1987.

Меньшиков Л. Н. Из истории китайской книги. СПб., 2005.

Меньшиков Л. Н. Рукописная книга в Китае I тысячелетия н. э. // Рукописная книга в культуре народов Востока (очерки). Кн. 2. М., 1988.

Проза Тан и Сун / Перевод с китайского В. М. Алексеева, О. Л. Фишман, А. А. Тишкова, И. А. Алимова, А. Б. Старостиной. Отв. ред. и сост. И. А. Алимов. СПб., 2015.

Рыбаков В. М. Танская бюрократия. Т. 1: Генезис и структура. СПб., 2009.

Чжуан-цзы. Ле-цзы / Перевод с китайского, вступительная статья, примечания и указатели В. В. Малявина. М., 1995.

Игорь Александрович Алимов

ДЕВУШКА С ОЗЕРА СИХУ

Хун Май и его сборник «Записи И-цзяня»

научно-художественное издание

Редактор — *О. И. Трофимова*
Корректор — *М. И. Тизенгаузен*
Технический редактор — *Л. В. Гохман*

Макет подготовлен в издательстве
«Петербургское Востоковедение»

Издательство **«Петербургское Востоковедение»**
✉ 198152, Россия, г. Санкт-Петербург, а/я 2
✓ web-site: http://pvost.org
✓ e-mail: pvcentre@mail.ru

Подписано в печать 04.11.2018
Гарнитура основного текста типа «Times»
Бумага офсетная. Печать офсетная
Формат 60×90 1/32. Объем 12,2 уч.-изд. л.
Тираж 1000 экз. Заказ № 220

PRINTED IN RUSSIA
ООО «Литография Принт»
г. Санкт-Петербург, ул. Днепропетровская, д. 8, офис 14
www.spbprinting.ru
тел. +7 (812) 712-02-08

в серии

ORIENTALIA

вышла книга

АЛИМОВ И. А. САД УДИВИТЕЛЬНОГО:
Краткая история китайской прозы сяошо I—VI вв.
СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2014. 592 с.
ISBN 978-5-85803-472-8

Данная книга представляет собой первую в российском и в западном китаеведении детализованную историю китайской прозы сяошо с I по VI в. и является частью планируемого трехтомного исследования, призванного рассмотреть историю сяошо вплоть до конца сунской эпохи.

Ярчайшие образцы сяошо I—VI вв., такие как широко известные сборники «Соу шэнь цзи» («Записки о поисках духов») и «Ши шо синь юй» («Новое изложение рассказов, в свете ходящих»), давно уже на слуху у специалистов, но большая часть сяошо этого периода не только не изучена, но даже не введена в научный оборот. Для устранения этой вопиющей лакуны автор рассматривает и характеризует более 60 сборников I—VI вв., а также ряд отдельных текстов. Ввиду весьма малой изученности материала автор делает упор на введение в российскую науку значительного числа новых источников в их детальном описании, включающем как историю самих текстов, так и историю их изучения в Китае — с привлечением большого количества новейшей китайской исследовательской литературы. Описание сборников, весьма разнообразных и представляющих существенный интерес для изучения литературного процесса в Китае, сопровождается выборочными комментированными переводами.

в серии

ORIENTALIA

вышла книга

АЛИМОВ И. А. ЗАПИСИ О СОКРОВЕННЫХ ЧУДЕСАХ: Краткая история китайской прозы сяошо VII—X вв. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2017. 840 с. ISBN 978-5-85803-500-8.

Данная книга представляет первую в российском и западном китаеведении детализованную историю китайской прозы сяошо с VII по X в. и является прямым продолжением монографии «Сад удивительного: Краткая история китайской прозы сяошо I—VI вв.», увидевшей свет в 2014 г.

В книге подробно рассматриваются танские новеллы чуаньци — на примере 27 ярчайших образцов данного жанра, а также 60 сборников сяошо эпохи Тан, посвященных как удивительным, так и обыденным событиям. Ввиду весьма малой изученности материала автор делает упор на введение в российскую науку значительного числа новых источников в их детальном описании, включающем как историю самих текстов, так и историю их изучения в Китае — с привлечением боль-шого количества новейшей китайской исследовательской литературы. Описание сборников, весьма разнообразных и представляющих существенный интерес для изучения литературного процесса в Китае, сопровождается выборочными комментированными переводами.

в серии

БИБЛИОТЕКА КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

вышла книга

ПРОЗА ТАН И СУН

Перевод с китайского
В. М. Алексеева, О. Л. Фишман,
А. А. Тишкова, И. А. Алимова,
А. Б. Старостиной.

СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2015.
512 с. ISBN 978-5-85803-485-8.

Настоящая книга — сборник переводов классической китайской прозы эпох Тан (618—907) и Сун (960—1279): коротких рассказов *сяошо*, новелл *чуаньци*, прозы высокого стиля и отрывков из сборников *бицзи*. Подобное издание, представляющее столь широкую жанровую палитру китайской прозы, в России предпринимается впервые. В книгу включены как уже издававшиеся, но ставшие библиографической редкостью переводы, так и переводы, выходящие впервые.

Издательство «ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

Образовано в 1992 году
В 2003 году внесено
в «Золотую книгу предприятий Санкт-Петербурга»
Почтовый адрес: 198152, г. Санкт-Петербург, а/я 111
E-mail: pvcentre@mail.ru
Web: http://www.pvost.org

Специализация издательства: прежде всего — *научная и научно-популярная литература по востоковедению*, затем — издание трудов петербургских ученых-гуманитариев, преимущественно *в области традиционной культуры*; издание *переводов* важнейших культурных памятников стран Востока.

«Петербургское Востоковедение» — лауреат многих престижных книжных конкурсов.

В 1996 году за издание первого русского перевода Корана (в переводе генерала Д. Н. Богуславского) «Петербургское Востоковедение» получило специальный диплом Петербургского книжного салона.

Издательство — дважды лауреат дипломов ЮНЕСКО за лучшее издание, вносящее значительный вклад в диалог культур (2002, 2004).

В 2002 году лучшей книгой традиционного конкурса национальной Ассоциации книгоиздателей России (АСКИ) была признана книга Е. А. Резвана «Коран и его мир», которая впоследствии стала лауреатом национальной премии Исламской Республики Иран «Книга года» за 2003 год.

Издательство — лауреат национального конкурса «Книга года-2005» в номинации «Humanitus», а также первый лауреат конкурса «Искусство книги», проводимого Содружеством независимых государств.

По итогам конкурса «Книга года-2007» в номинации «Осенняя хризантема» в шорт-лист лучших изданий о Китае вошла книга «Китайская поэзия в переводах Льва Меньшикова».

В 2008 году издательство вновь стало лауреатом национальной премии Исламской Республики Иран «Книга года» за издание первого тома (дафтара) поэмы «Маснави» великого персидского поэта Джалал ад-дина Руми. Полное издание (6 томов) этого памятника было отмечено лауреатским дипломом национальной Ассоциации книгоиздателей (АСКИ) за 2010 год.

Национальная Ассоциация книгоиздателей не раз отмечала лауреатскими дипломами оригинальные книжные проекты и книжные серии издательства в ежегодном конкурсе «Лучшие книги года».

В 2015 году в номинации «Лучшая книга в области гуманитарных наук»-2014 конкурса АСКИ победителем стала двухтомная монография И. А. Алимова и М. Е. Кравцовой «История китайской классической литературы с древности и до XIII в.: поэзия, проза. В 2 частях».

Книги издательства получили более десятка дипломов Санкт-Петербургского государственного университета как лучшие университетские книги года.

В 2017 года издательство стало победителем национального конкурса «Книга года» за четырехтомное издание «Манга Хокусая: Энциклопедия японской жизни в картинках» (в номинации «Искусство книгопечатания»). В этом же году издание стало лауреатом премии «Просветитель» (отдельная, внеконкурсная номинация).